

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

8-е марта (из фронтовой тетради) (Стихотворение) 4

А.Цветков

**Религиозный фактор во внутренней и внешней
политике России** 5

В.Артюшкин

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния религиозного фактора на диалог цивилизаций, глобализацию и урегулирование международных конфликтов. Даётся ряд предложений, направленных на ослабление негативных воздействий религиозного фактора и улучшение международной позиции России.

**Современная концепция прав человека:
не пора ли внести корректизы?** 18

С.Данилюк

В работе дается критический анализ современной концепции прав и свобод человека.

Автор полагает, что доктрина естественных прав личности в западной интерпретации, которая получила свое закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а затем и в других основанных на ней международно-правовых документах, не учитывает всего многообразия многовековых религиозно-нравственных и культурно-дульных ценностей и традиций народов незападной цивилизации.

В этой связи, по мнению автора, современная доктрина прав человека нуждается в дальнейшей корректировке с позиций общечеловеческих, межцивилизационных ценностей.

Типики торговли водоемкой продукцией 41

М.Лемешев, А.Максимов, Б.Маслов

В третьей части статьи приведена оценка положений Водной стратегии России на период до 2020 г. в увязке с наиболее острыми проблемами водного сектора страны,

мировым опытом и тенденциями в водохозяйственной деятельности. На примере российской алюминиевой отрасли, находящейся в частных руках, обосновывается неприемлемость для России подобного производства и экспорта в сырьевых водоемких отраслях, а также ориентации водного хозяйства на их обслуживание.

Понятия угрозы и вызова национальной безопасности

57

А.Михайленко, С.Груздов

Предлагается новый подход к определению понятий угрозы и вызова национальной безопасности, и на его основе авторы рассматривают основные угрозы и вызовы, связанные с присоединением России к Всемирной торговой организации.

Мифы «устойчивого развития»

64

В.Павленко

Предпоследняя часть статьи посвящена постановке проблем коллективной безопасности и управления конфликтами. Практическая часть данной проблемы анализируется автором через призму установочных документов, рассматриваются причины появления Комиссии ООН по миростроительству, ее связь с формированием автономной политической ветви глобального управления, цели, задачи и возможные перспективы, а также роль стратегии «устойчивого развития» в их формировании.

Гражданская полиция ООН

107

С.Тишков

В статье рассматриваются приоритетные сферы участия гражданских полицейских ООН в урегулировании конфликтов, поддержании мира и миростроительстве постконфликтных обществ. На основе анализа миротворческого опыта уточняются критерии эффективности деятельности гражданской полиции в составе многокомпонентных миротворческих миссий ООН.

«Дипломат из страшной сказки»

115

А.Берков

«Дипломат из страшной сказки» – это воспоминания близкого друга о выдающемся дипломате и ученом В.Софинском, трагически ушедшем из жизни, его ратных и послевоенных днях.

Мнение российских юристов-международников о решении ЕСПЧ по делу «В.М.Кононов против Латвии»

118

А.Абашидзе

Публикация содержит консолидированное мнение видных российских юристов-международников в связи с решением Большой палаты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «В.М.Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному само управлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

8-е марта (из фронтовой тетради)

Анатолий Цветков

Сегодня день 8-го марта,
А я под проволокой ползу,
Взрывчатку в тыл врага несу,
Такая выпала мне карта.

За то, что Гитлер наяву
По-воровски ударив в спину,
Убийц послушную машину,
Направил прямо на Москву.

Я это не могу простить
И буду рвать фашистов в клочья,
Зимой и летом, днем и ночью,
Чтоб только Родину спасти.

Она вновь к миру возвратится,
Пройдя превратности борьбы,
И как избранники судьбы
Мы будем Родиной гордиться.

Пока лишь падает ракета
И впереди нелегкий путь,
Чтобы успеть еще рвануть
И возвратиться до рассвета.

Сегодня день 8-го марта,
Любви и жизни день единства,
День дорогостоящего материнства, –
За них вперед ползу азартно.

8-го марта 1942 г. под Курском

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаевич – Член Союза писателей России. E-mail: anatoli2010@gmail.com

Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России

Виктор Артюшкин

Роль религиозного фактора в мировой политике не только давно признана, но анализируется и учитывается при разработке внешнеполитических доктрин и проведении конкретных политических акций*. При этом многие исследователи считают, что успехи и неудачи политических акций определяются не только правильноностью или ошибочностью примененной логики действий, но и соблюдением морально-нравственных принципов. «Политика, в основе которой лежит попытка получить преимущество, используя или, наоборот, игнорируя религиозный фактор, приводит к тому, что выигрывая в одном, вы неизбежно проигрываете в другом»¹. Такое видение означает, что учет религиозного фактора необходимо делать всегда, поскольку он не только своей реальной, но и духовной ипостасью, может влиять на механизмы политического действия.

Принято выделять несколько основных причин (форм) взаимовлияния политики и религии².

Первая является следствием того, что религия является одним из видов идеологической системы и уже поэтому даже своим присутствием в обществе является включенной в его политическую жизнь.

Вторая определяется человеческим фактором, то есть порождена интересами и действиями духовенства, когда достаточно просто и убедительно ради высокой цели обосновывается необходимость учета религиозно-нравственных норм в том

АРТЮШКИН Виктор Федорович – старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО. E-mail: ururur@mgimo.ru

Ключевые слова: религиозный фактор, мировая политика, субъекты сил влияния, межрелигиозное взаимодействие, равноправие религий, общий моральный кодекс, религиозный аспект в деятельности ООН.

* Например, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт в своей последней книге через описание поступков политиков и простых граждан подчеркивает тесную связь религии и политики¹.

или ином социальном действии или политическом решении. Таким образом, клерикальные круги могут продуцировать свое присутствие в политической жизни.

Третья отражает корыстные намерения политиков использовать религию в своей политической борьбе.

Четвертая появляется там и тогда, когда верующие вынуждены обращаться к религии, чтобы укрепиться духом в проявлении своего протesta и жестком оформлении своих интересов, чаяний и надежд.

Членение на формы взаимодействия политики и религии помогает унифицировать получение и классификацию «образов» взаимовлияния.

В научных работах, посвященных истории мировой политики, всегда можно отыскать примеры событий, позволяющие выстроить их в ряд по степени влияния религиозного фактора. Такой ряд – от полного отсутствия религиозной компоненты до полной тождественности религиозного и политического – свидетельствует о наличии ситуационной зависимости и указывает на необходимость выявления при анализе происходящих процессов их значимых индивидуальных особенностей.

Проведем анализ только нескольких точек взаимодействия религии и политики. Выбор определяется их важностью, а она может устанавливаться по-разному: по декларациям государственных институтов, программным документам правящих политических партий, по высказываниям политических руководителей и т.п. В данной статье темы выбирались по критерию общей важности для развития всего мирового сообщества. Они связаны с проблематикой диалога цивилизаций, глобализации и урегулированием международных конфликтов.

Диалог цивилизаций

Дискуссия, начатая после распада СССР Ф.Фукуяной и С.Хантингтоном, о новых движущих факторах исторического развития вызвала повышенное внимание политиков к вопросам взаимодействия цивилизаций. Однако научной, а не политической разработке проблемы мешает неоднозначность используемых терминов, включая даже краеугольный – «цивилизация». При этом для практической политики вопросы строгого описания понятия цивилизации или определения их числа существенного значения не имеют. В подавляющем количестве исследований, в которых цивилизационный фактор привлекается в качестве объяснительной категории событий мировой политики, преобладает рассмотрение столкновений с участием небольшой группы цивилизаций (западной, исламской, православной, китайской)³. Абстрагирование от теоретической полно-

ты в угоду узкому кругу реально интересных противоборств с ярко выраженным различиями в мировоззренческих базисах свидетельствует о необходимости учета особой роли религиозной составляющей в объяснении цивилизационных взаимодействий.

Практикующиеся ныне формы политической пропаганды добрососедства и сотрудничества, направленные на развитие дружественных отношений от городов побратимов до международных форумов, достаточно аморфны, но тем и хороши, поскольку позволяют охватить и многие направления сотрудничества, и широкие слои населения. Однако такая расфокусированность должна дополняться целенаправленным развитием контактов между группами населения, обладающими наибольшим потенциалом противостояния и способных порождать социальные и политические угрозы.

Люди с однотипным образом мыслей, однотипным образом действий и однотипным образом жизни стараются испытать свое единение, собравшись вместе. Оказавшись рядом, они «заряжают» друг друга, создавая потенциал коллективной социальной энергии. Эта энергия способна трансформироваться в любые действия, включая и негативные, независимо от того, группа ли это болельщиков, тинэйджеров, пенсионеров или верующих. Ослабление хотя бы одной из трех компонент единения способно существенно снизить интеграционный эффект коллектива. Поэтому религиозные контакты, например, в виде паломничества не отвечают задаче снижения потенциала межконфессиональной напряженности. Они способствуют укреплению международных внутриконфессиональных связей, что сразу повышает для паломников статус исповедуемой религии и позволяет уверенней себя чувствовать в отстаивании интересов своих церквей на национальном уровне. В итоге международные внутриконфессиональные связи добавляют еще одну – международную компоненту единения, усиливая у верующих ощущение своей исключительности. Религиозные же контакты сподвижников различных религий, хотя реализуются гораздо сложнее, но зато работают в направлении ослабления межконфессионального противостояния.

Одним из доступных и наиболее дружественных способов взаимодействия, демонстрации приятия иной религии является участие в религиозных праздниках друг друга, которое необходимо расширять и пропагандировать. Очень важным в этом является не только благословение высших церковных иерархов на такие деяния, но и их пример кропотливого созидания межцерковной жизнеорганизации.

Насколько мощным пропагандистским инструментом может быть широкий и постоянный диалог почитаемых руководителей церквей видно на примере деятельности покойного патриарха Алексия II. Именно его вклад в развитие диалога религий был признан одним из наиболее значимых личных достижений служения Алексия II и отозвался участием в его похоронах многих иерархов других церквей, подчеркнув тем самым мировую значимость личности усопшего.

Увязывание успешности межрелигиозного диалога с деятельностью церковных иерархов частично решает вопрос определения субъектов у сил влияния и действия в межцивилизационном диалоге. Если такое служение происходит, то ситуация с неопределенными субъектами влияния в многоаспектном и размытом межцивилизационном взаимодействии становится совсем иной – ситуацией с персонифицированными полномочными субъектами.

Для сознания религиозного человека, основанного на вере, пример почитаемого иерарха является весьма значимым и побудительным мотивом для пересмотра своей позиции и поведения. Ведь человек идет в церковь, чтобы по наставлениям проповедника изменить себя и свою жизнь. Но на такое следование мы можем рассчитывать только в случае существования большого авторитета религиозного лидера, который не возникает автоматически у любого священнослужителя по мере его восхождения по церковной иерархической лестнице. Здесь и находится область необходимости участия государства. Заботясь о деятельности межрелигиозного диалога, оно должно способствовать становлению и укреплению авторитета религиозных лидеров.

О том, что такие задачи хорошо решаются с помощью современных СМИ, свидетельствует, например, информационная компания по освещению похорон патриарха.

Государственная религиозная политика

Реализация эффективного межрелигиозного общения на международном уровне не может быть достигнута без успехов в организации такого же взаимодействия на национальном уровне. И здесь решение уже отмеченной задачи государства – содействовать упрочению авторитета религиозных лидеров – является и более сложной и более необходимой. Действенного диалога можно ожидать, если все стороны представлены реально признанными религиозными авторитетами. Но этот авторитет могут иметь только те, кто отстаивает для своих церквей равные права и возможности с другими церквями. Если равенства церквей нет, то через любое взаимодействие лидеров будут пробиваться элементы его оттеняющие, подчеркивая тем самым существующую несправедливость и стимулируя процесс разобщения их паств.

Россия во всех сферах жизни многое заимствовала у Золотой Орды. И одним из самых важных опытов было уважительное отношение ко всем религиям. По закону монголо-татар полагалось бояться и уважать всех богов, чьи бы они ни были. Этот принцип веротерпимости соблюдался и в рамках ислама, который приняла Золотая Орда. России, унаследовавшей этот принцип, удавалось интегрировать в состав империи многие народы и земли, не допуская перетекания религиозных конфликтов в религиозные войны.

Президент России Д.А.Медведев в своей инаугурационной речи выразил надежду

на то, что «мир и согласие в нашем общем доме будут и дальше укрепляться сотрудничеством разных конфессий, социальных групп и национальных культур»⁴.

Однако принцип веротерпимости, к сожалению, не трансформировался в принцип равноправности религий в новой России*. Введение равенства для узкого круга избранных только по одному из множества критериев – исторической традиции – не заменяет их неравенства по другим, например, по численности и концентрации паств, оставляя тем самым лазейку для последующего ранжирования и раздачи прерогатив уже в кругу избранных. Члены четверки, решившие возможным и справедливым применение принципа принижения других религий, утратили моральное право протестовать против возможного его применения по отношению к себе.

Введение статуса традиционных религий в известной степени явилось умалением роли и значения остальных. Если на прошлом историческом этапе это могло оправдываться необходимостью после советского периода восстановления церковной паствы и жизни на основе исторических традиций с расчетом на ответную помощь церкви в заполнении морально-нравственного вакуума и консолидации общества, то сегодня после укрепления выделенных четырех религий, особенно православия, освоившего даже новые формы: храмы-поезда и храмы-пароходы, это в

* Немалую роль в этом сыграла Православная церковь. Проведение ею политики давления на принятие решений государственными органами виден на следующем примере. В своем послании от 8 июля 1996 г. в Государственную Думу митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ссылаясь на «пожелания десятков миллионов верующих» предложил исключить из проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», принятого Государственной Думой в первом чтении, следующее положение: «Установление каких-либо преимуществ или ограничений для одной или нескольких религиозных организаций не допускается»⁵.

значительной степени носит характер субъективного выбора властью правильных для народа религий.

В настоящее время наибольшей консолидации общества можно достичь только на широком конфессиональном поле. В ситуации узаконенного неравенства продолжение политики укрепления позиций, прежде всего, православной церкви усиливает потенциал конфликтности, повышает агрессивность по отношению к инакомыслящим и представляет серьезную потенциальную угрозу для социальной стабильности общества.

Свое исключительное положение РПЦ зачастую обосновывает небывающим всплеском религиозности народа.

По данным социологических исследований, в современном российском обществе существует значительный проправославный консенсус: «очень хорошее» или просто «хорошее» отношение к православию выражали 82% населения (1999 г.) и 94% (2000 г.), однако, храм посещали (не реже одного раза в месяц) от 2 до 7% населения⁶.

Цифры, столь стремительно приближающиеся к 100%, сразу вызывают ассоциацию с всенародной поддержкой политики коммунистической партии времен СССР.

Такие цифры, конечно, вызывают необходимость объективного объяснения.

«Значительная часть россиян, вероятно, воспринимает православие не столько как религию в собственном смысле слова, сколько как символ русского своеобразия и некой духовной ценности этого своеобразия, как что-то, что может быть с гордостью противопоставлено другим и ценность чего эти другие тоже в какой-то мере признают»⁶.

Если рисовать более широкую статистическую картину через данные разнооб-

разных опросов, то она будет выглядеть не столь однозначной, а скорее весьма противоречивой*.

«Анализ содержания понятия “верующий” позволил социологам сделать вывод о весьма поверхностном «религиозном возрождении».

Так, по общепринятым в социологии религии измерению религиозности – посещению церкви раз в месяц (6–7%) – Россия занимает одно из последних мест в мире»⁸.

Если говорить о возможных вариантах свободы верующего в рамках церкви, то можно обозначить две крайние позиции. Первая предполагает заботу церкви о морали и нравственности, но предоставляет человеку, вооруженному религиозной моралью, свободу действий. Верующему доверяют, доверяют его совести, определяющей решение общих и частных проблем.

Вторая концентрирует верующего на практические действия под управлением церкви в попытке изменить ту или иную общественную ситуацию. Необходимость совершения деяния мотивируется святостью или чистотой помыслов, формируются причинно-следственные связи между действиями церкви и последующим успехом.

Какую позицию занять в конкретной ситуации прихожан наставляющий священнослужитель решает сам. Он может выбрать роль духовно-нравственного советчика, а может духовно-нравственного руководителя. Во втором случае, по сути, начинают решаться политические задачи, и священнослужитель становится участником политических процессов.

Наиболее мощна позиция деятельной жизни церкви представлена в

* По данным фонда «Общественное мнение» (апрель 2008 г.), только 59% граждан называют себя православными, а по данным ВЦИОМ, в том же 2008 г. – 73%⁷.

РПЦ. Православные братства, сестричества и мирянские движения, каждое, выбрав свое направление, в совокупности охватывают большой круг социальных проблем, а грань между духовным и политическим характером в их деятельности может легко преодолеваться.

РПЦ, вопреки положению конституции о светской государстве, настойчиво проводит политику по десекуляризации общества.

Это проявляется в многолетних попытках ввести в школьную программу в каком-либо виде «Основы православной культуры», в организации в армии института армейских капелланов, в противопоставлении общепринятым правам человека православной концепции прав человека.

Увеличение паства – одна из форм религиозного служения, а притязания на позицию духовно-нравственного судьи и учителя логично приводят церкви к вмешательству во все сферы общественной жизни. Добиваясь влияния в обществе, она тем самым уже обозначает себя субъектом политики. Пределов в расширении своего влияния ни церкви, ни религиозные организации для себя не устанавливают*.

Переход со стороны высших государственных лиц от форм демонстрации почтания церкви к формам де-

монстрации *преклонения* перед церковью в мировой практике традиционно считается нежелательным и даже социально опасным явлением, подрывающим светский характер современного государства. Пропасть между борьбой за свободу вероисповедания и насаждением религии и ее морально-нравственных воззрений под предлогом спасения государства, легко преодолевается по мосту благосклонности власти придерживающихся.

Примером тому служит стремление, в частности, Православной церкви быть представленной в государственных институтах и участвовать в определении вопросов внутренней и внешней политики.

Призывы РПЦ к «защите духовных рубежей нашего Отечества» еще раз подчеркивают выбор в пользу жесткого противостояния основополагающим ценностям западной цивилизации.

«Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями. Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, церкви в то же время не может положительно воспринимать такое устроение миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность»⁹.

Трансформации религиозности

В каком же состоянии находится религиозность на Западе сейчас, к какому результату привело следование религиозному плюрализму, провозглашенному в 60-х годах?

В те годы «в Италии только 37% опрошенных считали, что «существует одна ис-

тинная религия», в 1994 г. во Франции это признавали 16% французов, а в настоящее время – 6%. В большей степени эта тенденция характерна для молодежи: в 1998 г. только 4% англичан, французов и немцев от 18 до 29 лет считали, что «истина принадлежит одной религии». Это показатель серьезной мутации религиозного чувства»¹⁰.

* Так, идея панисламизма «мусульманского порядка», появившегося в XIX в., приняла экстремальную форму у «Братьев-мусульман». Их целью провозглашено создание всемирного исламского государства и освобождение от неверных территорий, где распространен ислам.

Вне зависимости от массовости и многовековой истории расцвет традиционных религий находится в прошлом*. Полноценный ренессанс ни одной из них невозможен. Необходимость жить в согласии с меняющимся миром диктуют им путь проведения реформ. Процессы необходимого обновления религиозных идей, с одной стороны, помогают приспособиться к современности, а с другой – способствуют созданию атмосферы перемен, свободы, рождающей новые мировоззрения.

Следование принципу свободы совести в условиях глобализации логично привело от плюрализма христианских и исламских традиций к конкуренции на свободном религиозном рынке с восточными религиями, с языческими и оккультными учениями. Сокращается число традиционных верующих, однако растет число верующих в сверхъестественное. При такой толерантности религиозных идей и «размытости по ним» верующих уже нельзя говорить о действии объединительной функции основных религий, на которую так надеются многие российские политики.

Генератором столь стремительных изменений была информационная революция и переход к информационному обществу. Каждый ищущий истину может сейчас легко удовлетворить свои потребности в «интеллектуальных товарах». Каждый может подобрать учение, подходящее ему, совершая процесс «субъективизации истины». При этом в

массовом увлечении оккультизмом выражается поиск новой религиозности.

Это не просто создание синтетической мировой религии на основе уже существующих, то есть ренессанс экуменизма – идеи объединения церквей, сформулированной еще в 1897 г. на конференции 194 англиканских епископов в Ламбете. Это поиск именно принципиально новой религии. Глобализация столь радикально меняет мир, что новое должно рождаться не только в сфере науки, экономики, капиталов, финансов, политики, но и в мировоззрении.

Наиболее динамично и звучно времени это проявляется в становлении движения «Новая Эра», в основе которого лежит идея всеединства. Одним из объяснений успеха этого движения является соответствие его принципов разворачивающимся глобальным процессам, а именно глобальное мышление и плюралистический универсализм. Существование почти полноценной системы взглядов и толкований мира позволяют считать ее одной из современных систем мировоззрения.

Переход России в информационное общество в условиях глобализации для РПЦ будет неминуемо переходом в свободную конкуренцию не столько с другими религиями, сколько с мировоззрениями, учениями и движениями, сходными с «Новой Эрай».

Главное отличие старых религий (в основном христианского толка) от новых мировоззрений, сходных с «Новой Эрай», в том, что нельзя преодолеть никакими модернизациями – это ори-

* По данным французского института общественного мнения, католики составляют 64% населения, однако только 4,5% из них каждое воскресенье ходят в церковь. «Посещаемость» месс во Франции – самая низкая из всех католических стран.

Во Франции растет число людей «без религии». В 1987 г. они составляли 21% населения, а сейчас 28% (NEWSru.com 30 дек. 2009 г.).

Число американцев, относящих себя к нерелигиозным, с 1990 по 2008 г. увеличилось с 8 до 15% (с 14 млн. до 34 млн.). (Обобщающий доклад «Обзор американской религиозной принадлежности» // Freethought today. December 2009. V.26, #10, section 2, p. 8).

ентация на любовь к ближнему в ущерб любви к себе. Для «Новой Эры» характерна иная позиция, утверждающая, что любовь к другому невозможна без любви к себе. Именно с этого человек должен начинать. Только поднявшись до любви к себе человек может бескорыстно любить другого.

Самым мощным, но потому и самым опасным принципом на этом пути является приоритет личной свободы. Опасность заключена в поверхностном понимании свободы и соответствующих такому пониманию поступков, а сила определяется возможностью пробуждения скрытых способностей каждого человека и обращение их на благо всего общества.

На пути перехода к информационному обществу Россия неминуемо пройдет через трансформации религиозности, что будет опасно противостоять позиции и действиям РПЦ в борьбе с «духовной агрессией».

Остановить процесс перехода к информационному обществу РПЦ не может. Поэтому она стала активно участвовать в нем, полагая, что с его помощью сможет влиять на развитие процесса.

«Информационные и компьютерные технологии дают возможность практически каждому, кто их применяет, осуществлять глубокую и относительно произвольную перестройку и индивидуального, и массового сознания»¹⁰.

Не видно никаких оснований полагать, что РПЦ в информационном обществе сможет сохранить свои сегодняшние привилегированные позиции. А это значит, что их искусственное расширение или закрепление грозит усилением конфликтности в обществе и наиболее опасно противостоянием с молодым поколением.

Свою борьбу за народ РПЦ уже давно проиграла. Непонятно, почему

она решила, что новое время перемен с кризисом коммунистического мировоззрения означает ренессанс православного мировоззрения. Идеологическое безвременье – это не время переноса корчеванием «славного» в прошлое в настоящее, это поиск спасающих путей в будущее с учетом современной интеграции помогающего и мешающего развитию общества. Модернизация сколь бы хороша она не была всего лишь временно отодвигает достижение конструктивного предела пути, преодоление которого опять предстоит искать.

Россия может выступать в мировой политике как страна многоконфессиональная, успешно решавшая и решающая вопросы мирного сосуществования всех религий на своей территории. Этот статус весьма важен в сегодняшнем мире, в котором нарастает потенциал религиозных конфликтов и террористических угроз. Поэтому представление России как страны православной не только надуманно, социально опасно, но и политически недальновидно.

Чем дальше мы зайдем в сторону почитания какой-либо одной религии, тем болезненней будем выходить оттуда, а это неизбежно, поскольку уже многократно доказано историей, что ни одна из существующих религий не имеет рецепта эффективного решения всего комплекса морально-нравственных проблем, стоящих перед обществом.

Религиозный фактор необходимо нивелировать, уравновешивая все конфессии в правах. Выделение привилегированной группы, а в ней наиболее значимой РПЦ, способствует усилению роли религиозного фактора в жизни страны и отражается на имидже России.

Для представления себя как образцового многоконфессионального государства необходимо обеспечить реаль-

ное равноправие всех конфессий в нашей стране. Если проводить государственную политику с расчетом на помочь религии в духовном обновлении и консолидации общества, то необходима серьезная работа по созданию равных прав для всех конфессий. Решению этой задачи может помочь повышение статуса государственных учреждений, отвечающих за работу с религиозными организациями.

Еще одним инструментом по переходу к действительному равноправию религий была бы отмена дискриминационных положений законов, регулирующих деятельность религий, но сейчас эту меру без конфликта с православной церковью провести нельзя, сначала надо сформировать соответствующее доминирующее мнение в об-

ществе. А оно может быть ускоренно сформировано через создание свободной конкуренции мировоззрений.

Исключение религиозного фактора возможно только через широкую религиозную консолидацию. Достижение этого во внутренней политике позволит полноценно следовать тому же принципу и во внешней политике. Позволит превратить Россию в страну, способную решать проблемы широкого многоконфессионального равноправного диалога и на этом основании претендующую на заметную роль в решении любых международных конфликтов с религиозной составляющей. В страну, обоснованно предлагающую морально-нравственные принципы для новой формирующейся системы международных отношений в глобализирующемся мире.

Глобализация

С развитием науки и техники значение религии в жизни общества неуклонно уменьшалось, а с развитием философии она почти утратила и свою мировоззренческую функцию. Однако значение религиозной морали почти не изменилось. Она по-прежнему участвует в определении социальных морально-нравственных норм.

В 90-х годах прошлого века, когда глобализация только набирала обороты, существовало убеждение, что этот процесс благодаря своим особенностям является саморегулирующимся и не нуждается в каком-либо внешнем управлении. Последний же мировой финансовый кризис показал, что ни один рыночный механизм, включая и мировой рынок в эпоху глобализации, не должен функционировать без контрольно-регулирующих институтов. Рыночный механизм безжалостен по своей сути, его процессы необходимо корректировать под социальные задачи на глобальном уровне так же, как это делается на наци-

ональных уровнях. Причем, так как правовое регулирование принципиально отстает от появления новых форм финансово-экономических антиобщественных действий, значение морально-нравственных качеств у представителей политических, экономических, финансовых элит не ослабевает. Необходимость присутствия морально-нравственного измерения в процессах глобализации подчеркивается высшими иерархами многих церквей.

Например, в католической социальной доктрине провозглашен приоритет морально-этического подхода ко всем проблемам. С этих же позиций Ватикан рассматривает и глобализацию. Она может служить человеку или прибыли, и поэтому быть или благом, или злом.

На сегодняшнем этапе глобализация предстает, прежде всего, процессом создания глобального финансового рынка и следующим из этого абсолютным приоритетом экономики. Для своего функционирования структурам, с ним связанным, не требуется следование этическим нормам. В этом Вати-

кан* и видит одну из причин нынешнего кризиса, сходную позицию занимает и РПЦ.

В условиях отсутствия общей идеологии рассчитывать на простое решение задачи выработки общего «морального кодекса» для глобализирующегося мира не приходится. Значимую помощь в такой работе могут оказать религии. При этом ни одна из религий не может определять ход этого процесса, но этого от них и не требуется. Ценность представляет порождаемый религиями в обществе поиск нравственных ориентиров, под воздействием которых в будущем будут формироваться внешняя и внутренняя политика государств.

Президент России Д.А.Медведев в своих выступлениях, посвященных финансовому кризису, высказывался о необходимости в международных экономических отношениях следовать принципу справедливости. Однако, отсутствие не только общего понимания справедливости, но даже всеобщего понимания добра и зла существенно затрудняет задачу спецификации справедливых действий. Ситуация все-таки не является тупиковой. В соответствии с особенностью языка, по которой, в силу своей естественности, понятие справедливости, а точнее ощущение ее соблюдения или нарушения в конкретных случаях, хорошо поддается интуитивной идентификации.

Использование морального аспекта в аргументации причин кризиса разделяется не всеми. Некоторые эксперты считают, что в порождении кризиса виновата не замкнутость финансово-экономической цепочки, а неполнота системы коммерческих интересов, то есть отсутствие фирм, делающих бизнес на плохих кредитах. Значит, дело не в том, что сво-

бодный рынок не имеет ограничителей от безудержной наживы, а в том, что он, как оказалось, не был всеобъемлющим.

Продолжая работу по введению в новую систему международных отношений глобализирующегося мира морально-нравственных критериев-категорий, можно обратиться к давней идее взаимозависимости в мире.

«Так, признание мировыми религиями идеи взаимозависимости мира, его универсальности и единства, основанного на сотворении его Всеышнем, предопределяет внимание, которое уделяется различными религиозными направлениями глобальным проблемам»¹².

Идея взаимозависимости является более универсальной, чем принцип соблюдения справедливости, понимаемый весьма несхожим образом или даже отвергаемый полностью.

Ярким примером являются огромные бонусы у топменеджеров обанкротившихся банков в разгар мирового финансового кризиса. Такое стяжательство не было названо несправедливым. Его пожурили всего лишь как нескромное поведение.

Включение справедливости в принципы глобального взаимодействия экономик может найти гораздо меньшее число сторонников, чем принцип, выражющий взаимозависимость и всеединство. Он присутствует и в религиозных доктринах, и в оккультных учениях, и в новых религиозных движениях.

Многозначность какого-либо морально-нравственного термина или тезиса не является преградой введения его в общий «моральный кодекс», который и не может быть написан языком детально выверенных морально-нравственных определений.

* В своем ежегодном обращении по случаю Всемирного дня мира 1 января папа Римский Бенедикт XVI заклеймил глобальную финансовую систему как эгоцентричную и близорукую, которая мало заботится об общественном благе и призвал глобализирующися мир к «общему морально-му кодексу», что как-то поможет сократить пропасть между бедными и богатыми¹¹.

Предлагается для отражения взаимозависимости ввести эту норму в общий моральный кодекс в следующей формулировке – «мы за все в ответе».

Этот постулат достаточно емок и глубок, имеет мощный морально-нравственный, интуитивно понимаемый контекст, и, следовательно, может выполнять роль общего морального принципа. Он призывает к взаимопомощи и консолидации в действиях по улучшению мира. Он благодаря широте своего понимания побуждает, в частности, и к соблюдению справедливости.

Современный мир позволяет квалифицированному, талантливому, но безнравственному мошеннику всегда найти путь обхода запретов для достижения личного обогащения любой ценой. Единственной защитой от этого может быть только нравственная прививка в

виде моральных установок, формирующих понимание смысла жизни, ответственности перед всеми, перед миром. И неважно, верующий он или нет. Главное, чтобы возникло это чувство ответственности, выросшее через ответственность перед родными, страной, человечеством до ответственности перед природой или богом. Предлагаемая формулировка интегрирует в себе все сказанное и даже гораздо больше и обладает потенцией быть принятой и атеистами и верующими.

Этот морально-нравственный принцип может широко использоваться для информационно-пропагандистских целей. Он позволит России остаться в числе активных участников важной риторики по необходимости осознания морально-нравственного измерения для процессов глобализации.

Урегулирование конфликтов с религиозной составляющей

Очень выгодным положением для участия, а значит и влияния в мировой политике, обладает католицизм. Имея свое государство – Ватикан, католицизм непосредственно участвует в межгосударственных отношениях. Но и другие наиболее массовые религии давно имеют возможность выносить свою позицию на международный политический уровень. Многие из них создали международные организационные структуры, у некоторых даже многовековой опыт деятельности.

У католицизма, кроме Ватикана, есть Комиссия епископатов Европейских сообществ, Совет епископских конференций Европы и др.

У мусульман – Организация Исламская конференция и др.

У буддистов – Всемирный буддистский альянс, Азиатская буддистская конференция за мир, Всемирный совет буддистской сангхи и др.

Существуют совместные международные организации – Всемирный совет церквей (около 300 протестанских и православных), Конференция европейских церквей (123 церкви и 25 ассоциированных организаций, представляющих православную, англиканскую и протестантскую традиции).

Некоторые религии участвуют в политической жизни через свои партийные структуры, которые к тому же осуществляют координацию своей деятельности*.

* Христианско-демократические партии, ориентированные на католицизм и протестантизм, координируются Европейским демократическим союзом, Христианско-демократической организацией Америки, Всемирным союзом христианских демократов.

Исламские партии: Мусульманская лига в Пакистане, Партия независимости в Марокко, Исламский фронт национального спасения в Алжире, все партии в Иране (неисламские партии запрещены).

Каким образом еще можно было бы сочетать интересы государств и религий в мировой политике?

Одним из механизмов, позволяющим учесть и нивелировать религиозный фактор в мировой политике, является использование официальных механизмов ООН.

Россия с 2006 г. стала продвигать на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН идею создания в рамках организации Совета религий. Но подробного описания его целей, задач и устройства пока широко предъявлено не было. Как представляется, можно сконструировать несколько возможных механизмов по формированию совета и сформулировать высокие цели и насущные задачи, но способен ли будет этот орган вырабатывать консолидированную позицию? Непонятно, за счет чего он может кардинально в своей работе отличаться от, например, Всемирного совета церквей.

Исторический опыт показывает весьма низкую эффективность религиозных контактов в ситуациях преодоления политических кризисов, а различного рода международные межрелигиозные форумы реально выполняют хотя и важные, но только информационные задачи. И это происходит, в частности, потому, что противоречия не существенные, по мнению атеиста, являются непреодолимыми для иерархов церкви. К сожалению, не всегда эти разногласия лежат в сфере принципиальных тонкостей религиозных доктрин, часто они определяются обыденной жизнью паствы, создающей экономическую основу существования церкви.

При создании Совета религий в рамках ООН нельзя обойти серьезные вопросы и проблемы юридического характера.

Какие религии имеют право претендовать на место в Совете? Какие мировоззренческие системы имеют право на

статус религии? Существует ли уже в наше время религиозная secta или движение, которое является зачатком новой мировой религии, а, значит, к ее позиции следует отнести наиболее внимательно?

В рамках направления на более активное включение религиозного аспекта мировой политики в деятельность ООН можно было бы изучить также следующий вариант действий. Для содействия в предотвращении, разрешении и ликвидации последствий кризисов, имеющих религиозную составляющую, создать комитет из стран-членов ООН, обладающих развитой многоконфессиональной структурой и положительным опытом предотвращения и преодоления конфликтов на религиозной почве. На место в комитете не смогут в таком случае претендовать государства с неразрешенными конфликтами, к числу которых можно отнести Израиль, Ливан и т.п.

Многоконфессиональными странами можно считать те, в которых есть несколько конфессий, каждая из которых объединяет в своих рядах значительную долю населения.

Из этих стран на несколько лет путем голосования на Генеральной Ассамблее ООН выбирается рабочий президиум.

Россия, как многоконфессиональная страна, на территории которой никогда не было религиозных войн, будет одним из главных претендентов на членство в комитете и его президиуме.

Такой комитет, *во-первых*, мог бы активно подключаться к урегулированию конфликтов, где налицо религиозная составляющая. При этом он, естественно, не был бы конкурентом государств и международных организаций, а выполнял сугубо вспомогательную функцию.

Во-вторых, комитет содействовал бы привлечению к урегулированию непосредственно религиозных организаций.

В-третьих, для современных конфликтов характерно переплетение политического и религиозного факторов.

«Как правило, религиозно-общинная окраска конфликтов образует их общий фон, однако, по существу, мировозреческие признаки отступают перед столкновением прежде всего социально-политических ин-

тересов участвующих в конфликтах сторон и связанных с ними зарубежных сил»¹².

Это значит, что религиозная составляющая конфликта является последствием, а не причиной конфликта. А для решения социально-экономических задач необходим опыт, прежде всего, государственных институтов.

Вполне очевидно, что более активное подключение конфессий к деятельности ООН – вопрос неоднозначный, требующий самого внимательного предварительного изучения. При этом в любом случае конфессии могут претендовать лишь на вспомогательные, консультативные функции.

Примечания

¹ Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 305.

² Мчедлов М.П. Политика и религия. М.: Советская Россия, 1987.

³ Паршин П.Б. Государство и цивилизация в современных международных отношениях. Аналитическая записка НКСМИ. 2008. Декабрь.

⁴ URL:www.kremlin.ru/appears/2008/05/07/1235_type63374type82634type122346_200262.shtml

⁵ URL:www.newsru.com/religy/12dec2008/umfrage.html

⁶ Каариайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 11–16.

⁷ Социальная реальность. 2008. № 7(29). С. 60.

⁸ Величко О.И. О социальной доктрине русской православной церкви // Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. Доклады Института Европы. 2000. № 72. С. 30.

⁹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, XVI.4.

¹⁰ Четверикова О.Н. Религия и политика в современной Европе. 2005. С. 39, 43.

¹¹ URL:www.newsru.com/religy/12dec2008/finances.html

¹² Ковалевский Н.А. Религиозный фактор: проблемы влияния на мировую политику // Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. Доклады Института Европы. № 72. С. 15, 16.

Современная концепция прав человека: не пора ли внести корректизы?

Станислав Данилюк

Necessitas publica major est quam privata*

Свыше 60 лет, прошедших после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г., позволяют взглянуть на этот важный документ через призму уникального исторического опыта его реализации и более основательно оценить некоторые современные мировые тенденции в области обеспечения прав и свобод личности.

Как известно, Всеобщая декларация прав человека положила начало процессу формирования международного гуманитарного права в широком смысле, а ее принципы и нормы включены во многие национальные конституции.

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских

референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) также учтены практически все ключевые положения Декларации. Более того, в Основном Законе нашей страны сформулированы нормы, не имеющие прямого аналога ни в упомянутой Всеобщей декларации, ни в других международных документах.

Речь идет о ст. 2 Конституции Республики Беларусь, в которой провозглашено, что **человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства**.**

Исходя из этого программного тезиса, раздел II Основного Закона нашей страны «Личность, общество, государ-

ДАНИЛЮК Станислав Евгеньевич – судья Конституционного Суда Республики Беларусь. E-mail: stas@kc.gov.by.

Ключевые слова: христианские религиозные ценности, секуляризация права, общепризнанные принципы и нормы международного права, либеральная концепция прав и свобод индивидуума, межцивилизационные ценности.

* Necessitas publica major est quam privata – Общественная необходимость более важна, чем частная.

** Все выделения по статье сделаны автором.

ство» фактически устанавливает современную иерархию ценностей.

При этом возникает вопрос, насколько такой подход правомерен и отвечает жизненным реалиям.

На наш взгляд, такая расстановка социальных приоритетов требует дополнительного осмыслиения их содержания и взаимосвязи.

Во-первых, объявление личности в качестве более высокой ценности, чем общество, вызывает серьезные возражения. ЧАСТЬ чего-либо никогда не может быть выше, главное, значимее, чем ЦЕЛОЕ. Это противоречит всем законам Вселенной, живой природы и социальных систем. И вряд ли возможно привести хотя бы один убедительный пример, опровергающий этот тезис.

Во-вторых, если быть последовательным, то необходимо признать, что некоторые нормы, например часть первой ст. 23 Конституции Республики Беларусь (о допустимости ограничения прав и свобод личности), часть пятая ст. 44 (о возможности принудительного отчуждения имущества по мотивам общественной необходимости) и ряд других положений юридически не вполне корректны, так как противоречат части первой ст. 2 Основного Закона.

Если твердо придерживаться данной формулы, то следует признать, что личные досмотры в аэропортах, оперативно-розыскная деятельность и другие подобные мероприятия ограничительного характера нарушают права человека и поэтому не соответствуют провозглашенному конституционному принципу.

Важно выяснить, что послужило концептуальной предтечей вышеназванного положения ст. 2 Конституции Республики Беларусь.

Полагаем, что в новейшее время указанная идея в своем первоначальном виде

была сформулирована в **Декларации прав и свобод человека**, утвержденной Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. в следующем положении: «Каждый человек обладает естественными, неотъемлемыми, ненарушимыми правами и свободами. Они закрепляются в законах, которые должны соответствовать Всеобщей декларации прав человека, международным пактам о правах человека, другим международным нормам и настоящей Декларации. Все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности».

В дальнейшем она была закреплена в **Декларации прав и свобод человека и гражданина**, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., в которой указывалось: «Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, Верховный Совет РСФСР принимает настоящую Декларацию».

Позднее схожая по содержанию норма вошла в ст. 2 Конституции Российской Федерации 1993 г.: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

В рамках рассматриваемого вопроса представляется оправданным обратить внимание на современные комментарии специалистов текста Конституции Российской Федерации.

«Радикальные преобразования в стране в конце 1980-х – начале 1990-х годов породили частое, иногда чрезмерное обращение властей за интеллектуальной поддержкой зарубежных, в основном западных, специалистов и экспертов по вопросам экономической реформы, конституционного строительства и т.д. Не стали исключением и разработчики официального проекта Конституции России».

Проект Конституции рождался в голосах политиков новой, демократической

волны, а отечественные ученые, привлеченные к работе по его подготовке, являлись зачастую крупными специалистами именно по конституционному праву зарубежных стран, международным отношениям, политической географии. Позже это стало поводом для упреков в излишнем «копиизме»¹.

В ст. 3 Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь, принятой Верховным Советом Республики Беларусь 27 июля 1990 г., правам человека хотя и отводилась важная роль, но они не объявлялись ценностью высшего порядка: «Государственный суверенитет Республики Беларусь утверждается во имя высшей цели – свободного развития и благополучия, достойной жизни каждого гражданина республики на основе обеспечения прав личности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ее международными обязательствами».

Из этого следует, что, права человека играют в данном документе подчиненную роль, а точнее, роль средства для достижения более высокой цели – свободного развития и благополучия, достойной жизни каждого гражданина республики.

Однако в принятой в 1994 г. Конституции Республики Беларусь уже провозглашалось, что человек является высшей ценностью общества и государства. А по результатам референдума 1996 г. часть первая ст. 2 Конституции была сформулирована в ныне действующей редакции: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства».

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие в конституциях западных стран аналогичной по содержанию нормы, их государственная идеология и правовые доктрины настойчиво декларируют именно указанный принцип.

Можно утверждать, что авторами конституций Российской Федерации и Республики Беларусь была заимствованна мировоззренческая идея, не имеющая достаточно глубоких корней в общественно-политическом и правовом сознании наших народов.

Более того, представляется, что триада:

- «1. Личность –
- 2. Общество –
- 3. Государство»

(именно в такой последовательности определяющая иерархию ценностей) неверна и порочна по самой сути. Она характерна для евро-американской цивилизации, в которой господствует идеология ИНДИВИДУАЛИЗМА и ЭГОИЗМА («Я – пуп земли и все крутится вокруг меня»).

Для славянской же культуры характерна совершенно иная парадигма – КОЛЛЕКТИВИЗМ, ВЗАИМОВЫРУЧКА, ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ («Сам погибай, а товарища выручай»), то есть общинное сознание, когда интересы нации, народа превыше всего.

В советское время это получило отражение в поэтических строках: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Кроме того, в славянской традиции, что также нашло отражение в русской классической литературе, всегда превалировал идеал не личной свободы, а должностствования, то есть чувство долга, ответственности за свои действия.

Уверен, что в исторической перспективе общество, построенное на принципах индивидуализма, имеющее так называемую атомистическую, дискретную структуру, обречено. Индивидуалист никогда не способен на самоожертвование, он всегда ставит свои собственные интересы выше интересов общества, самонадеянно забывая, что именно благополучие социума служит гаранцией его безопасного существования.

ния и выживания (в том числе продления рода) как отдельно взятого индивида.

Весь трагический опыт человечества, включая гибель целых народов, наций и цивилизаций, убедительно свидетельствует о том, что началом системных кризисов наряду с другими причинами являлись рост взаимной отчужденности людей, слабость внутренних социальных связей, национальная разобщенность, рыхлость государственных структур, отсутствие объединяющей идеи, то есть всего того, что разрушает общественный организм, а не объединяет его в целое.

По мнению автора, система социальных отношений, базирующаяся на началах взаимопомощи и всеобщей солидарности, более справедливая, а значит, и жизнеустойчивая.

Можно, разумеется, поставить под сомнение подобный дискурс, возразив, что конституционную норму о правах и свободах человека как высшей ценности не следует понимать буквально, что она в определенной мере носит декларативный характер и имеет смысл лишь как ориентир для государственной политики, как постоянное напоминание о том, что, защищая общественные интересы, не следует забывать и об интересах отдельно взятой личности.

Однако для любого юриста является аксиомой, что каждую норму права необходимо толковать буквально и свято ее выполнять.

Проиллюстрируем, к чему может привести на практике последовательное проведение в жизнь вышеназванного принципа.

В первую очередь я имею в виду прецедент, который связан с принятием Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 31 июля 1995 г. № 10-П², в котором речь шла о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации

ции и постановления Правительства о применении на территории Чеченской Республики Вооруженных Сил без объявления чрезвычайного и военного положения и допущенных при этом массовых нарушениях прав и свобод человека.

В частности, рассматривался вопрос о законности введенных ограничений на профессиональную деятельность журналистов (нарушение свободы слова), о законности выдворения за пределы Чеченской Республики лиц, представляющих угрозу общественной безопасности и личной безопасности граждан (нарушение права выбирать место пребывания) и т.п.

Показательно, что в результате рассмотрения указанного дела 8 из 18 судей высказали особое мнение – случай сам по себе уникальный в практике работы Конституционного Суда Российской Федерации. Однако более существенно отметить, что многие апеллировали именно к аргументу, согласно которому при конкуренции конституционных ценностей необходимо отдавать предпочтение правам человека.

Получается, что, поставив на высший пьедестал **права человека**, мы формально юридически должны будем признать, что они важнее и значимее **суверенитета и территориальной целостности государства, его конституционного строя, национальной безопасности**.

Нынешний Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В.Д. (в 1995 г. являлся судьей Конституционного Суда) в одной из своих статей писал по этому поводу: «Когда меня спрашивают, что было самое опасное в прошедшее десятилетие действия Конституции Российской Федерации, я без всяких колебаний отвечаю, что это была **реальная опасность развала страны**»³.

В связи с этим невольно приходят на ум слова великого реформатора России **П.А.Столыпина** (1862–1911 гг.), произнесенные им 13 марта 1907 г. в Государственной Думе: «Бывают, господа, роко-

вые моменты в жизни Государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью Отечества»⁴.

Итак, выстраивая иерархию конституционных ценностей мы, безусловно, должны отдавать приоритет интересам общества.

Любопытно, что в проекте Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, подготовленном известным правозащитником Сахаровым А.Д. в конце 80-х годов прошлого века, права человека также не ставятся во главу угла, хотя и дается ссылка на Всеобщую декларацию прав человека ООН.

Автор, в частности, пишет: «Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом»⁵.

Близкую позицию занимает и другой непримиримый оппонент советской власти, всемирно известный русский писатель Солженицын А.И., который в одном из своих радиоинтервью сказал: «Защищая права человека, мы забываем о правах общества. Но ведь только сильное общество может защитить права человека»*.

Думаю, с приведенным тезисом полностью согласятся все, пережившие анархию и правовой беспредел начала 90-х годов ХХ в. И это не исключительная особенность бывшего советского строя: как только государство ослабляет регулирующие, в том числе полицейские функции, граждане самых демократических и цивилизованных

государств превращаются в дикую толпу погромщиков и мародеров**.

Общество имеет приоритет перед государством. По сути, государство представляет собой всего лишь аппарат для защиты общества. Другое дело, что данный аппарат используется властью далеко не всегда в интересах большинства. И это характерно не только для авторитарных режимов (вспомним Людовика XIV с его знаменитым выражением: «Государство – это Я!»), но и для современных так называемых демократических обществ, где наличие процедуры выборов еще не свидетельствует о подлинном народовластии.

Более того, государственно-политическое устройство (в том числе и границы) может неоднократно меняться. Возьмем хотя бы нашу общую историю: царская, советская, постперестроченная Россия (это в полной мере касается и Беларуси и Украины), а общество, тем не менее, сохраняет свою национально-культурную самобытность и особый социально-психологический менталитет. Распад общества – не обратимая катастрофа, поскольку с карты Земли безвозвратно исчезает этнос, нация, народ.

В подтверждение приведенной мысли можно сослаться на авторитет А.Д. Тойнби, утверждающего в своем фундаментальном труде «Постижение истории», что «общество, а не государство, есть тот социальный “атом”, на котором следует фокусировать свое внимание историку»⁶.

В данной работе не хотелось бы поверхностно касаться сложного феномена

* Единство взглядов двух выдающихся мыслителей по затронутой проблеме тем более ценно, что в целом они стояли на разных мировоззренческих позициях. Пользуясь терминологией русской общественной мысли XIX в., можно с известной долей условности отнести их историко-политические убеждения к идеологии западничества (А.Д. Сахаров) и славянофильства (А.И. Солженицын).

** Достаточно вспомнить примеры некоторых социальных последствий недавнего времени: наводнения в американском Новом Орлеане в 2005 г., волнений мигрантов во Франции в 2006 г., беспорядков в Греции в 2008 г. и др.

иудейской расы, но одно бесспорно: острое осознание каждым евреем своей принадлежности к единому этносу (в том числе и через религиозную веру в особую избранность как народа Завета), надгосударственная солидарность и племенная сплоченность позволили потомкам Авраама через тысячелетия гонений, притеснений и распыленности по всему свету удивительным образом сохранить свою национальную идентичность, базовые историко-культурные ценности, традиции, обычай и, в конце концов, обрести вожделенную государственность.

Реальный приоритет общества перед личностью убедительно вытекает из того факта, что в конституциях почти всех современных государств (ст. 3 Конституции Республики Беларусь, ст. 3 Конституции Российской Федерации и др.) содержится норма о том, что **единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является народ**.

Кроме того, для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни могут проводиться референдумы (ст. 73 Конституции Республики Беларусь, ст. 3, 130 Конституции Российской Федерации).

Из изложенного следует основополагающий вывод о том, что **закон – это выражение воли большинства** (не политической элиты, не олигархов, не чиновничьей номенклатуры, не прибли-

женных к власти юристов и т.п.). Данное умозаключение вполне созвучно классической формуле права: «**Закон есть выражение общей воли**» (ст. 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.). А если это так, то именно народ (то есть все общество в целом) должен определять, какие права человека и в каком объеме допустимы. Можно также утверждать, что именно гражданское общество выступает гарантом обеспечения прав и свобод отдельно взятого индивида*.

Более того, если в процесс создания законов вовлечено большинство населения (в том числе и через референдумы), то оно вряд ли допустит принятие безнравственных либо несправедливых законов, а также норм права, противоречащих интересам общества.

В свою очередь, мораль формирует – общество. **Мораль – это продукт всего общества**, которое вырабатывает наиболее приемлемые и многократно проверенные практикой правила поведения и ценностные ориентации.

Таким образом, ценность личности не может быть выше ценности общества, поскольку только **общество** обладает **абсолютной ценностью** и защищать эту ценность призвано государство. Наиболее емко данная идея выражена в Конституции Французской Республики (1958 г.): **«Правление народа, народом и для народа»**.

Резюмируя подчеркнем, что, говоря о приоритете общественных (национальных) интересов, мы не стремимся принизить значение прав человека. Главная и самая трудная задача – достижение **справедливого равновесия, разумного баланса, гармонии** между доминирующими требованиями **общественного интереса** и объективно обоснованными требованиями защиты **основных прав человека**.

* К указанному необходимо добавить, что свобода личности всегда представляет собой лишь часть свободы, которой располагает данное общество в целом. Никто еще не опроверг тезис В.И.Ленина о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»⁷.

Свобода – это, в первую очередь, не привилегии, а обязанности (А.Камю)

Провозглашение прав человека высшей ценностью небезупречно и с точки зрения фундаментальных положений о **правовом статусе личности**, который предполагает **неразрывную связь прав и обязанностей** (одно без другого невозможно и немыслимо).

Однако вопрос об обязанностях, как нам представляется, в постсоветских конституциях, в том числе Конституции Республики Беларусь, не достаточно четко артикулирован. Не уделяется должного внимания этому аспекту и в современных конституциях западных стран*.

Следует отметить, что гл. 7 Конституции СССР 1977 г., по нашему мнению, вполне обоснованно называлась «Основные права, свободы и **обязанности** граждан СССР».

Кроме того, в части второй ст. 39 Основного Закона СССР содержалось чрезвычайно важное положение о том, что «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан».

Вспомним также и основательно забытый ныне Моральный кодекс строителя коммунизма, принятый на XXII съезде КПСС (1961 г.), в котором было закреплено 12 требований, то есть, по сути, обязанностей.

Можно сослаться также на древнейший свод нравственно-этических принципов, содержащийся в Библии, которую иногда справедливо именуют Всеобщим моральным кодексом. Причем по своему характеру это свод именно обязанностей, а не прав.

Во Всеобщей декларации прав человека, конечно, говорится об обязанностях

человека перед обществом (ст. 29), но данная норма в общем контексте документа занимает явно несоответствующее ее важной роли место.

В связи с указанным необходимо упомянуть некоторые конвенции по правам человека, заключенные на региональном уровне, незаслуженно замалчиваемые «штатными» правозащитниками и недооцениваемые некоторыми специалистами в области международного права.

Один из таких актов – **Всеобщая исламская декларация прав человека**, разработанная Исламским советом Европы в 1981 г. Она стала одним из первых документов, в котором исламская концепция права вступила в открытое противостояние с западной правовой идеологией. В дальнейшем это противостояние было отражено во многих актах внутреннего законодательства и международных документах мусульманских стран⁸.

Анализируя этот уникальный документ, причем написанный прекрасным юридическим и художественным языком, приходишь к выводу, что в нем совершенно по-иному, чем во Всеобщей декларации прав человека, расположены акценты и приоритеты. В частности, в Исламской декларации выражается требование справедливого перераспределения благ Земли, утверждается приоритет духовного перед материальным, признается **приоритет обязанностей перед правами**⁸.

В 1981 г. был принят еще один важный региональный международно-правовой документ – **Африканская хартия прав человека и народов**, которая со-

* В Конституции США, например, обязанности человека и гражданина вообще не получили отражения.

держит специальный раздел об обязанностях. В ст. 29 данной Хартии предусмотрено, в частности, что человек обязан поддерживать гармоничное развитие семьи и содействовать ее укреплению и уважению, неизменно уважать своих родителей, материально поддерживать их в случае нужды; служить своей нации, предоставляя в ее распоряжение свои физические и интеллектуальные способности; не подрывать безопасность государства, чьим гражданином или постоянным жителем он является; сохранять и укреплять социальную и национальную солидарность, особенно когда она находится под угрозой; сохранять и укреплять национальную независимость и территориальную целостность своей страны, а также содействовать ее обороне в соответствии с законом⁹.

Продолжая рассмотрение вопроса об обязанностях, уместно напомнить еще об одном документе, который по неясным причинам также не получил широкого освещения в юридической литературе. Речь идет о неудавшейся попытке принятия **Декларации Организации Объединенных Наций об обязанностях**.

Идея этого документа, который планировалось принять к 50-летию Всеобщей декларации прав человека, была выдвинута еще в 1997 г. рядом авторитетных западных политиков.

Инициаторами выступили бывший канцлер ФРГ Г.Шмидт, бывший президент США Дж.Картер, бывший президент Франции В.Жискар д'Эстен, бывший премьер-министр Канады П.Трюдо, бывший премьер-министр Израиля Ш.Перес и ряд других известных в прошлом мировых лидеров.

Г.Шмидт так выразил необходимость разработки этого документа: «Если... политики и хранители религий не научатся взаимно уважать религиозное, культурное и цивилизационное

наследие друг друга, если люди не научатся поддерживать равновесие между двумя категорическими императивами – свободой и ответственностью, тогда мир между ними и в самом деле может быть нарушен»¹⁰.

Авторы указанного проекта предполагали, что на пути его реализации их ждут большие трудности. На практике так и случилось: влиятельные мировые силы сделали все, чтобы эта плодотворная идея не была реализована.

Особенно примечательно, что в названной Декларации воспроизведено «золотое правило нравственности», сформулированное еще в Библии: «Не поступай в отношении другого так, как ты не хотел бы, чтобы он вел себя в отношении тебя» (сравни: Евангелие от Матфея, 7 : 12), известное в философии как категорический императив Канта.

Представляются глубоко верными рассуждения на затронутую тему безвременно ушедшего из жизни в 1995 г. митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) о том, что «человек есть олицетворенный долг... Русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных **обязанностей**. Горький опыт междуусобных распреей крепко-накрепко выучил наших предков: акцент на “права” неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации “прав” питает гордыню, высокомерие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне “всех против всех”, по-живому рассекающей народное тело»¹¹.

И в завершение рассмотрения вопроса об обязанностях, следует упомянуть еще об одном важном документе, который был принят на X Всемирном Русском Народном соборе в Москве (2006 г.). Это **Декларация о правах и достоинстве человека**, в которой, в частности, закреплено положение о том, что «**права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека**».

Кстати, либеральная российская пресса, традиционно озвучивающая негативную позицию Запада в отношении России, весьма враждебно отреаги-

ровала на это событие. Для того чтобы развеять необоснованные обвинения в «идеологической атаке на основополагающие принципы прав человека и демократических свобод», один из авторов вышеназванной Декларации – митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл* был вынужден вступить в полемику с главным идеологом Союза правых сил Л.Гозманом**.

Судя по откликам в СМИ и Интернете, некоторые авторы считают Декларацию о правах и достоинстве человека серьезной православной альтернативой Всеобщей декларации прав человека.

Человек в системе религиозно-нравственных координат

К оснувшись религиозной тематики, остановимся на интересующих нас аспектах более подробно.

Провозглашение прав человека как высшей ценности общества противоречит и **религиозным постулатам**. Через всю Библию красной нитью проходит мысль о том, что духовные сверхценности лежат вне сферы земного существования и имеют божественную природу.

В этом смысле показательна каноническая беседа Иисуса с фарисеем-законником (Евангелие от Матфея, гл. 22):

«36. Учитель! Какая наибольшая заповедь в Законе?

37. Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою и всем разумением твоим;

(Втор. 6 : 5; Мар. 12 : 30; Лук. 10 : 27)

38. Сия есть первая и наибольшая заповедь;

39. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя;

(Лев. 19 : 18; Мат. 5 : 43; Мар. 12 : 31)
40. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Как видим, человек в христианской системе координат не занимает главенствующее положение. Любовь к человеку провозглашается в качестве только второй заповеди. И этому есть свое объяснение. Если абстрагироваться от религиозной атрибутики, то в этих наставлениях скрыт очень глубокий смысл и житейская мудрость.

Для верующих Бог – это высшее создание, творец всего сущего. Для философов – это объективное начало, нечто трансцендентальное, метафизическое. Для мыслящих людей – это вечные законы Вселенной, высшая справедливость, абсолютное добро, основная фундаментальная ценность. Это, наконец, правда в ее самом высоком значении.

Вспомним, как говорили наши предки: «Надо жить не по закону, а по совести, по

* Поместным собором Русской Православной Церкви 27 января 2009 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

** Митрополит Кирилл ответил на открытое письмо заместителя председателя политсовета Союза правых сил Л.Гозмана¹².

правде» (именно в этом коренится славянское понимание естественных прав человека).

Видимо, не случайно древнерусский памятник права Ярослава Мудрого назывался «Русская правда».

Однако в любом случае Бог – это то, что стоит выше человека, тот нравственный компас, который указывает путь к духовному идеалу, или, говоря языком верующих, «Дорога, которая ведет к Храму» (в прямом и переносном смысле).

Как пророчески заметил еще Ф.М.Достоевский, «если Бога нет, то все дозволено».

Можно, конечно, возразить на это, утверждая, в свою очередь, что религиозные догмы устарели и в век информационных технологий являются анахронизмами.

Однако следует признать, что *homo sapiens* за тысячи лет нисколько не изменился, поэтому все сказанное актуально и сейчас. Даже если исходить из того, что Библия – не божественное откровение, а многовековой труд обычных земных людей, то следует признать, что это были действительно мудрые люди, которые хорошо знали всемирную историю и причины гибели отдельных народов и целых цивилизаций. И записанные ими постулаты многократно проверены жизнью и выстраницаны человечеством.

Очень точно отметил по данному поводу член Конституционного Суда Республики Армения Р.А.Папаян: «...и Конституции и законы менять можно, а Библию – нельзя»¹³.

Таким образом, как это звучит не парадоксально, а может быть, даже кощунственно, жизнь человека не может

быть признана высшей ценностью. Такой сверхценностью может обладать лишь то, что способствует сохранению человеческого рода и обеспечивает его духовный рост. Именно с этих вполне рациональных (не обязательно религиозно-мистических) позиций необходимо оценивать центральное событие Нового Завета – акт самопожертвования Иисуса Христа, совершенный во имя грядущего спасения всех людей независимо от их социального и материального положения либо расы («нет ни эллина, ни иудея»). Возможно, осмысленное понимание данной истины для одних, либо неосознаваемый, глубоко скрытый в душе природный инстинкт для других является порой тем движущим мотивом, нравственным порывом, который в экстремальной ситуации побуждает человека жертвовать своей жизнью ради интересов более высокого порядка, чем свои собственные. Причем это характерно не только для военного, но и для мирного времени, когда нет прямой угрозы личному благополучию (например, героизм, проявленный при ликвидации стихийных бедствий, техногенных катастроф и аварий, при спасении людей, пресечении преступных посягательств и т.п.).

Что касается истинно верующих людей, то их мотивационный комплекс озаряется сильным духовным смыслом: абсолютным приоритетом перед земным существованием – жизни вечной, которая достигается богоугодными делами*.

К сожалению, начиная примерно с эпохи Возрождения, а затем в период Просвещения в общественно-политическом сознании утвердился и постепенно возобладал эгоистический антропо-

* С религиозных позиций сознательное принесение себя в жертву ради другого человека – это высшее проявление любви, о чем гласит и библейская заповедь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15:13).

поянтизм (об этом в своей Гарвардской речи в 1978 г. убедительно говорил и А.И.Солженицын)¹⁴.

Суть антропоцентризма, или персонацентризма, заключается в том, что человек – центр Вселенной, все крутится вокруг него и имеет смысл лишь постольку, поскольку служит интересам человека. По времени этот период совпал и с развитием концепции естественных прав человека. Однако если на первом этапе данная концепция подчеркивала органическую связь с религиозно-нравственными ценностями, то в последующем произошел постепенный отрыв от божественной, то есть сверхчеловеческой природы естественных прав.

Для наглядности сравним следующие положения.

В Декларации независимости США (1776 г.) было установлено: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их **ТВОРЦОМ** определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью».

В Преамбуле французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) указывалось: «Национальное собрание признает и провозглашает перед лицом и под покровительством **ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА** следующие права человека и гражданина».

Несомненно, существенную роль в этом сыграла **секуляризация права** как процесс высвобождения общественного и индивидуального правосознания из-под власти религии и церкви. С позиций сегодняшнего дня особенно ясно, что наряду с прогрессивными моментами этот процесс имел, к сожалению, и отрицательные стороны.

В настоящее время приходится констатировать очевидную истину: христианский Запад изменяет своим собственным религиозным принципам. В

евро-американской цивилизации широко распространился ценностный релятивизм. А забвение нравственности, морали и упование только на закон может привести к серьезным последствиям.

Вряд ли можно спорить с утверждением А.И.Солженицына: «Ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов, но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека»¹⁴.

С позиций сегодняшнего дня более отчетливо понимаешь глубокий смысл сказанного в 70-е годы XX в. известным государственным деятелем Китая Чжоу Эньлаем, который на вопрос, как он оценивает значение Великой французской буржуазной революции, ответил, что прошло слишком мало времени, чтобы давать ей окончательную оценку.

Напомню, что в ст. 5 Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) был закреплен важный правовой принцип: **«Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом»**.

Формула: «разрешено все, что не запрещено законом», как показала нормотворческая практика западных стран, оказалась однобока и ущербна. Более того, гипертрофированное расширение некоторых социальных прав, не согласующихся с традиционными моральными представлениями, порождает феномен безнравственных законов, которые учитывают лишь извращенные интересы меньшинства.

В первую очередь имеются в виду однополые браки, которые получают все более широкое распространение на Западе.

Моральная дезволюция общества в этой сфере человеческих отношений

поражает своими темпами. Еще совсем недавно по историческим меркам за гомосексуализм была предусмотрена строгая уголовная ответственность, которая подкреплялась всеобщим моральным осуждением. Затем произошла декриминализация этого образа поведения. В дальнейшем началась его открытая пропаганда под флагом половой свободы как разновидности прав и свобод человека. Следующий этап – легализация однополых браков и узаконивание прав таких суррогатных семей на усыновление и воспитание детей. Наконец, апофеозом нравственного падения явилось принятие законов, позволяющих преследовать в уголовном порядке всех тех, кто публично осуждает образ жизни гомосексуалистов.

Самое печальное, что всеобщее грехопадение западной цивилизации коснулось и церкви – именно того института, который, казалось бы, по определению должен стоять на страже морали и нравственности. Некоторые христианские священнослужители (преимущественно протестантского вероисповедания) проводят ныне обряды венчания лиц нетрадиционной ориентации. Это, несомненно, вопиющий факт вироотступничества, но отчасти объяснимый, если иметь в виду, что изначально протестантизм зародился как реформаторское движение внутри христианской церкви, завершившееся радикальным преобразованием церковной жизни и полным расколом с католицизмом.

Еще более опасной выглядит тенденция проникновения вирусов нравственного разложения в среду католического духовенства. Дошло до того, что некоторыми католическими прихо-

дами руководят пастыри-растлители несовершеннолетних, которые вопреки всем библейским заповедям и уголовным законам занимаются педофилией*. И, судя по массовости громких скандалов вокруг упомянутых фактов, Ватикан с трудом справляется с этой неприглядной ситуацией.

Разумеется, католическая церковь в силу своих возможностей по-прежнему пытается влиять на общественные умонастроения, но, по-видимому, традиционные религиозные ценности все больше утрачивают свое значение в современном западном мире.

С учетом вышесказанного вполне закономерной можно считать **ст. 21 Хартии Европейского союза об основных правах (2000 г.)**, в соответствии с которой: «Запрещается всякая дискриминация, в частности, по признакам... сексуальной ориентации».

Если перевести данную норму в практическую плоскость, то это означает, что для человека, открыто придерживающегося нетрадиционного сексуального поведения, не существует запрета на профессии, включая службу в вооруженных силах, правоохранительных и судебных органах, работу в детских и юношеских учебно-воспитательных учреждениях и, разумеется, политическую деятельность. А ведь именно это и происходит в настоящее время в странах Запада.

Самое опасное заключается в том, что при помощи массового искусства на уровне обыденного сознания идет настойчивая поэтизация и романтизация указанного полового извращения.

Так, например, фильм «Горбатая гора», посвященный однополой любви двух американских ковбоев, в 2005 г. победил на международном кинофестивале в Вене-

* Наибольший общественный резонанс получило дело священника из Бостона Дж.Геогхана, который в 90-е годы соблазнил более 130 мальчиков¹⁵.

ции, а в США по итогам 2008 г. главную кинонаграду мира – «Оскара» вручили фильму «Харви Милк», повествующему о деятельности политического гея-активиста.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, бездумно увлекшись защитой прав социальных меньшинств, западный мир незаметно перешел крайне опасную грань, превратившую изначально позитивную идею в уничтожающий ее антитезис. Произошло пагубное для нравственного здоровья общества навязывание подавляющему большинству растлевающего образа жизни абсолютного меньшинства.

Эта порочная практика, конечно же, не имеет ничего общего с демократией, предполагающей установление такого порядка, который, безусловно, одобряется господствующей моралью, разделляемой большинством населения.

Разумеется, никто не оспаривает необходимость защиты прав отдельных социальных групп, но совершенно недопустимо доводить благие начинания до абсурда. Если и далее следовать такой логике, то не существует препятствий для повсеместной легализации педофилии, тем более что в Западной Европе уже появились политические партии, требующие удовлетворения извращенных животных инстинктов своих сторонников под прикрытием демагогичной риторики о правах человека.

Так, нидерландская партия педофилов пропагандирует легализацию детской порнографии и снижение «возраста согласия» (когда подросткам разрешено заниматься сексом с взрослыми) с 16 до 12 лет.

И это, судя по высказываниям ее членов, только начало. Их цель – доказать всему обществу, что сексуальные действия можно совершать с детьми разного возраста и даже с новорожденными!

Несмотря на громкий общественный скандал в связи с появлением такой партии, Гаагский суд в своем решении подтвердил, что право на учреждение полити-

ческой партии является одним из основных прав демократии.

Педофирам осталось только собрать 570 подписей (по 30 подписей в каждом из 19 избирательных округов), после чего они могут принять участие в парламентских выборах¹⁶.

В настоящее время становится все более очевидным, что западная цивилизация деградирует. Общественная мораль очень снисходительна к девиантному безнравственному поведению. Можно сказать, что это общество стремительно утрачивает остатки стыда (именно то чувство, которое отличает человека от животного).

Очень точный, хотя и нелицеприятный диагноз поставил нравственному здоровью западного общества ныне почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своей речи в Страсбурге (октябрь 2007 г.).

Выступая с трибуны Совета Европы он, в частности, сказал: «Сегодня происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека...

В публичной сфере общество и государство должны поддерживать и поощрять нравственность, приемлемую для большинства граждан ...

Отказ от моральной оценки действий человека, власти и народа делает многие общественные проблемы неразрешимыми¹⁷.

Главной проблемой западной демократии, как представляется, является превратное понимание свободы, связываемое со свободой от нравственных норм. Вместе с тем из мирового духовного (в том числе, философского, литературного, богословского) наследия хорошо известно, что только свобода, ограниченная совестью, моральными

обязательствами перед другими людьми, есть подлинная свобода.

В данном отношении уместно вспомнить слова выдающегося российского дореволюционного философа **В.В.Розанова** (1856–1919 гг.) о том, что страшна свобода человека там, где нет признания верховного нравственного закона, нет другой ответственности, кроме той, которую сегодня придумают люди¹⁸.

Эту же мысль, но с современных позиций развивает В.Д.Зорькин, жестко критикуя правовые концепции, согласно которым «личность провозглашается полностью автономной от любой системы ценностей вне зависимости от того, в какой цивилизации она живет. Она сама себе назначает системы ценностей. Для нее нет никаких установлений: что есть грех, что есть добродетель»¹⁹.

В сложившейся ситуации Русская Православная Церковь в последние годы довольно активно и последовательно выступает в защиту нравственных ценностей. Выше уже упоминалось о Декларации о правах и достоинстве человека, принятой на X Всемирном Русском Народном соборе в Москве (2006 г.). Представляется важным назвать еще ряд фундаментальных документов.

В первую очередь это **Основы социальной концепции Русской Православной Церкви**, принятые на юбилейном Архиерейском Соборе (август 2000 г.), в которых выражено философско-этическое, религиозно-духовное осмысление актуальных вопросов современного общества и сформулирована позиция церкви относительно наиболее значимых внутренних и международных проблем.

В заключительных положениях указанного документа, в частности, резюмируется, что «уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, Церковь в то же время не может положительно воспринимать такое уст-

роение миропорядка, когда в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. Именно поэтому, неизменно сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми нерелигиозных убеждений, Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне»²⁰.

Следует также упомянуть **Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека**, утвержденные на Архиерейском Соборе 26 июня 2008 г.

В них, в частности, делаются важные духовно-мировоззренческие выводы о том, что «употребление свободы во зло неизбежно влечет за собой умаление собственного достоинства человека и унижение достоинства других людей. Общество должно создавать механизмы, восстанавливающие гармонию человеческого достоинства и свободы. В общественной жизни концепция прав человека и нравственность могут и должны служить данной цели. При этом они связаны хотя бы уже тем обстоятельством, что нравственность, то есть представления о грехе и добродетели, всегда предшествует закону, который и возник из этих представлений. Вот почему эрозия нравственности всегда в конце концов ведет к разрушению законности»²¹.

Все эти позитивные инициативы Русской Православной Церкви можно только приветствовать, ведь церковь отделена от государства, но не от социума. Более того, церковь – чрезвычайно важный институт гражданского общества. Она, по сути, главный хранитель традиционных нравственно-духовных ценностей народа. И известный консерватизм церкви, в чем ее нередко упрекают, имеет скорее положительное, чем отрицательное значение.

Особенно велика роль церкви в современный сложный период жизни православных народов, характеризующийся утратой былых идеалов, падением нравов, социальной дезориентацией и бездуховностью.

В условиях активно навязываемой Западом всему миру в качестве универсальной системы ценностей либеральной концепции прав и свобод индивидуума, лишенной морального измерения, принципиальная и широко озвученная позиция Русской Православной Церкви по наиболее важным вопросам общественного бытия способна консолидировать нацию в ее стремлении к нравственному самоочищению, возвращению к традиционным христианским истокам, а также придать мощный импульс процессу духовного возрождения.

**То, что мы называем иностранными делами,
больше таковыми не являются. Это теперь внутренние
дела... (Д.Эйзенхауэр)**

И Конституция России (ст. 15) и Конституция Беларуси (ст. 8) признают приоритет общепризнанных принципов международного права. При всем уважении к этим взятым на себя обязательствам необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, западные страны очень вольно трактуют и селективно применяют нормы и принципы международного права.

Что касается, например, США, то можно привести целый список важнейших международных конвенций и договоров, которые они либо не ратифицировали, либо ратифицировали, но не выполняют.

Кроме того, США по многим пунктам систематически нарушают **Хартию прав человека ООН**.

Приведем далеко не полный перечень таких нарушений за последние десятилетия:

- незаконное вторжение на Гренаду (1983 г.) и в Панаму (1989 г.);
- войны в Югославии (1999 г.) и Ираке (2003 г.);
- оккупация Афганистана под надуманным предлогом борьбы с терроризмом (с 2001 г.);
- широкое использование при проведении военных действий запрещенных и бесчеловечных средств уничтожения лю-

дей, в том числе против мирного населения (химические отравляющие вещества, бомбы с обедненным ураном, фосфорные и кассетные бомбы и т.п.);

– беззакония в лагере на военной базе Гуантанамо, где годами без суда и следствия содержатся заключенные;

– пытки и издевательства в иракской тюрьме «Абу-Грейбу»;

– содержание секретных тюрем ЦРУ в Европе и в других регионах мира;

– свержение неугодных правительств, в том числе и путем финансирования оппозиции («цветные революции» или «электоральный интервенционизм») и установление марионеточных режимов («Да, это сукин сын, но наш сукин сын!»);

– манипулирование мировым общественным мнением для достижения своих имперских целей путем использования подконтрольных масс-медиа (особенно во время подготовки и проведения актов международной агрессии) и т.д.

Во-вторых, к общепризнанным принципам и нормам международного права относят лишь те из них, которые получили распространение преимущественно в западном мире. Думается, не случайно в п. 2 ст. 7 **Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод** говорится об «общих принципах права, признанных цивилизованными странами». С высокой долей уверенности можно утверждать, что Запад

не относит к таким «цивилизованным странам» государства Арабского мира, Латинской Америки, Китай, Индию и некоторые другие страны, ориентирующиеся на свои традиционные духовно-религиозные и морально-правовые ценности.

Теперь несколько общих соображений относительно основ международного права.

Однако для начала ответим на один принципиальный вопрос: в чем заключается главный итог окончания Второй мировой войны? По моему глубокому убеждению, прежде всего не в том, что была повержена гитлеровская Германия и капитулировала милитаристская Япония, а в том, что впервые в истории человечества был создан авторитетный межправительственный орган, каким является Организация Объединенных Наций, главное предназначение которой – исключить повторение глобальных мировых конфликтов путем мирного разрешения международных споров.

Можно по-разному оценивать результаты деятельности ООН за годы ее существования, но одно очевидно: эта организация выступала своеобразным гарантом стабильности послевоенного устройства мира, основанного на признании большинством государств принципов и норм международного права.

После известных событий последнего десятилетия о международном праве как эффективном инструменте урегулирования мировых проблем можно, к сожалению, говорить лишь в прошедшем времени.

Несмотря на решительное осуждение натовских бомбардировок Югославии со стороны многих стран мира

(включая Россию и Беларусь), а также таких авторитетных международных деятелей, как Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и папа Римский Иоанн Павел II, некоторая часть так называемого международного сообщества предпочла не заметить вопиющего факта нарушения основополагающих прав человека и устоев планетарного правопорядка. В то же время, когда в феврале 2008 г. албанские сепаратисты в одностороннем порядке вопреки всем нормам международного права (в том числе Резолюции Совета Безопасности ООН 1244 от 10 июня 1999 г.) провозгласили независимость Косово от Сербии, многие страны, причисляющие себя к цивилизованным, по команде из Вашингтона дружно признали независимость этого марионеточного государства*.

После таких необъяснимых метаморфоз впору переиначить известную русскую пословицу на новый лад: «Международное право, что дышло, куда США повернет, туда и вышло!».

Можно ли после всего этого всерьез говорить о существовании **«общепризнанных принципов и норм международного права»** как универсального правового феномена, безусловно разделяемого всеми субъектами мирового сообщества? Представляется, что данный вопрос из разряда риторических.

В связи с этим уместно также привести откровенно циничные высказывания бывшего госсекретаря США Кондолизы Райс о том, что **США должны в первую очередь защищать свои национальные интересы и лишь во вторую – общечеловеческие²²**, или, в том же духе, что внешняя политика республиканской администрации будет **базироваться на твердой почве национальных интересов, а не на интересах не-**

* Порой создается впечатление, что США, как криминально знаменитый дон Карлеоне, периодически делают «цивилизованному сообществу» предложения, от которых оно не может отказаться.

коего иллюзорного международного со-общества²³.

О серьезном кризисе системы международной безопасности убедительно говорил в своей докладе на конференции в Мюнхене (2007 г.) президент Российской Федерации В.В.Путин.

Касаясь созданной Западом модели однополярного устройства мира, В.В.Путин, в частности, отметил, что такое устройство «губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суперена, потому что разрушает его изнутри»; что оно «ничего общего не имеет, конечно, с демократией» и что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна.., так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации».

Констатируя «все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права» и в первую очередь США, которые «перешагнули свои национальные границы во всех сферах», оратор особо подчеркнул, что это «крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности, ...никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной».

Далее, говоря о применении силы, В.В.Путин обратил внимание аудитории на то, что это «должно быть действительно исключительной мерой – так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств. Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию, когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников –

опасных преступников, несмотря на это легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди – сотни, тысячи мирных людей!»²⁴.

Важно подчеркнуть, что после окончания Второй мировой войны существенно изменились роль и значение США в мировой политике. Успешная реализация плана экономической помощи странам Западной Европы (так называемый план Marshalla) позволила США постепенно занять доминирующее положение в этой части континента, а затем и в других регионах мира.

В указанный период происходит и существенная эволюция внешней политики США, которая, беря свое начало от доктрины Монро* и политики «большой дубинки» Т.Рузвельта, переходит от относительного континентального изоляционизма к доктрине Г.Трумэна, а затем к доктринам Д.Эйзенхауэра, Р.Рейгана и другим директивам холодной войны, которые обосновывали особый статус США как мирового лидера и оправдывали экспансию США в другие страны**.

В феврале 1992 г. Директивой президента США № 13 доктрина Монро была распространена на территорию бывшего СССР, провозглашалась цель НАТО «в будущем ввести миротворческие силы в регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий от Атлантического океана до Уральских гор»²⁶.

* Доктрина Монро (впервые изложена в 1823 г.) первоначально выражала идею провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации.

** После событий 11 сентября 2001 г. весь мир стал свидетелем формирования новой концепции стратегического мышления США, закрепленной в доктрине Дж.Буша, которая, исходя из признания сверхдержавности Америки, ее особой миссии спасения всей планеты и непревзойденного военного превосходства, допускает ведение превентивной войны в любой точке земного шара без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН. По оценке Генсека ООН К.Аннана, «Доктрина превентивного военного вмешательства представляет собой фундаментальный вызов ООН и может привести мир к состоянию вседозволенности»

Это выглядит вполне логично и объяснимо, если вспомнить приписываемые бывшему госсекретарю США М.Олбрайт слова о том, что «где же тут справедливость, если такой землей, как Сибирь, владеет только одна страна?»²⁷.

Можно также процитировать еще один пассаж, автором которого является другой бывший госсекретарь США Г.Киссинджер: «Я предпочту в России хаос и граждансскую войну тенденции к воссоединению ее в единое, крепкое, централизованное государство»²⁸.

О реальной приверженности политической элиты США именно этому курсу убедительно свидетельствует ис-

теричное заключение американского «Фонда наследия» относительно Союза Беларуси и России: «Воссоединение России и Белоруссии продолжается, несмотря на протесты Конгресса США и Европейского парламента. Конгресс обязан провести слушания, посвященные этому губительному процессу. США должны поднять вопрос о Российско-Белорусском союзе в ООН и ОБСЕ и открыть широкую поддержку как белорусской демократической оппозиции, так и тем людям в России, для которых очевидна вся опасность этого нездорового альянса»²⁹.

Необходим межцивилизационный диалог

Главный порок и слабость современного международного права, в том числе Всеобщей декларации прав человека ООН, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других основополагающих документов, заключается в том, что в их основе лежат нравственно-правовые стандарты западного общества, которое составляет примерно шестую часть населения земного шара (так называемый золотой миллиард).

В подтверждение сказанного сошлемся на авторитетное мнение известного европейского юриста Р.Давида: «Все признают техническое превосходство Запада, но ситуация меняется, когда речь идет о превосходстве западной цивилизации в целом.

Мусульманский мир, Индия, Дальний Восток, Африка далеки от того, чтобы безоговорочно присоединиться к ней. Они в значительной мере остаются верны взглядам, в которых право понимается совсем иначе и не призвано выполнять ту же роль, что и в западных странах. И мимо этого факта не может пройти правовая картина современного мира, если она хочет быть реалистичной»³⁰.

Однако объективность такова, что длительное доминирование северо-атлантической техногенной цивилизации на мировой арене не могло не привести к вестернизации международного права.

Есть ли приемлемый выход из сложившейся ситуации и возможно ли создать действительно универсальный кодекс прав и свобод человека?

Увердительно на эти вопросы давно отвечают многие политики и учёные. По их мнению, необходимо переходить от так называемого **международного права** (в его современном узком понимании) к **межцивилизационному праву**, по-настоящему учитывающему интересы других цивилизаций и всего человечества. Не только Запада, но и арабского мира, Китая, Индии, а также других развивающихся стран.

Эта идея в последнее время получает все большее распространение, причем не только в среде представителей светского общества, но и богословских кругов.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В.Д. в статье «Верховенство права и встреча цивилизаций» так рассуждает на эту тему: «Если

мы хотим избежать "конфликта цивилизаций", то должны осознать, что современный мир в результате процессов глобализации превращается, по сути, в альянс цивилизаций, «цивилизацию цивилизаций» с разными культурными, этническими, конфессиональными, экономическими укладами»³¹.

Далее, предостерегая от механического усвоения чужих правовых ценностей и справедливо полагая, что в основу альянса цивилизаций должен быть положен баланс таких ценностей, автор пишет о реальной возможности появления межцивилизационного права.

«Не новое конституционное или межнародное право в виде синтеза западных и восточных, христианско-иудейских и исламских правосознаний, правовых обычаев и принципов, а право, отражающее взаимодействие, взаимопроникновение различных правовых систем, идеологий, религий, учитывающее культурно обусловленные стереотипы поведения и психологические особенности того или иного этноса»³¹.

Близкие по содержанию взгляды высказываются и видными представителями духовенства: «До сих пор понимание и применение прав человека носят серьезный культурный отпечаток Запада. Может быть, это не очень заметно на Западе, но это хорошо видится на Востоке, в Азии, Латинской Америке и Африке. Поэтому рано говорить о том, что универсальное видение прав человека уже существует.

На самом деле мы только стоим на пороге выработки действительно универсального понимания прав человека, в которое каждая культура сделает свой вклад. ...Это является одной из первоочередных задач межцивилизационного диалога»³².

В.Д.Зорькин в заключение вышеупомянутой работы ссылается на чрезвычайно важный вывод, содержащийся в докладе «Альянс цивилизаций», подготовленном по поручению Генерального секретаря ООН Группой высокого уровня: «Среди культур нет иерархии, поскольку каждая вносит вклад в развитие человечества. История цивилизаций фактически является историей взаимного заимствования и постоянного перекрестного оплодотворения»⁴².

Это исключительно значимое резюме убедительно подкрепляется жизненными реалиями современного мира. Расширение масштабов глобализации, массовая миграция людей по всему миру в поисках лучшей доли, последующая инфильтрация в приютившую их социально-культурную среду, разумеется, накладывают свой отпечаток на межцивилизационный диалог культур, ускоряя процессы их конвергенции, взаимопроникновения и слияния.

Следует также исходить из того, что по своему менталитету и мироощущению мы (белорусы, украинцы и россияне) не относимся ни к западной, ни к восточной цивилизации, хотя у нас есть много точек соприкосновения и с той, и с другой.

Но в плане этических норм поведения и духовно-нравственных устремлений православный славянский мир гораздо ближе к смыслообразующим, фундаментальным ценностям народов мира, не попавших под влияние вестернизации, чем к западным идеалам потребительского общества и его свободы и демократии без моральных границ.

В начале 2008 г. по телевидению был показан фильм «Гибель империи. Византийский урок» (автор и ведущий фильма – архимандрит Тихон). Главная мысль фильма: утрата нравственных ориентиров, базовых духовных ценностей неминуемо приводит к сумятице в умах и душах людей, а затем и к развалу государства. Этот фильм вызвал бурное обсуждение в обществе и прессе. По мнению одного из критиков, «пафос фильма заключается в мысли, что следовать за идущими к пропасти, то есть **интегрироваться в безбожную западную цивилизацию, безрассудно**»³³.

Впрочем, и многие западные интеллектуалы давно озабочены системным кризисом общества потребления и от-

крыто признают это. Убедительной иллюстрацией сказанному может служить один из главных выводов, содержащийся в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция», подготовленном еще в начале 90-х годов ХХ в. А.Кингом и Б.Шнайдером. «Мир остро нуждается в новом мышлении. Если развитие остальных стран пойдет по западной модели, неизбежна катастрофа. Мы не призываем к застою, но напоминаем о необходимости поисков новых путей развития»³⁴.

Удивительно, но этот вывод во многом созвучен тому, что говорил, вырвавшись из крепких объятий советской тоталитарной системы, А.И.Солженицын, выступая в аудитории старейшего университета США – государства, которое предоставило ему политическое убежище: «Если меня спросят, хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. ...западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой. ...западный образ существования все менее имеет перспективу стать ведущим образцом»¹⁴.

Весьма показательно, что политики и ученые незападных стран в последнее время также озабочены схожими проблемами духовного суверенитета и активно обсуждают дальнейшие пути собственного социокультурного развития.

По информации И.Л.Честнова, в конце 1994 г. в Куала-Лумпур впервые по инициативе представителей развивающихся стран прошла **конференция «Переосмысление прав человека»**, на

которой анализировалась глобальная экспансия западного мира и красной нитью проходила мысль о том, что западное доминирование представляет угрозу правам человека и человеческому достоинству.

Так, в докладе М.М.Аюба (Ливан) «Азиатский дух и моральные ценности человека» было показано, что современная западная концепция прав человека чужда исламской религиозной традиции и идеологии, а Всеобщая декларация с самого начала оспаривалась мусульманскими интеллектуальными кругами, религиозными лидерами и политиками.

В завершение своего обстоятельно-го исследования современных проблем прав личности И.Л.Честнов делает принципиально важный вывод о том, что «Всеобщая декларация прав человека – это именно декларация, и отношение к ней должно быть соответствующее. Общие принципы, закрепленные в ней, наполняются различным конкретным содержанием в контексте отдельной цивилизации. Нельзя пытаться навязать силой свои стандарты прав человека иной культурной общности. Западу необходимо относиться уважительно к иным цивилизациям и вместо монолога (диктата с позиций силы, который неизбежно вызывает ответную реакцию) следует научиться вести диалог»³⁵.

Завершая этот раздел, хотелось бы процитировать откровенные признания одного из столпов западной политологии, профессора С.Хантингтона* из его культовой книги «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» (1996 г.): «В возникающем мире этнических конфликтов и столкновения цивилизаций западная вера в универ-

* Скончался 24 декабря 2008 г. в возрасте 81 года. Символично, что до конца жизни преподавал в Гарвардском университете США, в котором в 1978 г. выступал А.И.Солженицын.

сальность западной культуры страдает тремя недостатками: она неверна; она аморальна и она опасна. Ошибочность ее – краеугольная идея этой книги»³⁶ и далее: «...главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том,

чтобы пытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада – что выше его клонящегося к упадку могущества, но чтобы сохранить, защищить и обновить уникальные качества западной цивилизации»³⁶.

Вместо эпилога

В начале настоящей статьи речь шла о том, что общество имеет приоритет перед личностью. Говоря об обществе, автор, в первую очередь, имел в виду население страны. Однако с учетом глобализации необходимо шире посмотреть на эту проблему.

В уже упоминавшемся проекте Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии академика Сахарова А.Д. сформулирована очень актуальная с позиции сегодняшнего дня мысль: «**Глобальные цели выживания человечества** имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными групповыми и личными целями»⁵.

Видимо, не случайно современное уголовное законодательство многих государств в качестве тягчайших деяний признает преступления против мира и безопасности человечества, группируя их в разделы (главы), которые открывают Особенную часть уголовных кодексов. Этим подчеркивается их исключительная опасность для базисных основ миропорядка и цивилизации в целом.

Разумеется, перечень социально опасных угроз для современного мира гораздо шире.

Это терроризм, международная организованная преступность, неконтролируемое распространение оружия (включая ядерное), политический экстремизм, эпидемия наркомании, СПИД, торговля людьми, морское пиратство, экологические проблемы, ужасающая нищета и голод в некоторых странах «третьего мира». К числу серьезных современных вызовов добавился и глобальный финансово-экономический кризис.

Все указанные фундаментальные факторы уязвимости нельзя устраниć в одиночку, поэтому решение названных острых проблем требует согласованных усилий всего мирового сообщества. Только в таком случае можно реально обеспечить закрепленное в **ст. 28** Всеобщей декларации прав человека право каждого на такой социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью осуществлены.

Известно, что источник терроризма, многих военных конфликтов, социальных волнений и гуманитарных катастроф (особенно в некоторых государствах Африканского континента) – это крайняя бедность народа, вытекающая из общепланетарной социальной несправедливости, когда экономически сильные государства беззастенчиво эксплуатируют природные и человеческие ресурсы слаборазвитых стран. И Запад во главе с США делают все возможное, чтобы консервировать этот позорный статус-кво и впредь, более того, постоянно расширяя свою экспансию и силой навязывая **новый мировой порядок**. А ведь тем самым нарушается основополагающее право на **достойное существование**, закрепленное в **ст. 22** Всеобщей декларации прав человека.

В.В.Путин закончил свою Мюнхенскую речь 2007 г. призывом к западным странам «работать над строительством справедливого и демократического миру-

стройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех»²⁴. Решить же эту сверхсложную задачу можно лишь на путях созидательного обновления всей международно-правовой архитектуры и преодоления межцивилизационного отчуждения, ведущего свой отчет еще от вавилонского столпотворения.

Изложенное в статье позволяет сформулировать основные выводы.

Автор ни в коей мере не посягает на ФИЛОСОФИЮ Всеобщей декларации прав человека 1948 г., на саму ИДЕЮ ГУМАНИЗМА, которая в ней заложена, и, более того, разделяет мнение большинства о том, что эта Декларация сыграла свою позитивную роль в послевоенном мировом устройстве, в деле признания достоинства и ценности человеческой личности, а также уважения ее неотъемлемых прав и свобод.

В своих рассуждениях автор работы попытался доказать следующие основные тезисы:

1. Практика расширения и реализации прав человека в западных странахшла по неверному (точнее, гибельному) пути.

2. Всеобщая декларации прав человека и другие основанные на ней международные документы нуждаются в дальнейшем совершенствовании, а именно:

- в закреплении **ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА**,
- в определенном **ОГРАНИЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВ** и **СВОБОД ЛИЧНОСТИ** с учетом общественных интересов и традиционных норм морали и нравственности,
- и, наконец, в их корректировке с позиций **ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ, МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**.

Примечания

¹ Станских С.Н. Из истории создания Конституции Российской Федерации (Становление института зарубежной правовой экспертизы) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Вып. 4. 2008. № 15. С. 134.

² Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 5. С. 3–18.

³ Зорькин В.Д. Роль права в обеспечении национальных интересов // Право и безопасность. – 2006. № 1–2. С. 16.

⁴ <http://gosudarstvo.voskres.ru/stolyp1.htm>.

⁵ Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер–Версо, 1990. С. 266.

⁶ Цит. по: История государственно-правовых учений. Хрестоматия / Авт.-сост. С.В. Липень; под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2006. С. 644.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

⁸ Лифитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. С. 220–221, 217–220.

⁹ <http://www.memo.ru/Prawo/reg/afrika.htm>.

¹⁰ Толпегин А. Свобода и ответственность неразделимы // <http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/40/tolpegin.htm>.

¹¹ Митрополит Иоанн. Русская симфония: очерки русской историософии. С.-Петербург: Изд-во «Царское дело», 2009. С. 344.

¹² <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/17333.htm>.

¹³ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: НОРМА, 2002. С. 156.

- ¹⁴ Солженицын А. Речь в Гарварде (выступление на ассамблее выпускников университета) // <http://antology.igrunov.ru/authors/solzh/1121759601.html>.
- ¹⁵ <http://news.tut.by/120444.html>.
- ¹⁶ Комсомольская правда. 2007. 19–25 июля. С. 9.
- ¹⁷ Визит тысячелетия. Православие протягивает руку католичеству // Московские новости. 2007. 5–11 октября. С. 20.
- ¹⁸ Цит. по: Материалы «круглого стола»: Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия // Коммунист. 1989. № 15. С. 74.
- ¹⁹ Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: НОРМА, 2008. С. 20.
- ²⁰ <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>.
- ²¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>.
- ²² Российская газета. 2000. 23 декабря. С. 7.
- ²³ Народная воля. 2005. 9 февраля. С. 3.
- ²⁴ Выступление президента России Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Известия. 2007. 12 февраля. С. 3.
- ²⁵ Советская Белоруссия. 2003. 24 сентября. С. 1.
- ²⁶ История государства и права. Хронология. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 138–139.
- ²⁷ Аргументы и факты. 2005. № 6. С. 3.
- ²⁸ Нилов Вл. Письмо из Америки // Советская Россия. 2000. 15 февраля. С. 3.
- ²⁹ Барниц И.Н. О концепции Союзного государства // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1999. № 2. С. 75
- ³⁰ Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. С. 45.
- ³¹ Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 2, 9.
- ³² Выступление председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на семинаре «Эволюция моральных ценностей и прав человека в многокультурном обществе» (Страсбург, 30 октября 2006 г.) // http://www.religare.ru/2_34176.html.
- ³³ Аргументы и факты. 2008. № 7. С. 13.
- ³⁴ «Первая глобальная революция» – первый доклад (отчет) Римского клуба // <http://vals8.narod.ru/gome4.htm>.
- ³⁵ Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 73–82.
- ³⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ACT: ACT МОСКВА, 2007. С. 507, 509.

Тупики торговли водоемкой продукцией*

Ущерб от торговли водоемкой продукцией
в промышленности

Михаил Лемешев
Алексей Максимов
Борис Маслов

Тупики Водной стратегии РФ

Торговля в сельском хозяйстве развивается и будет развиваться под воздействием факторов, не имеющих отношения к воде^{1,2}. Опыт сельского хозяйства – основного потребителя воды подтверждает, что у водного сектора страны имеются свои специфические функции и цели, которые не связаны с торговлей. Поэтому являются искусственными и, судя по Водной стратегии РФ, небескорыстными попытки через идею активизации торгов-

ли водоемкой продукцией «привязать» к этой торговле цели и задачи водного хозяйства страны. Но важно также рассмотреть положение дел с торговлей водоемкой продукцией в промышленности – вторым по объему (после сельского хозяйства) потребителем воды.

Водопользование в сельском хозяйстве составляет от 70 до 90%, а в промышленности – около 4%³.

По данным ЮНЕСКО и Государственного гидрологического института (ГГИ)

ЛЕМЕШЕВ Михаил Яковлевич – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета управления. E-mail: ML1927@mail.ru

МАКСИМОВ Алексей Алексеевич – инженер-гидротехник, экономист-международник, Заслуженный метеоролог РФ. E-mail: imaximov@mecom.ru

МАСЛОВ Борис Степанович – доктор технических наук, академик РАСХН, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ. E-mail: Kusn_Anna@mail.ru

Ключевые слова: водная стратегия РФ, конкурентоспособность водного сектора, Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), водное обслуживание экспортных сырьевых направлений, водная продуктивность в промышленности, бассейновый подход, «руководство» и «управление» водой.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. № 12; 2011 № 1.

Росгидромета⁴, в 2000 г. на долю сельского хозяйства приходилось около 70% от общего водопотребления, а на долю промышленности – около 20% (средние данные по миру).

Что представляет собой торговля водоемкой продукцией в промышленности? Кому выгодна такая торговля? Каково должно быть место водного хозяйства России в этой торговле?

Водная стратегия РФ не ориентирована на обслуживание общегосударственных нужд страны. Одним из таких направлений, как отмечалось, является развитие орошающего земледелия, обеспечивающего в условиях России ее продовольственную независимость и безопасность. Велика роль водного хозяйства страны и в решении проблем обеспечения водой населения, промышленности, окружающей среды, транспорта и т.д. Вместо реализации этого потенциала Стратегией определена установка на «реализацию конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала» и занятие Россией лидирующих позиций в этой области.

Рассмотрим более конкретно недостатки такого изменения роли водного хозяйства России.

В Водной стратегии РФ указано, что она разработана в целях водоресурсного обеспечения реализации Концепции социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (Концепция 2020). Но ни Концепция 2020, ни Водная стратегия РФ не предлагают реальных, обоснованных мер по достижению сформулированных стратегических целей водохозяйственного комплекса страны.

Например, предполагается приоритетное обеспечение населения РФ качествен-

ной питьевой водой, но при этом механизмом реализации этой задачи должна стать программа «Чистая вода». Однако в 2009 г. запланированное финансирование Программы было урезано в 11 раз (с 7,4 млрд. руб. до 647 млн. руб.)⁵. Это означает, что не будет решена эта важнейшая для любой страны задача*.

В Стратегии отсутствует обоснование утверждения, что ее реализация создаст условия для гармоничного социально-экономического развития регионов. Такое обоснование отсутствует и в Концепции 2020, на которую ссылается Стратегия. Тем более отсутствуют реальные меры по реализации такого развития. Вместо этого заложена ориентация на освоение сырьевых и топливно-энергетических ресурсов страны на экспорт.

В частности, продвигается идея формирования сырьевых кластеров, принятая на веру российским руководством от иностранных консультантов. Эта идея в своей основе предполагает ключевую роль частного сектора, в том числе иностранного, при эксплуатации природных ресурсов страны для их экспорта. Сырьевая ориентация экономики является тупиковой и опасной для России – об этом знает и говорит все общество – от президента страны до школьника. Трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС подтвердила пагубность такой политики, а коренные причины этой трагедии заключаются в «погоне за природной рентой» (термин ООН) при эксплуатации природных богатств России.

Вот примеры, подтверждающие такой вывод.

В России приняли на веру идею сырьевых кластеров, несмотря на то, что в мире

* На Международном форуме «Чистая вода» (Москва, 20–23 октября 2010 г.) председатель правительства РФ В.В.Путин пообещал, что в 2011–2013 гг. на реализацию Программы, возможно, будет выделено 9 млрд. руб.

отсутствует согласованная концепция классеров. Такая неопределенность не помешала этой идее стать основой Концепции 2020, продублированной в Водной стратегии РФ.

Необоснованными являются положения Водной стратегии РФ о приоритетном «содействии инновациям, обеспечивающим ресурсосбережения». Невозможно решить эту задачу, когда, например, в концепции ФЦП «Чистая вода» работы по развитию российских технологий и оборудования в секторе водоснабжения и водоотведения (в мире это сейчас наиболее технологически востребованная сфера водного хозяйства) отодвинуты на третий, завершающий этап выполнения Программы – после 2015 г. Тем более, что эта задача нерешиаема из-за фактического прекращения ее финансирования.

Нереальность намерений решать эту задачу становится особенно очевидной на фоне мер, принимаемых другими странами в этой области.

Например, в США под патронажем президента страны совместными усилиями 11 основных министерств и ведомств в 2007 г. была разработана «Федеральная стратегия в области науки и технологий для решения проблем водобеспечения и качества воды в США»⁶.

Разработке этой Стратегии предшествовала огромная исследовательская работа, результаты которой были широко обсуждались в среде ученых, специалистов и «гражданского общества». Все это позволило выделить наиболее приоритетные направления, создать необходимое материально-техническое, организационное, финансовое и кадровое обеспечение реализации Стратегии.

Аналогичная стратегия по внедрению новых технологий в водное хозяйство разработана в Китае, которая, после ее утверждения Госсоветом КНР в 2005 г., была обеспечена финансированием в 20,47 млрд. долл. на период 2006–2010 гг.^{7*}.

Сомнительна задача «формирования реальных предпосылок к реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала». По мнению авторов Стратегии, это позволит России «занять лидирующие позиции при решении вопросов использования, охраны и управления водными ресурсами посредством развития научно-технического, производственно-технологического потенциала, увеличения объемов экспорта инновационных технологических решений в области водного хозяйства, современного оборудования, знаний, опыта создания и управления современными водохозяйственными системами».

Указанная амбициозная задача, судя по Водной стратегии, имеет тройную направленность:

1. Первое направление – увеличение экспорта инноваций, знаний и опыта в области водного хозяйства. Следует подчеркнуть, что в кризисных условиях в водном секторе России решение этой задачи проблематично. Не может стать конкурентоспособным и лидирующим в мире водный сектор страны, который не является национальным приоритетом.

Как следует из одобренной Водной стратегии РФ, в стране фактически свернуто развитие водохозяйственной инфраструктуры, в то время как в Китае, Индии, странах Европы и Америки осуществляются значительные капиталовложения в водохозяйственную деятельность, поддержание и развитие инфраструктуры.

Из 6 млн. га орошаемых земель сельскохозяйственного назначения, находившихся в эксплуатации в РСФСР в 1990 г., сейчас поливается только 600 тыс. га.⁸. Согласно Водной стратегии, уровень 1990 г. предполагается достигнуть только к 2020 г.

* Эти затраты соизмеримы с общими затратами в рамках Водной стратегии РФ на 10 лет.

Показательно отношение к решению проблемы качества воды – ключевой проблемы водного сектора любой страны.

В России потребляется всего 2% наличных водных ресурсов, но эти 2% губят оставшиеся 98%⁸. В этой связи мизерные затраты на решение проблемы качества российских вод на фоне огромных затрат на эти цели в других странах никак не создают условия для повышения конкурентоспособности и достижения международного лидерства водного сектора нашей страны.

2. Вторую часть задачи повышения конкурентоспособности и достижения мирового лидерства предполагается решить в рамках второго этапа реализации Стратегии (2013–2020 гг.) за счет «определения направлений практической реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала на внешних рынках».

Председатель Госдумы РФ Б.В.Грызлов на IX съезде партии «Единая Россия» (14 апреля 2008 г.) и на XII Петербургском международном экономическом форуме (7 июня 2008 г.) разъяснил эту часть задачи: «Учитывая водные запасы России, надо налаживать экспорт питьевой воды», в частности посредством строительства специальных экспортных водоводов и создания соответствующих экономических механизмов, таких как Водная биржа.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность такой задачи, она не так безобидна и разумна. Кроме некомпетентности, в ней заложено такое же корыстное, потребительское отношение к воде, как и к сырьевым природным ресурсам страны.

Примитивная идея «подзаработать» на поставках воды за границу, например, построив экспортные водоводы, организовав поставки бутилированной воды, несомненно для отдельных «шустрых рук» могла бы стать весьма прибыльным бизнесом.

Именно корыстью продиктовано обращение «эффективного собственника» О.Дерипаски в правительство страны с просьбой разрешить дополнительно срабатывать 0,5 м водной толщи оз. Байкал для увеличения энергетической отдачи ГЭС на р. Ангаре, и без того прибыльно работающей на частный алюминиевый бизнес олигарха¹⁰.

Однако следовало бы прислушаться к мнению специалистов о малоперспективности и негативных экологических последствиях вышеуказанной политики.

Вот что пишет известный гидролог профессор И.А.Шикломанов*: «Использование в больших масштабах вековых запасов воды в озерах малоперспективно, поскольку воды в пресных озерах немного (при-

* Профессор И.А.Шикломанов (скончался в августе 2010 г.) – всемирно известный ученый-гидролог, многолетний директор ГГИ, внес значительный вклад в развитие отечественной и мировой гидрологической науки.

По результатам исследований ГГИ, при непосредственном участии И.А.Шикломанова, подготовлен Доклад Комиссии ООН по устойчивому развитию по оценке ресурсов пресных вод в мире (1997 г.), Доклад ВМО «Водные ресурсы – проблема XXI века», и многие другие документы ООН. Указанные результаты были использованы как базовые при принятии соответствующих решений на Конференции ООН по водным ресурсам (Аргентина, г. Мар-дель-Плата, 1977 г.); Конференции ООН по воде и окружающей среде (Ирландия, г. Дублин, 1991 г.); Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Бразилия, Рио-де-Жанейро, 1992 г.); Всемирной встрече ООН в верхах по устойчивому развитию (Южная Африка, г. Иоганнесбург, 2002 г.); XIV Всемирном метеорологическом конгрессе (Швейцария, г. Женева, 2003 г.) и т.д. Кроме того, материалы ГГИ используются в исследованиях Межправительственной группы экспертов ООН по изменению климата (МГЭИК), Института мировых ресурсов и других.

мерно 91000 куб. км) и распределены они крайне неравномерно и, в основном, не там, где есть дефицит пресной воды. Кроме того, использование вековых запасов воды в озерах неизбежно приведет к крайне неблагоприятным экологическим последствиям в результате снижения их уровня и угрозы ухудшения качества воды»⁴.

Значительная угроза от акцента на решение этой задачи заключается в том, что в условиях рыночных отношений, где главный критерий – прибыль, будет девальвироваться подход к воде как к общественному благу, а в едином водохозяйственном комплексе страны неизбежно будет происходить переоценка приоритетов его развития в сторону наиболее прибыльных направлений. От этого, в конечном итоге, пострадает большинство граждан, экономика и природа России.

3. Однако самые разрушительные последствия для российского водного хозяйства может иметь его переорIENTATION на обслуживание сырьевых отраслей страны в соответствии с установками Концепции 2020.

Эти установки связаны с реализацией идеи расширения производства (целенаправленно – на экспорт) водоемкой продукции (сырья и полуфабрикатов, продукции зернового хозяйства, гидроэнергии), а водному сектору – обслуживание этой деятельности.

Такой акцент водохозяйственной деятельности на обслуживание экспортных видов сырья обеспечивает решение узокорыстных задач частного олигархического капитала, а также псевдогосударственных структур, но никак не решение задач общегосударственного развития страны.

Идея расширения торговли водоемкой продукцией, продвигаемая в российских стратегических документах, выводит водный сектор от решения клю-

чевых задач общегосударственного значения, таких как:

- повышение водной продуктивности в сельском хозяйстве;
- промышленности и ЖКХ;
- борьба с загрязнением природной среды;
- внедрение экосистемного подхода.

Именно эти задачи находятся в центре внимания водохозяйственных органов в других странах и деятельности соответствующих международных организаций, прежде всего системы ООН.

Прямыми указанием на тупиковый характер и неприемлемость акцента на развитие сырьевого сектора (обслуживаемого водохозяйственным комплексом) являются результаты глобальных оценок профессиональных организаций, таких как Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО).

Необходимость акцента водного хозяйства (в свете нарастающего водного кризиса) на решение таких ключевых общегосударственных задач, как повышение водной продуктивности и борьба с загрязнением природной среды подтверждается, например, в выводах доклада ЮНИДО «Вода как сфера ответственности всего общества» (2005 г.)¹¹.

В докладе подчеркивается, что для большинства населения мира процветающая экономика и улучшение качества жизни тесно увязываются с улучшением доступа к потребительским товарам. Однако это часто происходит за счет увеличения объемов сбросов твердых отходов, ухудшения качества воды и атмосферного воздуха, что все в большей степени тормозит развитие и ухудшает качество жизни.

Анализируя данные задачи, ЮНИДО подчеркивает ключевую роль не торговли водоемкой продукцией, а эффективного водопользования для экономического роста и улучшения качества жизни. Уже сей-

час при соответствующем стимулировании можно сократить спрос на воду в промышленности от 40 до 90%.

Результаты исследований ФАО в этой области также созвучны результатам ЮНИДО: повышение водной продуктивности (но отнюдь не торговля водоемкой продукцией) признано наиболее приоритетным направлением исследований и практической деятельности в сельском хозяйстве.

Что касается промышленности, то необходимость улучшения водопотребления в этой области подтверждается данными табл. 1.

Не вызывает удивления приведенные в табл. 1 низкие показатели водной продуктивности для России.

Они свидетельствуют о чрезвычайно низкой эффективности использования воды в промышленном и коммунальном секторах страны. Это не позволяет не только приблизиться к показателям водопотребления в экономически развитых странах, но формирует мощный источник негативного воздействия на окружающую среду в целом.

Выше уже отмечалось, что в России потребляется всего 2% имеющихся водных ресурсов, но эти 2% губят оставшиеся 98%. Другими словами Россия при обилии природной воды испытывает ее нехватку для обеспечения благополучия человека, экономики и окружающей среды.

Именно здесь, а не в активизации торговли водоемкой продукцией, должны находиться приоритетные направления Водной стратегии страны!

В свете таких выводов и рекомендаций признанных международных центров становится очевидной вредность запланированных в Водной стратегии России «исследований условий реализации конкретных преимуществ водоресурсного потенциала РФ, анализ возможности размещения водоемких производств на территории страны, опре-

деления направлений участия страны в формировании мирового водного рынка».

Зачем тратить и без того скучные средства на то, что не является существенным для социально-экономического развития страны, и при этом направлять водохозяйственную науку и практику по ложному пути?

В отношении торговли водоемкой промышленной продукцией указанный доклад ЮНИДО приходит к выводу, что «в регионах с нехваткой воды имеет смысл сконцентрироваться на производстве промышленной продукции, которая потребляет мало воды при этом экспортовать следует только ту продукцию, которая имеет высокую водную продуктивность.

И, наоборот, водоемкая продукция, и продукция с низкой водной продуктивностью, такая как продукция алюминиевой промышленности и производства пива, должна импортироваться в регионы, испытывающие нехватку воды, поскольку такой подход формирует путь непрямого импорта воды».

Вполне прагматичный вывод.

Но ЮНИДО рассматривает указанную роль водоемкой продукции только как один из элементов (причем, несущественный) стратегии повышения водной продуктивности и сокращения загрязнения водных ресурсов. Важнейшими элементами такой стратегии считаются: водный аудит производственных процессов, обеспечение соответствия качества воды требованиям производственного процесса, повторное использование вод, оптимизация первичного ресурсного вклада (сырья, воды и энергии) в производственный процесс для снижения производства отходов, применение экономически приемлемых технологий и т.д.

В другом своем докладе «Как выбраться из трясины отсталости: новые

Таблица 1

**Водная продуктивность в различных странах 2000–2001 гг.,
(по докладу ЮНИДО)**

Страна	Добавленная стоимость в промышленности*, млрд. долл. (на 1995 г.)	Водопотребление в промышленности 2000 г., куб. км/год	Население 2000 г., млн. чел.	Водная продуктивность IWP**	
				в промышленности, долл. IVA/куб. м	на душу населения, долл. IVA/куб. м /ч
1	2	3	4 = 1 : 2	5 = 4 : 3	
Аргентина	69,13	2,76	37,03	25,07	0,68
Австралия	107,29	2,40	19,14	44,70	2,34
Австрия	82,15	1,35	8,08	60,85	7,53
Белоруссия	5,76	1,30	10,19	4,44	0,44
Бразилия	239,36	10,65	170,41	22,48	0,13
Канада	205,98	31,57	30,76	6,52	0,21
Китай	593,70	161,97	1282,44	3,67	<0,01
Дания	44,90	0,32	5,32	138,50	26,05
Финляндия	53,22	2,07	5,17	25,66	4,96
Франция	430,02	29,76	59,24	14,45	0,24
Германия	748,18	31,93	82,02	23,43	0,29
Греция	28,18	0,25	10,61	114,44	10,79
Индия	120,24	35,21	1008,94	3,42	<0,01
Индонезия	94,42	0,56	212,09	169,18	0,80
Италия	332,94	16,29	57,53	20,44	0,36
Япония	1889,94	15,80	127,10	119,62	0,94
Южная Корея	285,64	3,05	46,74	93,66	2,00
Малайзия	48,65	1,90	22,22	25,58	1,15
Мексика	99,69	4,29	98,87	23,25	0,24
Россия	139,79	48,66	145,49	2,87	0,02
Южная Африка	51,35	1,61	43,31	31,99	0,74
Испания	208,17	6,60	39,91	31,54	0,79
Швеция	81,68	1,61	8,84	50,67	5,73
Британия	340,03	7,19	59,63	47,28	0,79
США	2147,80	220,69	283,23	9,73	0,03
Венесуэла	31,69	0,59	24,17	53,82	2,23

* IVA – Industrial Value Added (Добавленная стоимость в промышленности);

** IWP – Industrial Water Productivity (Водная продуктивность в промышленности);

вызовы и задачи в промышленном секторе наиболее отсталого в экономическом отношении миллиарда человечества («миллиарда на дне») и стран со средним доходом»¹² ЮНИДО анализирует последствия ориентации стран на добычу и торговлю минеральными ресурсами. Очень актуальный для России вопрос! Он актуален и для водного хозяйства России. На примерах различных стран ЮНИДО показывает, что сырьевая ориентация страны лишает ее возможности преодолеть отсталость и перейти на путь развития.

Авторы Водной стратегии России, внедряя в водное хозяйство страны активизацию торговли водоемкой продукцией, не приняли во внимание результаты экономических исследований, отечественный и зарубежный опыт. Они просто ссылаются на Концепцию социально-экономического развития РФ до 2020 г. (Концепция 2020), положения которой подверглись обоснованной критике ведущими российскими учеными и специалистами.

Такая критика отражена, например, в докладе Института экономики РАН «О перспективах России на 2008–2016 гг. (2008 г.)»¹³; материалах круглого стола по оценке проекта Концепции 2020, проведенного в Минэкономразвития России (сентябрь 2008 г.)¹⁴; конференции «Институциональные предпосылки инновационного развития России», организованной рядом ключевых российских НИИ (октябрь 2008 г.)¹⁵.

В этой связи следует выделить два ключевых мнения, относящихся к Концепции 2020.

1. «От ее правильности и реалистичности зависит многое, вплоть до того, останется ли вообще имя “Россия” на карте мира к середине XXI века»¹⁶.

2. «В ходе обсуждения Концепции 2020 эксперты сошлись во мнении, что стратегической целью государства

должно быть не глобальное лидерство по всем показателям, а стабильный рост благосостояния граждан и, как следствие, положительная динамика национальной экономики. А лидирующие позиции в мире стоит рассматривать лишь как результат максимально благоприятных условий ведения бизнеса в России и полного раскрытия его потенциала» – итоговые замечания Института финансовых исследований по результатам круглого стола в Минэкономразвития России (16 сентября 2008 г.)¹⁴.

При таких характеристиках Концепции 2020 требовалось не только тщательное научное обоснование, но и особая ответственная гражданская позиция ученых и специалистов для того, чтобы избежать включения в Водную стратегию страны положений, направляющих ее водный комплекс по ложному пути во вред общегосударственным интересам России.

Что касается торговли водоемкой продукцией, необходимо было тщательно проанализировать зарубежный опыт в этой области. В частности, сейчас на водное хозяйство все большее воздействие оказывают процессы глобализации. В рамках этого процесса торговле водоемкой продукцией уделяется большое внимание.

Реализация этой идеи прямо отвечает интересам иностранных и российских транснациональных корпораций в ущерб подавляющему большинству водопотребителей. Она направлена на подрыв суверенитета стран на национальные водные ресурсы (в частности через механизм ВТО), разрушает принятый мировым сообществом бассейновый подход в управлении водными ресурсами.

Такие попытки предпринимаются, например, в установочном докладе «Нехватка воды и международная тор-

говля: Необходимость расширения масштаба управления водными ресурсами¹⁷, подготовленном группой авторов во главе с инициатором активизации торговли водоемкой продукцией *A.Hoekstra*.

В докладе игнорируются результаты исследований и мировая практика торговли продовольствием. Безосновательно утверждается, что далеко не всегда эффективным является управление водными ресурсами в масштабах речных бассейнов и многие из современных, казалось бы, водных проблем местного значения на самом деле являются субконтинентальными или даже глобальными проблемами. Поэтому бассейновый подход «уже не годится», а нужно «руководство водными ресурсами» в региональном и глобальном масштабе, включая изменение существующих правовых основ и создание соответствующих наднациональных управлеченческих структур. Эти предложения опираются на установки так называемого «Вашингтонского консенсуса», в соответствии с которыми вода из категории «общественного блага» переводится в категорию товара, подчиняющегося общим принципам рыночных отношений и глобализации (приватизация и либерализация торговли, уменьшение роли государства).

Подробно недостатки теории и практики этого вопроса рассмотрены, в частности, в монографии «Несовместимый с рынком основной продукт. Приватизация воды в Англии и Уэльсе»¹⁸. Применительно к водному хозяйству главными из этих принципов являются экономическая целесообразность (*equity*) (вместо применявшегося ранее принципа «социальной справедливости») и повышение продуктивности и прибыльности в водопользовании (*efficiency*).

Не вдаваясь в подробности предлагаемого подхода, необходимо отметить следующее:

1. Принцип «руководства» водой активно продвигается международной организацией «Глобальное водное партнерство» (*Global Water Partnership, GWP*), созданной в 1996 г. по инициативе Всемирного Банка, который, в действительности, сам является инструментом транснациональных корпораций.

Анализ показывает, что главным отличием «руководства» водой (*governance*) от «управления» водой (*management*) является то, что в новом понятии ключевая роль в водопользовании принадлежит частнику, а в условиях глобализации – транснациональным корпорациям, в то время как роль государства снижается.

Такое изменение ролей выгодно западным корпорациям, которые уже сейчас контролируют 85% мирового рынка экологических товаров и услуг (это, в основном, услуги в водном комплексе)¹⁹. Широкое внедрение понятия «руководство водой» закрепляет ключевую роль частного капитала, включая ТНК.

Однако в мире растет противодействие такому подходу, затрудняющему людям, особенно бедным, доступ к воде и связанным с ней санитарным услугам, а также ограничивающему право стран осуществлять суверенную водохозяйственную политику. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные конфликты в этой области в разных странах, а также провал переговоров в рамках ВТО («Раунд Доха»).

Таким образом, страны выразили недоверие и к идеи активизации торговли водоемкой продукцией, которая в интересах ТНК внедрялась при переговорах ВТО²⁰. Более подробная информация на эту тему представлена в публикациях²¹.

2. Многолетние жесткие дискуссии в рамках ВТО («Раунд Доха») в сфере

экологических товаров и услуг и окончательный провал этих переговоров в 2008 г. показали, что подавляющее большинство стран не намерено поступаться суверенитетом на свои водные ресурсы.

Единственным исключением, возможно, станет Россия, руководство которой, фактически согласилось, в частности, с требованиями ВТО, направленными на уменьшение суверенных прав государства на свои водные ресурсы. Поразительны при этом двойные стандарты Евросоюза. Он, навязывая России приватизацию ее водных ресурсов (правовая основа которой заложена в Водном кодексе РФ), в то же время трепетно относится к «своим» водным ресурсам.

Вот что заложено в первом пункте Рамочной водной директивы ЕС: «Вода является наследием Европы и несовместимым с рынком важным для жизни основным продуктом. С ним обязаны бережно обращаться, сохранять и защищать от любого посягательства».

3. Несостоятельны аргументы о неэффективности бассейнового подхода. Сейчас практически в любой стране, обладающей соответствующими водными ресурсами, законодательно подтвержден бассейновый подход к их использованию.

Показательно, например, отношение стран Евросоюза, США и СССР к этой проблеме. Тенденция к внедрению комплексного бассейнового подхода в управление водными ресурсами в странах Европы и США находит практическое воплощение в разработке региональных и бассейновых планов развития водного хозяйства.

В частности, Рамочная водная директива ЕС требует разработки планов управления речными бассейнами как для каждой части водосбора в отдельных странах ЕС, так и в пределах международных речных

бассейнов. Осуществляется бассейновое планирование количества и качества воды, а также землепользования.

Составной частью планирования является экономический анализ водопользования с целью выявления ценности воды для различных водопользователей. Теоретической основой этих работ является разрабатываемые в Европе концепции и механизмы Водохозяйственных систем (ВХС), посредством которых обеспечивается комплексное решение долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных задач по оптимизации управления водными, земельными и связанными с ними природными ресурсами, и по охране окружающей среды в речном бассейне.

Уместно отметить, что теоретические и практические проработки по этим вопросам активно проводились в СССР в 70-е и 80-е годы.

Можно отметить разработку «Методических основ составления Генеральной схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов СССР на период до 2000 г.», «Основных направлений технической политики СССР в области комплексного использования и охраны водных ресурсов», перспективных водохозяйственных балансов речных бассейнов СССР, бассейновых схем комплексного использования водных ресурсов.

Результаты этих и других проработок были представлены на Конференции ООН по водным ресурсам (14–25 марта 1977 г., Аргентина, г. Мар-дель-Плата).

Аналогичные работы на международном уровне проводились в рамках Международного института прикладного системного анализа (IIASA).

В настоящее время эти работы, кроме стран ЕС, продолжаются также в России и США.

В России можно отметить многолетние исследования по этому вопросу, проводимые в Институте водных проблем РАН, а также в рамках ФЦП «Возрождение Волги». К сожалению, правительство РФ в 2005 г. распорядилось прекратить выполнение этой программы, что «поставило крест» на системном подходе к развитию Волго-Каспийского региона²².

Большой интерес представляет опыт Соединенных Штатов в этой области в частности, опыт применения системного подхода к управлению водными, земельными

и связанными с ними ресурсами в рамках «Программы бассейна залива Чезапик» и деятельности Комиссии по бассейну р. Делавэр.

Ущерб России от обслуживания водным сектором сырьевых направлений

Неприемлемая с точки зрения общегосударственных интересов, противоречащая природе водохозяйственной деятельности ориентация водного сектора России на активизацию торговли водоемкой продукцией через обслуживание сырьевых отраслей экспортной направленности может быть проиллюстрирована на примере функционирования двух гигантских объединений: Объединенная компания «Русал» и ОАО «Евросибэнерго».

ОК «Русал» – это частный монополист по производству первичного алюминия в России, второй в мире по мощности (в 2008 г. произвел 4,4 млн. т, то есть 11% от мирового производства)²³.

«Русал» контролирует абсолютно все алюминиевые заводы России, его главное назначение – производство и экспорт вырабатываемого в стране первичного алюминия. Учитывая то, что в странах СНГ в 2007 г. общее потребление алюминия (включая импорт) составило всего лишь 3% от мирового потребления²⁴, можно считать, что практически весь первичный алюминий, производимый в России, отправляется на экспорт. При этом экспорт алюминия осуществляется в рамках толлинговых схем. Так как компания «Русал» зарегистрирована в оффшорной зоне (о. Джерси), то толлинговые схемы позволяют ей платить в России налоги в объеме всего лишь 2% от своих доходов.

Кроме фактического уклонения от налогов при торговле алюминием, высокая прибыльность компании «Русал» обеспечивается тем, что в ее руках сосредоточены уникальные и дешевые гидроэнергетические ресурсы Сибири.

Электроэнергия имеет ключевое значение при производстве алюминия. Ее доля в среднемировых расходах на выплавку металла составляет 30%.

Однако при выплавке алюминия расходы «Русала» на электроэнергию составляют всего лишь 15% от себестоимости. По оценкам экспертов, расходы «Русала» на производство 1 т алюминия составляют около 900 долл., в то время как в среднем в мире – 1100–1200 долл.²⁵.

Для обслуживания потребностей «Русала» в дешевой электроэнергии создана крупнейшая в России частная компания ОАО «Евросибэнерго».

Она контролирует следующие энергоактивы: ОАО «Иркутскэнерго» (Усть-Илимская ГЭС, Братская ГЭС, Иркутская ГЭС, 9 теплоэлектростанций, электросети); Красноярская ГЭС (в ближайшее время «Евросибэнерго» должно получить 68,26% акций этой ГЭС); ООО «Автозаводская ТЭЦ» (Нижний Новгород); ряд сбытовых компаний, угольные активы, и т.д. Для своих нужд компания «Русал» использовала 70% электроэнергии, вырабатываемой Саяно-Шушенской ГЭС²⁶.

«Русал» участвует в долевом с государством строительстве Богучанской ГЭС на Ангаре мощностью 3 млн. кВт, электроэнергия которой будет обеспечивать производство первичного алюминия на строящихся Богучанском и Тайшетском алюминиевых заводах (проект БЭМО). Эта модель так называемого «частно-государственного партнерства» (ГЧП) очень выгодна для владельца «Русал» О.Дерипаски, однако сомнительна с точки зрения общегосударственных интересов. По состоянию на 2004 г., государство выполнило значительную часть работ по строительству Бо-

ГЭС (освоено 2 млрд. долл. из общей стоимости работ в 3,6 млрд. долл.). Более того, в 2006 г. из Госфонда выделено еще 34,41 млрд. руб. на развитие инфраструктуры, включая БоГЭС²⁷.

В этих условиях энергохолдинг О.Дерипаски, которому принадлежит 50% акций БоГЭС, уже выкупил до 2028 г. всю дешевую электроэнергию, которую с 2010 г. начнет вырабатывать ГЭС.

Кроме указанного ущерба для государства от использования модели ГЧП в гидроэнергетике, история строительства Богучанской ГЭС на Ангаре является красноречивым примером того, что модель ГЧП порождает проблемы, следствием которых являются:

- неопределенность с потребителями электроэнергии;
- финансовая неразбериха, удорожание строительства объектов;
- срыв графиков строительства объектов;
- снижение надежности объектов, в конкретном случае БоГЭС велики риски от расчленения единого технического проекта ГЭС;
- пренебрежение экологическими требованиями.

Кроме законтрактованной до 2028 г. электроэнергии Богучанской ГЭС, ОК «Русал» договорилась с энергетиками о поставках электроэнергии на Братский, Красноярский и Саянский алюминиевые заводы до 2018 г. и до 2020 г. Цена электричества будет привязана к котировкам алюминия на Лондонской бирже металлов (*LME*). Таким путем ОК «Русал», по оценке экспертов, сможет экономить на электроэнергии при работе указанных заводов до 13 млрд. руб. в год²⁵.

Следует подчеркнуть, что за рубежом долгосрочные соглашения в электроэнергетике считаются противоречащими принципам рынка. В частности, Евросоюз жестко пресекает заключе-

ние долгосрочных соглашений о закупке частником продукции электроэнергетики (*PPA*), которые в условиях частной собственности в электроэнергетике противоречат принципам конкуренции на оптовых рынках. Евросоюз считает, что соглашения *PPA* являются незаконной государственной помощью тому или иному частнику – владельцу энергоактивов за счет налогоплательщика²⁸.

Дерипаска воспользовался обстоятельствами, связанными с трагедией на Саяно-Шушенской ГЭС (государство выделит 40 млрд. руб. из бюджета на ее восстановление), и обратился к В.В.Путину с предложением (письмо от 05 октября 2009 г.) о приватизации части активов «РусГидро», в частности о включении «Русала» в состав совладельцев Саяно-Шушенской ГЭС (якобы с целью повышения ее надежности и эффективности)²⁹.

Расчет сделан на то, что контроль Русала над Саяно-Шушенской ГЭС, восстановленной за счет государства, обеспечит ему исключительно выгодное использование дешевой электроэнергии ГЭС, в том числе, для толлинговых операций. Поэтому не существует никаких оснований называть указанные отношения «партнерством» государства и частника.

В итоге вышеуказанной «консолидации» Евросибэнерго установленная мощность этого частного объединения составит 19,5 млн. кВт и 17,57 тыс. Гкал. час тепла. В таком случае компания Дерипаски станет третьей по энергомощности компанией страны после государственных «Энергогатом» и «РусГидро» (не считая Газпрома). В целом, сибирские заводы «Русала» потребляют 30% электроэнергии в этом регионе³⁰.

Имеются основания полагать, что энергетические мощности, принадлежащие Дерипаске, как и мощности «Русала», используются по схеме, позволяющей уклоняться от уплаты налогов в российскую казну. Это подтверждается тем, что го-

ловная компания в энергетической империи Дерипаски «En + Power Holdings Ltd» (она приобрела 100% акций Евросибэнерго); как и «Русал», зарегистрирована на английском о. Джерси.

Интересны данные о энергетических доходах принадлежащей О.Дерипаске компании «Базовый элемент» в 2007 г.³¹ (табл. 2).

Таблица 2

Источник	Доходы, млрд. долл.
Энергетика	16,21
Обрабатывающая промышленность	6,18
Финансовые услуги	1,92
Строительство	1,56
Ресурсы	0,63
Авиация	0,27

Оценка указанных доходов в энергетике через призму производственной и другой деятельности «Русала» показывает, что эта компания – далеко не единственный крупный потребитель продукции энергетической империи Дерипаски «Базовый элемент». Выходит, правы специалисты, предполагающие, что непосредственной причиной катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, возможно, стали два фактора:

1. ГЭС длительное время работала в режиме недопустимой пиковой нагрузки для удовлетворения потребностей принадлежащих Дерипаске алюминиевых заводов (например, работая «на склад» в ожидании благоприятной конъюнктуры на Лондонской бирже металлов);

2. «Избыточная электроэнергия перекачивалась в приграничные районы и продавалась более успешным представителям мировой экономики»³².

«Русал» использует и другие приемы для снижения энергетических из-

держек при производстве алюминия, а именно за счет государства или других частных энергокомпаний. Итак, в Сибири алюминиевые заводы «Русала» потребляют 30% электроэнергии в регионе. Ее источниками являются не только генерирующие компании, принадлежащие и контролируемые Дерипаской. В этих условиях структуры «Русала» как крупные потребители широко манипулируют рынком электроэнергии, вынуждая генерирующие компании в разы обрушивать оптовые цены на электроэнергию. Это приводит к дополнительным барышам для «Русала» и большим потерям для остальных участников рынка. Такие потери значительно возрастут в 2011 г., когда 100% электроэнергии будет продаваться на свободном рынке (в 2010 г. эта цифра составляет 60%).

После катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС в СМИ появилась информация о том, что всяческими путями, в том числе используя близость к Кремлю, Дерипаска добивался суперльготных тарифов на электроэнергию для своих заводов. После трагедии на Саяно-Шушенской ГЭС В.В.Путин заявил, что важно не допустить повышения цен на электроэнергию для потребителей в Сибири.

Показательны методы работы О.Дерипаски. Вот только два примера:

1. В интервью журналу «Прямые инвестиции», он заявил, что его критерии инвестирования основаны на оценке конкурентоспособности возможного объекта инвестирования и его рыночной ценности³³. В эти критерии также входят состояние потенциала производства товаров и услуг на этом объекте, возможности его реструктурирования и слияния с другими, принадлежащими ему компаниями. Что касается неприбыльных компаний, то они будут получать инвестиции только в том слу-

чае, если окажутся способными быстро стать прибыльными.

Следуя указанным критериям, одна из структур О.Дерипаски – «Российские коммунальные инвестиции» (РКИ) – дочернее предприятие группы «Базовый элемент» в 2004 г. свернула вообще свою деятельность в Бурятии, так как не было выгодных для РКИ объектов в этой социально важной, но полуразрушенной сфере.

В то же время находящийся в собственности г. Улан-Удэ «Водоканал», устойчиво функционирующий без всяких частных инвестиций, на который компания РКИ «положила глаз», отказался от перехода в собственность структуры олигарха. Власти г. Улан-Удэ рассудили о негативных последствиях такого шага³⁴.

2. На сайте журнала «Северный странник»³⁵ утверждается, что четыре года после захвата в 1994 г. братьями Черными (компаньонами О.Дерипаски) Саянского алюминиевого завода (СаАЗ) – основного потребителя электроэнергии Саяно-Шушенской ГЭС, Дерипаска как генеральный директор и акционер СаАЗ почти не платил за электроэнергию, платил только по решениям судов. Это означает, что 4 года не было реального ремонта агрегатов Саяно-Шушенской ГЭС. Этот пример наглядно характеризует то, как наносится ущерб государству.

Приведенные примеры говорят о том, что причиной неэффективности металлургической отрасли России с точки зрения общегосударственных интересов является частная собственность и частное управление этой отраслью. В

2008 г. «империя» Дерипаски оказалась надутым и вмиг лопнувшим «пузирём», показавшим примитивность и ущербность методов и средств владения и управления богатейшей отраслью. Долги «Русала» оказались настолько велики (30 млрд. долл.)³⁶ и настолько опасны для страны в экономическом, политическом и социальном отношении, что потребовалось срочное и масштабное вмешательство правительства страны для спасения компании. Финансовые меры по спасению олигарха осуществлялись за счет средств госбюджета, то есть граждан России.

Системный кризис, поразивший Россию, показал уязвимость и неэффективность управления в структурах типа «империи» Дерипаски, что приводят к дополнительным огромным потерям в экономике, негативным социальным последствиям снижая «индекс развития человеческого потенциала». Этот показатель (уровень доходов, образования и здоровья) является ключевым и общепризнанным в мире при оценке качества жизни людей.

Как свидетельствует Доклад ООН о развитии человека (2005 г.)³⁷, в России этот индекс резко снизился за последние два десятилетия. Он продолжает падать, уравнивая Россию с самыми отсталыми странами мира. Например, ООН подчеркивает, что катастрофически высокая смертность среди российских мужчин не имеет precedентов в истории.

Таким образом, стратегическая ориентация на обслуживание частной деятельности в сырьевом секторе неизбежно передаст его пороки водному хозяйству страны, не позволит ему осуществлять главную функцию – обеспечивать население, отрасли экономики и природоохранную деятельность необходимыми водохозяйственными услугами.

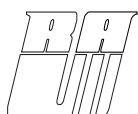
Мировому опыту и социальной справедливости противоречит система собственности и управления, при которой созданная невероятными усилиями всего народа уникальная гидроэнергетическая инфраструктура Сибири использу-

ется в узкорыстных частных интересах, нанося ущерб обществу, экономике и природе.

Примечания

- ¹ Лемешев М., Максимов А., Маслов Б. Тупики торговли водоемкой продукцией // Обозреватель–Observer. 2010. № 12.
- ² Лемешев М., Максимов А., Маслов Б. Тупики торговли водоемкой продукцией // Обозреватель–Observer. 2011. № 1.
- ³ World Bank. World Development Indicators Report. 2003.
- ⁴ Шиломанов И.А. и др. «Водные ресурсы России и их использование». 2008.
- ⁵ Барановская Н. По регламенту не выпьешь // Российская газета. 2009. 23 июня.
- ⁶ A Strategy for Federal Science and Technology to Support Water Availability and Quality in the United States. Report 2007.
- ⁷ OECD (Organization for Economic Cooperation and Development) report: "Infrastructure to 2030: Telecommunication, Land Transport, Water and Electricity". 2006.
- ⁸ Стенограмма парламентских слушаний по ФЦП «Чистая вода». 14 сентября 2010 // <http://www.svpressa.ru/society/article/28886/>
- ⁹ Хамитов Р.З. Грядет ли водный апокалипсис // Государственное управление ресурсами. 2008. № 4(34).
- ¹⁰ Письмо О.Дерипаски в адрес В.В.Путина, № 403/13 от 20 сентября 2009 // сайт: Slon.ru.
- ¹¹ UNIDO report: “Water: A shared responsibility”, Chapter 8: “Water and Industry”, Section 3: “Challenges for Well-Being and Development”. 2005.
- ¹² UNIDO report: “Industrial Development Report. 2009: Breaking in and Moving Up: New Industrial Challenges for the Bottom Billion and Middle Income Countries”. 2009.
- ¹³ О перспективах России на 2008–2016 гг. Доклад Института экономики РАН. 2008.
- ¹⁴ Материалы круглого стола по оценке проекта Концепции социально-экономического развития до 2020 г., Минэкономразвития России, сентябрь 2008 г. // www.ifs.ru.
- ¹⁵ Материалы Конференции: «Институциональные предпосылки инновационного развития России», организованной рядом ключевых российских НИИ в Москве, октябрь 2008 г.
- ¹⁶ Казеннов С.Ю. Концепция 2020: в поиске реализуемого сценария. ИМЭМО РАН.
- ¹⁷ Hoekstra A. et al.: Water scarcity and international trade: The need to extend the scope of water resources management. Гейдельбергский университет, 2008.
- ¹⁸ Bakker K. An Uncooperative Commodity: Privatizing Water in England and Wales. Oxford University Press, 2003.
- ¹⁹ Доклад Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) «Энергоуслуги и экологические услуги, цели переговоров и приоритеты в области развития». 2003 // Документ: UNCTAD/вшес/етсв/2003/3, Нью-Йорк, Женева.
- ²⁰ World Water Council Report “Virtual water trade – conscious choices”. E-Conference Synthesis. March, 2004.
- ²¹ Комаров И.К., Лемешев М.Я., Максимов А.А., Маслов Б.С. Приватизация водных услуг: благо или бедствие? // Обозреватель–Observer, № 9. 2008 г.; Комаров И.К., Максимов А.А., Ходкин С. Защита национальных интересов России в условиях ВТО // Обозреватель–Observer. 2006. № 6.
- ²² Максимов А.А. Геополитическая экспансия Запада в Волго-Каспийском регионе // Обозреватель–Observer. № 10. 2005 г. – № 2. 2006 г.
- ²³ Рынок цветных металлов 2010: Алюминий // <http://dvinainform.ru/research/getresearch.php?id=4839&h=dvinainform.ru>
- ²⁴ The Global Outlook for Primary Aluminium to 2018. Metal Bulletin Research, 2008.

- ²⁵ Федоринова Ю., Осетинская Е. Сколько заработал «Русал» // Ведомости. 17.02.2004.
- ²⁶ Советская инфраструктура напоминает, что ее век подходит к концу // The New York Times. 21.08.2009.
- ²⁷ Сайт: Богучанская ГЭС – Википедия.
- ²⁸ European Commission IP/08/850 Brussels, 4 June 2008 State aid: Commission requests Hungary to end long-term power purchase agreements and recover state aid from power generators // <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/08/850&format=PDF&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>
- ²⁹ <http://www.Slon.ru>.
- ³⁰ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/04/224722>
- ³¹ The Wall Street Journal. 10.10.2008.
- ³² Захарын В. Сообщество по распилу // Советская Россия. 3.10.2009.
- ³³ Прямые инвестиции. 22.03.2004.
- ³⁴ Михайлов О. Олигарх отказался от ЖКХ Улан-Удэ // агентство «Информ Полис». 7.04.2004.
- ³⁵ <http://severnystrannik.livejournal.com/1793html>
- ³⁶ Ямбаева Р. и др.: Занятный бизнес. О.Дерипаска набрал долгов на 30 млрд. долларов // Коммерсант. 2.02.2009.
- ³⁷ Доклад ООН о развитии человека. М.: изд. «Весь мир», 2005.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail:observer@ru.ru E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Понятия угрозы и вызова национальной безопасности

На примере вступления России в ВТО

**Александр Михайленко
Сергей Груздов**

Термины «угроза» и «вызов» весьма часто используются в исследованиях проблем национальной безопасности России. Вместе с тем, анализ современной научной литературы показал, что многие авторы не видят между ними особой разницы и часто используют их как синонимы.

На примере угроз и вызовов безопасности России при ее присоединении к Всемирной торговой организации мы хотели бы показать, что содержание этих весьма важных терминов теории национальной безопасности требует дополнительного обсуждения. Уточнение их определений может способствовать более полной реализации национальных интересов нашей страны на этом стратегическом направлении современной российской внешней политики.

В настоящее время в России принято политическое решение о вступлении во Всемирную торговую организацию.

Президент Д.А.Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Фе-

дерации 5 ноября 2008 г. отмечал: «Самоизоляция – это путь в тупик. Мы будем продолжать процесс интеграции в мировую экономику. Но при этом нужно учиться гибко сочетать использование имеющихся и раскрытие новых конкурентных пре-

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). E-mail: anmikh@mail.ru

ГРУЗДОВ Сергей Валериевич – аспирант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sv-gruzdov@rambler.ru

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, угроза, вызов, вступление России во Всемирную торговую организацию.

имуществ. А привлекая внешние ресурсы, эффективно защищать свои экономические интересы»¹.

Сегодня на этом пути решены практически все проблемы со странами-членами ВТО (кроме Грузии). Проблема состоит в том, как сделать присоединение максимально полно учитывающим национальные интересы Российской Федерации. Для этого нужно весьма тщательно изучить угрозы и вызовы, которые Россия может встретить при вступлении в Организацию.

Отметим, что при анализе этого вопроса исследователи используют различные термины, характеризующие последствия присоединения России к ВТО.

Так, Е.Д.Халевинская и Е.В.Вавилова в своей монографии посвятили данному вопросу главу, которая называется «Последствия присоединения России к ВТО: выгоды и издержки»².

А.П.Портанский говорит о возможностях и рисках участия в мировой многосторонней торговой системе³.

В работе петербургских ученых под редакцией С.Ф.Сутырина идет речь об угрозах и возможностях использования механизмов ВТО в интересах России⁴.

В результате «выгоды», «риски», «издержки», «вызовы», «угрозы», «возможности» и т.д. соединяются в набор недостаточно четкой терминологии, с которой трудно оперировать. Поэтому следовало бы четче определить содержание понятий угрозы и вызова национальной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. приводится следующее определение: «угроза национальной безопасности» – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства»⁵.

Термин «вызов» в Стратегии не определен. Прямая и косвенная разновидности явления не могут состоять в одной таксономической группе, поскольку они могут различаться не только количественно, но и качественно.

Заслуживают обсуждения и другие аспекты приведенного определения.

Оба эти термина активно используются в отечественной и зарубежной политической практике в сфере безопасности⁶. Они также широко обсуждаются в научной литературе. Чаще всего встречается классификация опасностей на вызовы и угрозы национальной безопасности.

Ряд исследователей, однако, не ограничиваются «двоичной» системой опасностей «вызов – угроза».

Например, В.Ф.Ницевич провел содержательный анализ понятий вызова, риска, угрозы и опасности, которые рассматриваются с точки зрения возрастания вероятности ущерба объекту⁷. Этот же подход содержится и в более ранних работах российских исследователей В.Л.Манилова и М.И.Дзлиева.

Они предложили свою классификацию угроз национальным интересам, которая включает риск, вызов, опасность и угрозу.

По их мнению, *риск* – это существование или возможность возникновения ситуации, при которой формируются предпосылки (накапливается потенциал) противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей обеспечения национальной безопасности.

В свою очередь, *вызов* – это противодействие реализации национальных ценностей, интересов и целей решению задач обеспечения национальной безопасности в форме официальных и неофициальных политico-дипломатических действий, торгово-экономической экспансии и пр.

Под опасностью указанные авторы понимают нанесение ущерба важным национальным интересам и национальной безопасности в ограниченных (локальных) масштабах.

Наконец, угроза в их классификации – это непосредственная угроза жизненно важным национальным интересам и национальной безопасности, которая выходит за локальные границы и относится к основным национальным ценностям (суверенитету, государственности, территориальной целостности)⁸.

Представляется, что сам по себе подход, в соответствии с которым виды опасности классифицируются в зависимости от степени вероятности их осуществления, дает практике возможность лучше планировать противодействие им. Однако определение угрозы и вызова как видов возможности недостаточно обосновано. Возможность не определяется количественно, поэтому угроза как вид возможности не может ранжироваться.

Термин «возможность» в политологическом дискурсе часто путается с термином «вероятность», хотя содержательно они не являются синонимами.

Например, известный политолог Ф.Лукьянов, говоря о прогнозах на мировое развитие во второй десятилетке XXI в., пишет, что «невероятное может очень быстро становиться реальным», хотя по смыслу можно понять, что он имеет в виду возможность и действительность⁹.

Вероятность – это понятие, с помощью которого как раз и определяется мера возможности.

Если согласиться с предлагаемым нами подходом, то возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устой-

чивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства можно было бы определить как опасность. В свою очередь, опасность можно было бы классифицировать на вызовы, риски и угрозы национальной безопасности как соответственно низкую, среднюю и высокую вероятность нанесения этого ущерба.

Соответственно в приведенном выше в Стратегии национальной безопасности определении угрозы следовало бы слова «прямая или косвенная возможность» заменить словами «высокая вероятность».

Использование понятия вероятности как родового для терминов угрозы и вызова позволило бы использовать в исследованиях проблем национальной безопасности методы теории вероятности, исследования операций и другие научные методы, что очень важно для применения расширения междисциплинарных подходов в современной науке.

Дискуссии в ученой среде касаются не только угроз, но и других упомянутых выше терминов.

Так, известный исследователь развития цивилизаций А.Тойнби называет вызовом такие обстоятельства, которые возникают при резком изменении условий жизни¹⁰.

Вызов состоит в том, что общество не может мгновенно дать адекватного ответа, перестроиться и изменить образ жизни. Социуму присуща довольно значительная инерция, которая одновременно может являться и спасением от резких зигзагов, и тормозом развития вследствие консерватизма. Резко рванув из места вызова, общество может оказаться в цивилизационном тупике. С другой стороны, не замечая вызова, такое общество может просто погибнуть. Подход А.Тойнби может служить в качестве дополнительного важного аспекта в понимании сущно-

сти вызовов национальной безопасности России.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что вызовы отличаются от угроз рядом важных характеристик. Субъекты обеспечения безопасности имеют меньше возможностей для противодействия угрозам, чем вызовам. Это связано с тем, что в угрозах противоречия сторон гораздо больше обострены, поскольку в отношении них не были своевременно приняты необходимые меры. Еще одно отличие состоит в том, что угрозы нередко связаны с условиями деятельности, в существенной степени не зависящими от воли человека.

Например, эксперты утверждают, что Россия обречена на неуспех в конкуренции со странами ВТО, расположенными в благоприятных природных условиях.

Особенно заметно это отразится при производстве сельскохозяйственных и других товаров, где природные условия имеют весьма существенное значение.

И это действительно так, ведь невозможно перенести Россию в африканские субтропики.

В Египте, например, в течение года собирают по четыре урожая картофеля.

Очевидно, что российский картофелевод при прочих равных условиях не в состоянии конкурировать с египетским.

Однако в то же время человек не может только констатировать различия в условиях. Его творческая природа должна находить конструктивные факторы решения возникающих проблем.

В этом плане можно отметить, что в 2008 г. удельная энергоемкость ВВП по паритету покупательной способности в России составляла 0,49 т нефтяного эквивалента (н.э.)/тыс. долл.

В наиболее близких по климату странах – Финляндии и Канаде – этот показатель находится на уровне 0,26 и 0,22 т н.э., то есть такой же, как и в находящихся в благоприятной климатической зоне

США (0,23), и близкий к среднемировому (0,21).

В Японии и Норвегии этот показатель составляет и того меньше – 0,16 т н.э.

Но это и есть вызов нашим ученым и энергетикам, как, впрочем, и всему российскому народу, состоящий в потребности находить эффективные методы энергосбережения, новые виды энергии и пр. И если наше поколение не найдет ответов на этот вызов, то для следующего поколения (а может быть и раньше) он уже превратится в угрозу.

Говоря о различиях между угрозой и вызовом, необходимо затронуть еще один аспект. По нашему мнению, угрозу, в отличие от относительно одномерного вызова, можно рассматривать как комплексную многоаспектную опасность для национальных интересов.

Л.Зевин пишет: «При неоправданно низкой доле в мировой торговле – порядка 2% – выяснить отношения с Россией собралось в Рабочей группе шесть десятков государств. Некоторые из них объединены в группы «по интересам». Такую активность лишь отчасти можно объяснить большими размерами страны,rudimentами советской системы в регулировании производства и внешней торговли.

Похоже, доминирующие в ВТО страны решили использовать переговорный процесс для решения не только торговых (в том числе не входящих в мандат ВТО) вопросов, но и для продвижения своих экономических и даже политических интересов¹¹.

Очевидно, что подобный комплексный подход со стороны наших зарубежных партнеров при разрешении, казалось бы, чисто экономических противоречий представляет серьезную угрозу для нашей страны.

Еще одно такое комплексное обстоятельство, связанное с присоединением России к ВТО, отмечает Е.М.Графова и пишет: «Возникает ряд проблем, связанный с

федеративным устройством страны, так как все страны, претендующие на участие в ВТО, должны обеспечить выполнение требований Соглашений на уровне своих регионов»¹².

Другими словами, присоединение к Организации приведет не только к серьезным проблемам в экономике. Возникнут и новые поля напряжения в других сферах. Особое внимание необходимо обратить в этом плане на те сферы, где и сегодня у России имеются проблемные области. К таким сферам с полным правом можно отнести как раз проблемы федерализма и пространственной организации в нашей стране.

При присоединении России к ВТО, как и в любом крупном политическом проекте, имеются благоприятные и неблагоприятные возможности. В соответствии с предлагаемой нами классификацией неблагоприятные возможности (или опасности) подразделяются на вызовы, риски и угрозы. С учетом малой практики участия нашей страны в ВТО на настоящий момент, на наш взгляд, достаточно было бы классифицировать связанные с этим шагом опасности на вызовы и угрозы. По мере углубления участия нашей страны в деятельности ВТО, выявления новых обстоятельств, оказывающих влияние на безопасность России, можно было бы расширить категориальный аппарат анализа опасностей нашим национальным интересам в этой международной организации.

Анализ последствий для национальной безопасности других стран, присоединившихся в последние годы к ВТО, показал, что у них возникали примерно одинаковые угрозы. К ним можно отнести:

– угрозы отечественной обрабатывающей промышленности, не выдерживающей конкуренции с более развитыми странами;

– рост безработицы и социальной напряженности в обществе;

– отток квалифицированных кадров из отечественных предприятий в иностранные;

– утрату контроля над целыми сегментами экономики (например, финансовой системой) и внутреннего рынка.

С точки зрения российских политиков существует и угроза разделения отечественного бизнеса на выигравших и проигравших от вступления в ВТО.

Но наиболее серьезные угрозы – это такие, которые непосредственно отражаются на безопасности России. Такова, например, угроза сельскохозяйственному производству нашей страны при открытии этого рынка зарубежным конкурентам. Серьезность ситуации заключается в том, что сдача этого рынка зарубежным компаниям приведет к потере продовольственной независимости России.

Согласно имеющимся представлениям, продовольственная безопасность требует, чтобы импортное продовольствие не превышало 20% потребляемого населением продовольствия. Между тем, уже сегодня некоторые регионы России в гораздо большей степени зависят от импорта продовольствия из-за рубежа.

Подавляющее большинство обстоятельств, которые сегодня представляются как преимущества, выгоды, плюсы и пр. присоединения России к ВТО, в свете нашего подхода являются вызовами национальной безопасности России.

Это означает, что ни одно из этих преимуществ и выгод само собой не реализуется. Больше того, все эти выгоды имеют вероятностный характер и смогут реализоваться только в случае их эффективного использования. Многие из них, кроме того, зависят от целого ряда условий и факторов, предсказать развитие которых в настоящее время вряд ли представляется возможным.

В настоящее время многие исследователи не делают различий по существу между угрозами, вызовами, рисками, опасностями, проблемами и пр., характеризуя сложный процесс присоединения России к ВТО. Между тем, точное использование данных терминов было бы полезным для более глубокого понимания данной проблематики.

Возможны несколько взаимосвязанных вариантов понимания разницы между вызовами и угрозами национальной безопасности России в ВТО:

– *один из них* – это различие данных терминов по степени вероятности нанесения ущерба нашей стране;

– *другой* – их классификация по комплексности вероятной опасности для России.

Оба варианта, по нашему мнению, могут быть плодотворно использованы в теории и практике обеспечения национальной безопасности нашего Отечества, в том числе и при его присоединении к Всемирной торговой организации.

Используя этот вывод, мы изучили имеющуюся литературу по проблеме присоединения России к ВТО и выявили ряд угроз и вызовов национальной безопасности нашей стране на этом направлении. По нашему мнению, главная из угроз – это фиксация России в качестве сырьевого приданка развитых стран на долгосрочную перспективу. Такая перспектива развития страны резко отрицательно отразится на всех сферах ее общественной жизни.

Важнейший из вызовов состоит в том, что в условиях догоняющего развития государства «золотого миллиарда» будут передавать России через механизмы ВТО на аутсорсинг производство таких товаров и услуг, которые отражают прошлое и настоящее, но не будущее мирового развития. В условиях жесточайшей конкуренции на мировом рынке Россия вряд ли сможет в полной мере реализовать имеющиеся у нее конкурентные преимущества.

Еще один вывод носит методологический характер.

Продемонстрированное выше разнообразное использование различных терминов при обсуждении одной и той же научной и практической проблемы присоединения России к ВТО имеет определенные основания.

Авторы, исследующие эту тематику, работают в различных отраслях науки: экономической, политической, философской и др. Они пользуются в своих работах научным аппаратом соответствующей науки. Однако потребность в системности, комплексности и целостности выходного научного продукта требует более активного использования междисциплинарного подхода. Поэтому актуальная задача сегодняшнего дня науки состоит в том, чтобы попытаться совместить последние достижения в разработках понятийного аппарата на самых актуальных направлениях научного поиска, одним из которых, вне всякого сомнения, является проблема присоединения России к ВТО.

Примечания

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября.

² Халевинская Е.Д., Вавилова Е.В. Всемирная торговая организация и российские интересы. М.: Магистр, 2009.

³ Портанский А.П. Многосторонняя торговая система в XXI веке: возможности и риски (поиск главного звена в глобальном управлении). М.: Изд-во РАГС, 2010.

- ⁴ ВТО: механизм взаимодействия национальных экономик. Угрозы и возможности в условиях выхода на международный рынок / Под ред. С.Ф. Сутырина. М.: Эксмо, 2008.
- ⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 2009. 12 мая // www.scrf.gov.ru/documents/99.html
- ⁶ Communication from the Commission of 22 November 2010 to the European Parliament and the Council: «The EU Internal Security Strategy in Action: Five steps towards a more secure Europe» COM(2010) 673 final
- ⁷ Ницевич В.Ф. Геополитика и национальная безопасность. М.: МГОУ, 2009.
- ⁸ Дзилев М.И., Потрубач Н.Н. Основы обеспечения безопасности жизнедеятельности. Курс лекций. М., 1996; Манилов В.Л. Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль. 1996. № 1. С. 7–17.
- ⁹ Лукьянов Ф. Клинч политики и экономики // ИносМИ. 2011. 5 января // http://www.inosmi.ru/op_ed/20110105/165422321.html
- ¹⁰ Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
- ¹¹ Зевин Л. Марафон «РФ → ВТО»: близок ли финиш? (заметки по поводу присоединения России к ВТО) // МЭ и МО. 2010. № 12. С. 113.
- ¹² Графова Е.М. Всемирная торговая организация как инструмент развития национальной экономики. СПб.: Астер-Пресс, 2008. С. 23.

**Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 — на год**

Мифы «устойчивого развития»*

**Глобальное потепление или «ползучий»
глобальный переворот?**

Владимир Павленко

Коллективная безопасность и управление конфликтами

Проблема предотвращения глобальных угроз, сгруппированных в 6 основных блоков, рассмотренных в предыдущей части статьи¹, положена в основу представлений авторов доклада «Более безопасный мир: наша общая ответственность» об эффективной системе коллективной безопасности. При этом, начиная еще с 1992 г., с упоминавшегося доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (A/47/277), предотвращение как принцип тесно увязывается с превентивностью действий, в том числе превентивным применением военной силы. Таким образом, формула коллек-

тивной безопасности, предлагаемая членами Группы высокого уровня ООН, приобретает следующий вид: «предотвращение – превентивность – применение силы». А создание эффективной системы коллективной безопасности, которая представлена фундаментом рассмотренного нами «нового консенсуса» по проблемам глобальной безопасности, требует полной и безоговорочной поддержки этого консенсуса всеми государствами.

Из доклада «Более безопасный мир...»:

«Мы рассматриваем здесь обстоятельства, в которых эффективная система коллективной безопасности может потребо-

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: Глобальное управление, концепция устойчивого развития, коллективная безопасность, превентивная дипломатия, управление конфликтами, ООН, документы и доклады ООН, Комиссия ООН по миростроительству, «Новый мировой порядок».

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. №№ 9, 10, 11, 12; 2011. № 1.

вать поддержки в виде военной силы, и начнем с норм международного права, которые должны регулировать – во избежание анархии – любое решение начать войну (**включая внутренние конфликты** – Авт.).

...Военная сила, применяемая законным и надлежащим образом, является жизненно важной составной частью любой действенной системы коллективной безопасности в любом ее определении – традиционно узком или более широком, которое мы бы предпочли...

Поддержание мира и безопасности в мире в значительной мере зависит от наличия общего глобального понимания того, когда применение силы является одновременно законным и легитимным (или «благоразумным»), и принятия этой концепции...

Принцип невмешательства во внутренние дела не может использоваться для прикрытия актов геноцида или других злодеяний, таких, как широкомасштабные нарушения норм международного гуманистического права или массовые этнические чистки...»² (курс. – Авт.).

Во-первых, отметим очередной терминологический конфуз. Парадоксальным образом разводятся, если не противопоставляются друг другу, принципы «законности» и «легитимности». Вообще-то эти слова – синонимы. «Законность» – русский термин; «легитимность» – английский. «Благоразумность» же, которую авторы доклада пытаются отождествить с «легитимностью», чтобы противопоставить последнюю «законности», никакого отношения к ней на самом деле не имеет, а является синонимом другого термина, часто употребляемого в ООН-овских документах – «рациональности».

Но «докладчики» всего этого как будто «в упор не видят». Откуда у них такие «детские» проблемы?

Никакие это не «проблемы», а обыкновенная, весьма недобросовестная словесная эквилибристика – подмена понятий и перевертышение с ног на голову, к

которым мы уже привыкли. В частности, таким образом пытаются свести «законность» к «рациональности», под которой, как мы уже убедились, понимаются сначала «благое управление», а затем «благое правление».

Отмечая это, не забудем, что «рациональность» глобальной и внутренней политики авторами доклада признается важнейшей составной частью «Глобального партнерства в целях развития». Круг подмены понятий, таким образом, замыкается. Чёрное, как водится, благополучно выдается за белое, а белое представляется чёрным. Все в точности по В.С.Высоцкому:

«...Разницы нет никакой между правдой и ложью.

Если, конечно, и ту, и другую разделить!».

Эти дешевые и низкопробные «наперсточные» приемы, свойственные, как учит христианская мифология, «князю мира сего», требуются авторам доклада для того, чтобы оправдать «пять базовых критериев легитимности», уже приводившихся нами¹. Прежде чем приступить к более подробному их рассмотрению, которого требует анализ, еще раз подчеркнем, что если эти пункты и можно считать «критериями», то именно своеобразно понимаемой «благоразумности», но никак не «легитимности», то есть «законности».

«При рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли (задним числом – Авт.) или одобрить ли (в превентивном порядке – Авт.) применение военной силы, Совет Безопасности должен всегда учитывать ...следующие пять базовых критериев легитимности:

а) серьезность угрозы. Носит ли угроза причинения ущерба безопасности государства или человека такой характер и является ли она в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы (по факту – Авт.) ...оправдать применение военной силы? Что касается внутренних угроз, то сопряжено ли это с геноцидом или серьезными

нарушениями международного гуманитарного права, которые носят реальный характер либо, как есть опасения, неизбежно произойдут!

b) правильная цель. Является ли очевидным, что главная цель предполагаемых военных действий состоит в том, чтобы нейтрализовать или предотвратить данную угрозу, (sic!) какие бы другие цели или мотивы ни существовали при этом?

c) крайнее средство. Были ли изучены все возможные варианты отражения данной угрозы и существуют ли разумные основания предполагать, что другие меры окажутся безуспешными?

d) соразмерность средств. Являются ли предполагаемые военные действия по своим масштабам, продолжительности и интенсивности минимально необходимым средством для отражения данной угрозы?

e) сбалансированный учет последствий. Существует ли разумная надежда рассчитывать на то, что при успешном осуществлении военных действий по отражению данной угрозы действия не вызовут худших последствий, нежели бездействие?

Эти руководящие принципы, касающиеся санкционирования применения силы, должны быть закреплены в декларативной форме в резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи² (выделено в документе, курс. – Авт.).

Здесь очень важно зафиксировать появление новой тенденции, выстраивающейся вслед за другими тенденциями, нами уже рассмотренными, сформировавшимися в рамках реализации «глобального плана» Римского клуба. Имеются в виду:

– отделение глобального политического управления от глобального экономического;

– создание вместо центрального субъекта глобального управления децентрализованной сети с выводом ряда глобально-управленческих институтов за пределы ООН;

– распространение внешнего контроля с экологической, экономической и социальной сфер на области политики, геополитики и геостратегии.

Данная, четвертая по счету тенденция, дополняющая и уточняющая этот план – переориентация ООН и, по большому счету, всего мирового сообщества с внешних конфликтов, которыми Организация занималась до 1991 г., на внутренние. В центр внимания стоящих за спиной ООН «частных и независимых групп», следовательно, становится теперь подрыв не международной, а внутренней стабильности как создание повода для внешнего вмешательства, в результате которого, как показал югославский опыт, глобально-управленческие структуры и силы получают возможность закрепиться в определенной стране и через нее – в определенном регионе. А заодно тем самым – за счет формирования в таких странах и регионах марионеточных правительств и блоковых структур – продолжает расширяться список участников проамериканского «агрессивно-послушного большинства» в международных и межправительственных организациях.

Во-вторых, оправдывая вмешательство во внутренние конфликты, авторы доклада увязывают «новый консенсус» в его «широком» прочтении с положениями в основу глобального управления «общими ценностями». Это, в свою очередь, ограничивает государственные суверенитеты рамками «прав и обязанностей», обусловленных необходимостью «принятия этой концепции» в рамках «общего глобального понимания».

Уточнению этого насквозь конъюнктурного, лживого, выдержанного в духе «двойных стандартов» тезиса служит поразительное по своему цинизму признание, что осуществляемая якобы «во благо» интервенция может иметь еще и другие «цели и мотивы», помимо заявленных. Но это ни в коем случае никого не должно не только останавливать, но и просто волновать. Как говорится, не ваше дело!

Не менее показательно обращение авторов доклада к таким, с позволения сказать, «весомым» аргументам как «разумная надежда» и «разумное основание». Всегда ведь в дальнейшем можно сказать, что «разумные основания» вмешаться в конфликт были, а «разумная надежда» не оправдалась. Кто потом рискнет начать разбирательство, оказались ли завершившиеся военные действия «минимально необходимыми» и не привели ли они «к худшим последствиям, нежели бездействие». «Игра» сыграна, поэтому и взятки гладки!

В-третьих, все, что касается «актов геноцида» или «этнических чисток» и особенно «нарушения норм международного гуманитарного права» в докладе прочитывается максимально широко и получает самую жесткую оценку только в том случае, если проделывающие все это являются, по известному афоризму Т.Рузвельта, «чужими мерзавцами». Когда же мерзавцами оказываются «свои», точно такие же деяния обычно «спускаются на тормозах», а сами «мерзавцы» либо отправляются на «заслуженный отдых», либо сохраняются у власти. Иногда, как в случае с Саддамом Хусейном, – «до лучших времен», когда придет время принести их в «ритуальную жертву» новым задачам очередного раунда geopolитической «Большой игры».

Таким образом, «новый консенсус» по отношению к коллективной безопасности ставит государства перед дилеммой. Как записано в Итоговых документах Всемирных саммитов по «Целям развития тысячелетия» («ЦРТ») в Нью-Йорке (2005 и 2010 гг.), выбор состоит между подчинением ангlosаксонскому Западу, которое маскируется под «выгоды от принятия международных правил», и сохранением независимости и самостоятельности, отождествляющейся с «ограничениями, налагаемыми сужением стратегического пространства»³.

Авторы доклада, конечно же, являются сторонниками проведения решений о применении силы через Совет Безопасности ООН, предлагая его членам искать «веские аргументы в пользу превентивных военных действий и веские доказательства в их подтверждение»². Но при этом они прекрасно отдают себе отчет в субъективности любой подобной аргументации. А, следовательно, в неоднозначности восприятия и оценок конкретных ситуаций нынешними постоянными членами Совбеза, которые зависят от их национальных и блоковых интересов.

Отсюда в докладе появляется недоверие к главному руководящему органу ООН, намеки на его «бессилие и бесполезность», плавно перетекающие в пожелание скорейшего реформирования в «правильном», с точки зрения авторов доклада, направлении.

«Совет Безопасности имеет все полномочия в соответствии с главой VII Устава ООН на то, чтобы заниматься всем спектром угроз безопасности, с которыми сталкиваются государства. Задача состоит не в том, чтобы найти альтернативу Совету Безопасности как источнику властных полномочий, а в том, чтобы сделать так, чтобы Совет работал лучше, чем до сих пор»² (выделено в документе – Авт.).

Разобравшись с теоретической частью проблемы «превентивного» применения военной силы, Группа высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам с чувством исполненного долга переходит к наиболее милым сердцу ее членов практическим вопросам, в центр которых поставлено миротворчество.

Здесь без «наперсточных» приемов также не обходится. Проследим, например, как «изящно» и непринужденно стирается грань между миротворческими операциями «по согласию» и «по принуждению».

«Путаницу в обсуждение вопроса о необходимых силах и средствах внесла тенденция называть миссии по поддержанию мира «операциями на основании главы VI (Устава ООН – Авт.)», то есть операциями, основанными на согласии, а миссии по принуждению к миру «операциями на основании главы VII», то есть операциями, основанными на принуждении...

Обе формулировки являются в какой-то степени ошибочными. Действительно, существует различие между операциями, в которых решительное применение силы является неотъемлемым элементом миссии с самого начала (например, действия по реагированию на трансграничное вторжение или вспышку насилия, в контексте которых в последнее время сложилась практика санкционировать развертывание многонациональных сил), и операциями, в контексте которых существует **разумная надежда** (*куда ж без нее! – Авт.*) на то, что силу, может быть вообще не потребуется применять (например, традиционные миротворческие миссии по наблюдению за прекращением огня и его проверке или миссии по действию осуществления мирных соглашений, в рамках которых до сих пор, как правило, задействуются «голубые каски»).

...Это обусловлено тем, что **даже самая благоприятная обстановка может ухудшиться – когда появляются желающие испортить дело путем подрыва мирного соглашения** и создания угрозы гражданским лицам – и что **желательно иметь полную уверенность в отношении способности миссии предпринять ответные силовые действия, если в этом возникнет необходимость.**

...Генеральный секретарь должен рекомендовать, а Совет Безопасности должен санкционировать развертывание сил такой численности, которой достаточно для того, чтобы сдержать враждебные группировки и дать им отпор»² (выделено в документе, курс. – Авт.).

Итак, никакого различия между миротворческими «операциями по согласию» и «по принуждению» не существует: готовиться к тем и другим нужно

но одинаково. Ибо когда «разумная надежда» на безоговорочную капитуляцию стороны, подвергающейся «урегулированию», «не оправдается» (как с сербами в Косово или хорватской Сербской Краине), всегда найдутся «свои мерзавцы», готовые спровоцировать управляемую эскалацию конфликта. Например, Армия освобождения Косово (АОК).

Здесь, правда, имеется один важный нюанс.

«Начиная с середины 90-х годов наблюдается тенденция к развертыванию различных миротворческих миссий на региональной и субрегиональной (то есть **нотовской** – Авт.) основе. Эта тенденция порождает надежду на формирование регионального потенциала..., причем, это должно усилить, а не ослабить способность ООН принимать меры реагирования, когда поступают просьбы о направлении «голубых касок». Это ставит перед Советом Безопасности и региональными организациями задачу налаживания тесного взаимодействия и оказания взаимной поддержки в усилиях по поддержанию мира и обеспечению того, чтобы в ходе региональных операций не нарушились общепринятые стандарты в области прав человека...»² (курс. – Авт.).

Кто-нибудь слышал о «тесном взаимодействии и взаимной поддержке» между Советом Безопасности ООН и кем-нибудь еще, кроме членов Европейского союза (ЕС) и НАТО, если, конечно, не брать во внимание экстраординарный пример совместного участия нотовских и российских военных кораблей в операции по обеспечению безопасности международного судоходства в Аденском заливе?

Но вот имеет ли место миротворческое взаимодействие ООН хоть в каком-либо вопросе, скажем, с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ведущую роль в которой играет Россия? Или с ШОС – международной организацией, возло-

жившей на себя ответственность за обеспечение безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), стержнем которой является мощная китайско-российская «ось»?

Кроме подтверждения на уровне ООН миротворческих миссий, которыми наша страна наделена в рамках СНГ, таких примеров нет! Да и эти исключения, по опыту обсуждений в Совете Безопасности ООН ситуации в зоне грузино-югоосетинского конфликта, США и их союзники по НАТО изо всех сил стремились ликвидировать, предлагая заменить российских миротворцев СНГ европейскими или, хотя бы, смешанными миссиями.

Иначе говоря, столь беспардонно смешивать операции «по согласию» с операциями «по принуждению» стало возможно только после фактической передачи глобальных миротворческих функций блоку НАТО, который при организационной и политической поддержке ряда руководящих органов ООН в ходе расширения на восток создал разветвленную систему партнерств и вовлек в нее практически всех членов ОБСЕ. А с 2002 г., в рамках решений Пражского саммита НАТО, приступил к созданию в этих целях Сил реагирования, способных в считанные часы и дни «правильно» отвечать на провокации, осуществляемые в рамках управления конфликтами «своими», то есть проамериканскими «мерзавцами».

Правда, иногда этот механизм дает «системный сбой», как случилось в августе 2008 г. в Южной Осетии, и военное вмешательство на стороне «своего мерзавца» становится невозможным ввиду наличия у потенциального противника в регионе собственной миротворческой миссии, а также – и это главное – ракетно-ядерного оружия. В этом случае англосаксам приходится, временно отступая, активизировать

дипломатические усилия по достижению под предлогом «перезагрузки» масштабных сокращений российского ядерного потенциала.

Следует, правда, иметь в виду, что взаимное снижение уровней ядерного сдерживания все активнее выводит на передний план подавляющее превосходство США и НАТО в обычных, конвенциональных вооружениях. Но это уже несколько другая тема.

Возвращаясь к миротворческим операциям и миссиям, следует отметить, что по линии США и НАТО предпринимаются все возможные и невозможные усилия, чтобы обеспечить видимость их «многосторонности».

Из доклада «Более безопасный мир...»:

«В настоящее время ...общее предложение персонала (**для миротворческих операций** – Авт.) ограничено из-за того, что вооруженные силы многих стран до сих пор организованы по схеме времен холодной войны, в соответствии с которой менее 10 процентов военнослужащих готовы в любой момент к активному развертыванию, и из-за того, что лишь немногие страны обладают достаточными возможностями в плане транспорта и материально-технического обеспечения, позволяющими осуществлять переброску и снабжение тех контингентов, которые могут быть предоставлены. Чтобы поддержание мира и – в крайних случаях – принуждение к миру продолжали оставаться эффективным ...инструментом коллективной безопасности, необходимо добиться увеличения числа имеющихся в наличии миротворцев. **Развитые государства несут особую ответственность** в этой связи и должны сделать больше для реорганизации своих сил и средств таким образом, чтобы в их составе были контингенты, пригодные для использования в операциях в пользу мира.

Однако маловероятно, что потребность в быстром реагировании удастся удовлетворить только за счет использования механизмов ООН. Мы приветствуем решение ЕС создать способные к самостоятельным

действиям батальоны постоянной высокой готовности, которые могут укрепить миссию ООН. Других, кто обладает развитым военным потенциалом, следует поощрять к тому, чтобы они создавали аналогичные формирования (sic!) численностью до бригады и предоставляли их в распоряжение ООН»⁸ (выделено в документе – Авт.)

Сказано предельно ясно: включать в состав международных миротворческих сил под эгидой ООН воинские контингенты всех развитых в военном отношении стран. Естественно, включая Россию. А, поскольку организационная структура этих формирований выстроена по принятому в НАТО бригадно-батальонному принципу, на такой принцип необходимо перевести всех. Чтобы при необходимости быстро адаптировать миротворческие контингенты под стандарты НАТО.

Выше мы уже подчеркивали, что по оценкам ведущих отечественных военных специалистов – президентов Академии военных наук и Академии геополитических проблем генерала армии М.А.Гареева и генерал-полковника Л.Г.Ивашова, «сердюковская» военная реформа предназначена для перевода российских Вооруженных Сил на стандарты НАТО. Это, безусловно, может означать подспудную подготовку нашей страны и нашей армии к включению в Североатлантический альянс.

Но, по-видимому, имеется и более близкая, прикладная, если можно так выразиться, задача: обеспечить участие новоиспеченных российских бригад и батальонов в миротворческих операциях под натовским командованием, закрыв за счет нашей страны зияющую нехватку миротворцев, например, на Ближнем Востоке и в Афганистане.

Что это глупость или предательство?!

Приближаемся к главному. Управление конфликтами в рамках системы коллективной безопасности, возлагае-

мое Группой высокого уровня ООН преимущественно на США и НАТО, а также на формирующиеся бригады и батальоны их нынешних и будущих сателлитов, предполагает решение более широкого круга задач, нежели миротворческие операции.

«Развёртывание сил по принуждению к миру и сил по поддержанию мира может иметь существенно важное значение для прекращения конфликтов, однако этого недостаточно для долгосрочного восстановления. Исключительно важно уделить серьезное внимание долгосрочному процессу миростроительства во всех его многочисленных аспектах; недовложение средств в миростроительство повышает вероятность того, что в стране вновь вспыхнет конфликт.

Ни ООН, ни международное сообщество в более широком плане, включая международные финансовые учреждения, не организовали дело таким образом, чтобы оказывать помощь странам, пытающимся обеспечить мир, в период, предшествующий вспышке гражданской войны, и в период выхода из войны. Когда миротворцы покидают страну, она выпадает из поля зрения Совета Безопасности... Необходим единый межправительственный орган, специально занимающийся вопросами миростроительства, уполномоченный осуществлять мониторинг и уделять пристальное внимание странам, входящим в группу риска, обеспечивать согласованность действий доноров, учреждений, программ и финансовых учреждений, и заниматься мобилизацией финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого мира...

Специальные представители должны иметь полномочия и инструкции в отношении сотрудничества с соответствующими сторонами в целях создания таких механизмов («...охватывающих правительства, двусторонних доноров, международные финансовые учреждения и координатора ООН – специального представителя Генерального секретаря или координатора-резидент» – Авт.), а также ресурсы, позволяющие эффективно выполнять координа-

ционные функции, включая (sic!) обеспечение того, чтобы порядок проведения ООН оценок и мероприятий соответствовал приоритетам правительства»² (выделено в документе, курс. — Авт.).

Прежде всего, подчеркнем сделанную авторами «оговорку по Фрейду»: «международное сообщество в широком плане» включает «международные финансовые учреждения», выражющие, как мы знаем, интересы глобальной олигархии. Без нее, следовательно, международное сообщество авторами доклада признается как существующее сугубо в узком плане. Это и понятно: как помним, не «частным и независимым группам» предлагается адаптироваться к интересам учреждений ООН и правительства, а ровным счетом наоборот. Как тут не вспомнить весьма характерную картину будущего, представленную Г.Уэллсом в футурологическом романе «Машина времени»!

Теперь по существу приведенного фрагмента.

Во-первых, оказывается, что знакомая нам формула коллективной безопасности «предотвращение – превентивность – применение силы» не является исчерпывающей. Ибо «когда миротворцы покидают страну», Совет Безопасности (а, точнее, определенные страны в его составе) сразу же теряют над ней контроль. И она – не дай Бог! – может свернуть на самостоятельный, независимый путь развития. Поскольку допускать этого, разумеется, никто не собирается, указанная формула достраивается четвертым звеном – «миростроительством», распространяющим процесс управления конфликтами на постконфликтное урегулирование.

Миростроительство признается «долгосрочным», но «необходимым» процессом. Обеспечивая условия для разрушения и перерождения традиционных для подвергшейся «урегулирова-

нию» страны ценностей и норм, оно предоставляет победителям гарантии того, что деньги потрачены недаром, и в «глобальном плане» вовлечения государств в «новую сборку», осуществляющую под флагом «глобализации», можно поставить очередную «галочку».

Во-вторых, из приведенного фрагмента следует, что «необходим единый межправительственный орган», целенаправленно занимающийся «странами, входящими в зону риска».

Обратим внимание: с одной стороны, межправительственный формат предлагаемого органа, которым – не будем скрывать – и стала многократно упоминавшаяся нами Комиссия по миростроительству (КМС), максимально адаптирован к аналогичному формату всех основных глобально-управленческих институтов. Напомним, что он оказался востребованным в рамках перехода от первого варианта создания субъекта глобальной власти внутри ООН – в лице Совета экономической безопасности (СЭБ) – ко второму варианту, предполагавшему сетевую децентрализацию этого субъекта и его выведение за пределы Организации. Именно тогда существующие межправительственные институты – «Группа восьми», Конференция ООН по окружающей среде и (устойчивому) развитию – принялись либо делиться своими полномочиями, либо просто передавать их начавшим появляться как грибы после дождя новым структурам: Всемирному саммиту по «ЦРТ», «Группе двадцати», Форумам мировой политики. Отнюдь не последней из таких структур стала КМС.

С другой стороны, в сферу взаимосвязей этого нового органа был включен самый широкий круг субъектов, являющихся источниками «мобилизации финансовых ресурсов» – государств-доноров и международных финансовых учреждений. Среди последних выделяются:

– Группа Всемирного банка и МВФ, которым после отказа от проекта СЭБ отводится функция «центров (глобального) управления»; в рамках нового, «сеульского» консенсуса функции МВФ, видимо, существенно расширяются;

– «фонды и мозговые тресты», включающие, как помним, целый ряд мощнейших финансовых империй, входящих в «топ-список» глобальной олигархии, – Фонды Форда, Рокфеллера и братьев Рокфеллеров, Комиссию Карнеги и др.;

– региональные финансовые структуры, наиболее известными из которых являются Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР) и др.

Нетрудно заметить, что приведенная триада практически полностью совпадает с триадой институтов децентрализованного сетевого глобального управления, приведенной в предыдущей части статьи, включают:

– группу Всемирного банка вместе с МВФ, который реформируется по решениям саммита «двадцатки» в Сеуле, обозначившим начала дрейфа мировой финансовой системы от «واشنطنского» к «сеульскому» консенсусу;

– представляющие интересы глобальной олигархии «академические круги», «фонды и мозговые тресты», объединенные в Совете по международным отношениям (СМО), Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии;

– региональные организации во главе с НАТО, ЕС, а также ОБСЕ.

Также – это нужно подчеркнуть особо – на новый, более высокий уровень выводится процесс финансирования глобального управления в целом как проекта, конечной целью которого является установление «Нового мирового порядка». С этой точки зрения со-

здание Комиссии ООН по миростроительству призвано упорядочить решение соответствующего комплекса проблем, которым в 2002 г. была посвящена специальная Международная конференция по финансированию (устойчивого) развития в Мексике, выработавшая Монтеррейский консенсус.

Текущим вопросам финансирования «устойчивого развития», а, следовательно, глобального управления и являющегося его функцией миростроительства была посвящена и другая, получившая еще более широкую известность международная конференция – в Дхое (2008 г.). Однако к согласию ее участники, как известно, не пришли и по сей день.

В-третьих, сосредоточение столь сильных ресурсов в рамках единой структуры, функционирующей, к тому же, в межправительственном формате, превращает заявленную перспективу приведения приоритетов правительств в соответствие с «оценками и мероприятиями ООН» в реальную угрозу всем правительствам, не готовым эти приоритеты поменять или, как минимум, существенно скорректировать.

Сдача же правительствами государственных приоритетов в пользу глобальных структур будет тщательно контролироваться с помощью «специальных представителей», наделенных «полномочиями и инструкциями», позволяющими им координировать все звенья глобально-управленческой цепочки.

В «зону риска» (то есть внимания КМС), следовательно, автоматически попадает любая страна, государственное руководство которой, следуя независимым курсом, не выполняет предписанные ему рекомендации «благого правления». Мы уж не говорим про такие атрибуты подобного правления как «демократия», «права человека», «рынок» и т.д.

Это означает, что к любому такому государству вполне может быть применена завершенная нами формула «превентивное – превентивность – применение силы – постконфликтное миростроительство». Для этого, прежде всего, готовится и разжигается внутренний конфликт, что проделывается с помощью «пятой колонны», создаваемой из компрадорских кругов и разнообразных меньшинств, в первую очередь этнических. Затем начинается управление этим конфликтом с помощью провокаций, осуществляемых «своими мерзяками», и последующей эскалации «гуманитарного вмешательства» от «согласия» до «принуждения»*.

После этого наступает черед постконфликтного урегулирования, то есть, демобилизации и разоружения местных вооруженных формирований.

«...Демобилизация комбатантов представляет собой исключительно важный ...фактор, определяющий степень успеха операций в пользу мира. Без демобилизации невозможно добиться прекращения гражданских войн, а усилия по достижению других важнейших целей, таких, как демократизация, справедливость и развитие (устойчивое – Авт.), имеют мало шансов на успех... Совет Безопасности должен санкционировать, а Генеральная Ассамблея должна уполномочивать выделение средств на осуществление программ разоружения и демобилизации из бюджетов, финансируемых за счет начисленных взносов»² (выделено в документе, курс. – Авт.).

И, наконец, завершающий, четвертый этап – разрушение прежних и создание новых государственных и псев-

догосударственных институтов с параллельным включением взятой под контроль страны в те или иные глобальные процессы. Предполагается, что осуществление задач этого этапа ляжет на плечи оккупационной администрации, помочь которой будут «уполномоченные», представляющие местное «гражданское общество».

Самых этих уполномоченных также будут готовить по специальным программам на иностранные средства не только ООН, но различных «фондов и мозговых трестов». Особое внимание, надо полагать, будет уделяться дискредитации «позорного» прошлого взятой под контроль страны и закреплению новых, «демократических» ценностных ориентиров в политической элите, а также среди молодежи – наиболее податливой для подобной психологической обработки фокусной группы.

«Наряду с обеспечением безопасности, ключевой задачей миростроительства является создание эффективных государственных институтов, которые путем проведения переговоров с гражданским обществом могут разработать согласованные рамки управления на основе соблюдения законности. Относительно небольшие инвестиции в обеспечение безопасности людей благодаря реформированию полиции, проведению судебной и правовой реформ, созданию местного потенциала по обеспечению защиты прав человека ...могут в значительной мере способствовать долгосрочному процессу миростроительства...

Представителям ООН на местах (включая руководителей операций по поддержанию мира) для решения этой

* Предновогодние события в России, связанные с беспорядками на национальной почве, вынесением второго обвинительного приговора экс-главе ЮКОС М.Н. Ходорковскому и протестной акцией, проведенной активистами радикально-оппозиционных организаций на Триумфальной площади в Москве, ярко очертили круг таких «компрадоров» в России. Помимо ориентированных на Запад либерально-олигархических интересов, в этот круг «пятой колонны» входят активисты «оранжевой» и так называемой «национально-демократической» оппозиции, все активнее эксплуатирующей регионально-сепаратистские идеи и лозунги.

задачи требуется целенаправленная поддержка по более широким аспектам стратегии миростроительства, особенно в том, что касается утверждения законности. Создание отдела по поддержке миростроительства (в реальности в структуре ООН был создан даже не отдел, а целое Управление — Авт.) способствовало бы удовлетворению этой потребности² (курс. — Авт.)*.

«Согласованные» с местным «гражданским обществом» «рамки управления», особенно в сочетании с «реформированием полиции, проведением судебной и правовой реформ» — меры, производящие сильное впечатление. Особенно с учетом соответствующего исторического опыта, зафиксированного приведенным нами в сноске к данному фрагменту выдержками из приказов Гиммлера, Розенберга и Гальдера по формированию полицейской администрации на оккупированной советской территории.

Для того же, чтобы освежить в памяти представления о том, из кого именно будет рекрутироваться «гражданское общество», на которое оккупантами де-

лается особая ставка, повторно процитируем уже приводившийся в третьей части статьи фрагмент из доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992 г.):⁵

«Для того, чтобы быть успешными, миротворчество и операции по поддержанию мира должны включать ...всеобъемлющие усилия по определению и поддержке (sic!) структур, которые будут иметь своей тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия. На основе соглашений, прекращающих гражданский конфликт, они могут включать в себя ...надзор над проведением выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственный учреждений и (sic!) содействие формальным и неформальным процессам политического участия»⁶ (курс. — Авт.).

К «структуркам, имеющим тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности» и «содействующим формальным и неформальным процессам политического участия», мы, как помним, уже относили все те

* «5 июля 1941 г. рейхсфюрер СС подписал приказ «О задачах полиции на оккупированных территориях». В документе подчеркивалось: «Необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей». О привлечении местных жителей в полицию речь велась и в приказе Гиммлера от 31 июля 1941 г. «О создании охранных формирований». 6 ноября 1941 г. рейхсфюрер СС подписал приказ, регламентирующий вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции на территории зоны оккупации В. Согласно этому документу, все созданные в гражданской зоне оккупации из местного населения охранные и полицейские формирования объединялись во «вспомогательную службу полиции порядка» (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*).

9 ноября 1941 г. статут вспомогательной полиции в зоне гражданского управления был окончательно закреплен в совместном приказе шефа СС и министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга «О подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях».

Основным же руководящим документом, регулирующим, в частности, различные вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции в военной зоне оккупации, следует считать подписанный начальником Главного штаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером приказ № 8000/42 от августа 1942 г. «В отношении вспомогательных сил на оккупированных восточных территориях». Согласно этому документу, подразделения охраны (служба порядка) в зоне военных действий формируются «из добровольцев или освобожденных военнонопленных оккупированных областей». Эти подразделения с постоянной дислокацией предназначены для полицейских и охранных функций или «отдельных задач»⁴.

же АОК и «правительство Чеченской республики Ичкерия», а к «соглашениям, прекращающим гражданский конфликт», соответственно, Парижское и Хасавюртовское мирные соглашения.

В заключение отметим главное: тем, что развитие событий в подобной последовательности пока затрагивает лишь периферию постсоветского пространства, не проникая в его ключевые центры, мы обязаны двум факторам – праву «вето», которым Российская Федерация обладает в Совете Безопасно-

сти ООН, а также сохраняющемуся ракетно-ядерному потенциалу сдерживания. Если хотя бы одна из этих позиций будет утрачена, шансы на то, что мы испытаем все «прелести» процесса «миростроительства» на собственной шкуре, сильно возрастают.

При утрате обоих факторов вероятность разрушения страны и ее включения по частям в сферы влияния различных союзников США в Европе, а также в Азии, на наш взгляд, приближается к 100%.

Комиссия ООН по миростроительству

Создание Комиссии объясняется переходом «частных и независимых групп» от первого варианта реализации «глобального плана» Римского клуба – с Советом экономической безопасности (СЭБ) в качестве главного субъекта глобального управления, своего рода «мирового правительства», ко второму варианту – децентрализован-

ной сети, в которой роль такого правительства отводится различным проектам. Для реализации каждого из подобных проектов, как помним, всякий раз осуществляется специальный подбор и иерархическая организация определенных глобальных институтов, связанных с конкретной спецификой решаемой проблемы.

«Миростроительство» как политическая проблема. Эволюция теоретических подходов

Как мы установили, создание Комиссии ООН по миростроительству является следствием воздействия на глобальное управление четырех взаимосвязанных процессов, развивающихся в рамках стратегии «устойчивого развития».

Первый из них – отделение глобального политического управления от глобального экономического, начало которому было положено первым «политическим» форумом ООН – Саммитом тысячелетия (2000 г.).

Второй процесс, тесно связанный с первым, – вывод основных структур (центров) децентрализованной глобально-управленческой сети за пределы ООН – в «Группу двадцати» в экономике и «Группу восьми», а также Комиссии по глобальному управлению и глобализации, Форумы мировой политики в политической сфере.

В качестве третьего процесса следует рассматривать общую эволюцию глобального управления от проблематики, представленной в качестве «устойчивого развития» (экологии и экономики) к политической и военно-политической сферам. То есть, в целом, к геостратегии.

Четвертый процесс – смена приоритетов в выборе объектов для управления конфликтами. Место межгосударственных конфликтов заняли внутренние, используемые в целях вовлечения различных стран и окружающих их регионов в сферу глобального управления. Именно это, в конечном счете, и отождествляется с «миростроительством».

Формирование этих процессов обусловлено воздействием на глобальную ситуацию тесного симбиоза ряда

объединенных глобальной олигархией международных финансовых институтов (Группы Всемирного банка, МВФ и других структур «واشنطنского консенсуса», региональных банков реконструкции и развития, базельского Банка международных расчетов), а также академических и международных «фондов и мозговых трестов». Важная роль в этом симбиозе отводится региональным организациям, на ведущую роль среди которых постепенно выдвигаются НАТО, Европейский союз и ОБСЕ.

Неоднократно упоминая КМС, мы в целом разобрались с ее ролью и местом в структуре институтов глобального управления – служить высшей легальной инстанцией, занимающейся управляемым урегулированием внутренних конфликтов, а также связующим звеном между институтами глобального управления внутри и вне ООН, прикрывающим их деятельность авторитетом Организации.

Чтобы убедиться в этом, проследим эволюцию «миростроительной» проблематики от Декларации тысячелетия до Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г., на котором КМС, собственно, и была учреждена. В связи с этим отметим три вещи:

– решение о разделении глобального экономического и глобального политического управления к тому времени уже было принято (о чем, собственно, и свидетельствовал сам факт проведения Саммита тысячелетия) и, следовательно, переход к практике «миростроительства» являлся не просто важнейшей, а ключевой частью этого решения, заменившей в «глобальном плане» проект СЭБ;

– между Саммитом тысячелетия (2000 г.) и учредившим КМС Всемирным саммитом 2005 г. был обнародован подробно рассмотренный нами программный доклад Группы высоко-

го уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир...» (2004 г.). Как мы уже убедились, задачи «миростроительства» в нем формулировались практически в законченном виде;

– в соответствии с предваряющей этот доклад Запиской Генерального секретаря ООН, решение о создании Группы высокого уровня ООН принималось немногим более, чем за год до обнародования доклада (сентябрь 2003 г.).

Теперь конкретика, взятая из Декларации тысячелетия (2000 г.):

«Мы приложим все усилия к тому, чтобы освободить наши народы от бедствий войн, будь то *внутри государств или между государствами...*

Поэтому мы преисполнены решимости:

– повышать эффективность ООН в деле поддержания мира и безопасности путем предоставления в ее распоряжение ресурсов и инструментов, необходимых для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, проведения операций по поддержанию мира, **постконфликтного миростроительства и реконструкции**. В этой связи мы принимаем доклад Группы по операциям ООН в пользу мира (**документ ООН A/55/305 от 21 августа 2000 г., упоминавшийся нами в качестве одного из установочных документов миростроительства – Авт.**) и просим Генеральную Ассамблею оперативно рассмотреть ее рекомендации;

– укреплять сотрудничество между ООН и региональными организациями...;

– обеспечить соблюдение государствами-участниками договоров в таких областях, как контроль над вооружениями и разоружение, и норм международного гуманитарного права в области прав человека;

– предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим международным конвенциям;

- ...активизировать наши усилия по борьбе с транснациональной преступностью...;
- добиваться ликвидации оружия массового уничтожения, особенно ядерного оружия, и сохранять открытыми все имеющиеся возможности для достижения этой цели, включая возможность созыва международной конференции для определения путей и способов устранения ядерной угрозы;
- предпринять согласованные действия для прекращения незаконного оборота стрелкового оружия и легких вооружений..., особенно посредством ...поддержки региональных мер по разоружению...;
- обратиться ко всем государствам с призывом рассмотреть возможность присоединения к Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин...

Мы настоятельно призываем государства-члены соблюдать «олимпийское перемирие», индивидуально и коллективно...»⁷ (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, соответствующий раздел Декларации тысячелетия, именуемый «Мир, безопасность и разоружение», формально не связан с «миростроительством». Тем не менее, он не только конкретизирует общие подходы к нему, но и, благодаря формулировке, объединяющей конфликты между государствами с внутренними, прямо в него включается. Так, перечень конкретных «превентивных» мер «миростроительства» предусматривает наделение ООН соответствующими «ресурсами и инструментами». Кроме того, ставятся задачи укрепления сотрудничества ООН с «региональными организациями» – НАТО, ЕС, ОБСЕ, а также усиления ее влияния на процесс разоружения не только ядерного, но и конвенционального, борьбу с терроризмом и организованной преступностью и т.д.

Иначе говоря, «миростроительство» здесь предстает некоей квинтэссенцией

усилий ангlosаксонского проектного центра Запада по укреплению глобального доминирования с использованием всего спектра глобально-управленческих институтов внутри и вне ООН.

Отметим также требование соблюдать «олимпийское перемирие», проливающее свет на подлинные корни агрессии режима Саакашвили против Южной Осетии, совершенной в день открытия XXIX летних Олимпийских Игр (2008 г.) в Пекине. Очевидно, что расчет грузинской верхушки строился на том, что Москва, в отличие от «прикрытого» Вашингтоном Тбилиси, убоится неизбежной критики, связанной с нарушением этого перемирия. И, следовательно, стерпит очередной «щелчок по носу» от американской марионетки, оставив его безответным и безнаказанным.

Во-вторых, в части, касающейся приведенного в Декларации тысячелетия перечня «превентивных» мер по обеспечению мира, безопасности и разоружения, содержание этого документа входит в серьезное противоречие с «Целями развития тысячелетия» («ЦРТ»), которые преподносятся глобальными СМИ в качестве главного достижения Саммита тысячелетия.

Дело в том, что, как мы уже установили, семь из восьми «ЦРТ» – с первой по седьмую – посвящены сугубо гуманистическим проблемам. Никакого упоминания не только о «миростроительстве», но и просто о политике там не содержится. Только экология, экономика и социальная сфера.

И лишь последняя, восьмая «Цель», посвященная «Всемирному партнерству в целях развития» начинает вводить их в политический контекст «глобального плана». Причем делает это она крайне осторожно с упором исключительно на ту же экологическую, экономическую и социальную проблематику. Политика здесь лишь «угадывается»:

«...8. Сформировать всемирное партнерство в целях развития:

– Развить открытую торговую и финансовую систему, действующую на основе правил, предсказуемую и беспристрастную...;

– Решить особые нужды наименее развитых стран (...беспошлинный и неквотируемых доступ к экспортим и им товарам, ...облегчение долгового бремени..., ликвидация официального двустороннего долга и т.д.);

– Решить особые нужды не имеющих выхода к морским путям и малых островных развивающихся государств;

- Всесторонне решать проблемы задолженности развивающихся стран путем принятия национальных и международных мер...;

– В сотрудничестве с фармацевтическими компаниями обеспечить развивающимся странам доступность необходимых лекарств;

– В сотрудничестве с частным сектором сделать доступными блага новых технологий, особенно информационные и коммуникационные»⁸.

Иначе говоря, налицо явный разрыв между Декларацией тысячелетия – политическим документом, подчиняющим императивам глобального управления все основные аспекты национального (государственного) развития, и максимально дистанцированными от политики «Целями развития тысячелетия», о глобальном управлении не упоминающими, сосредоточенными исключительно на «заботе» о нуждах бедствующих людей и развивающихся стран.

Преодоление этого разрыва, разумеется, в направлении укрепления институтов и расширения масштабов глобального управления осуществляется не сразу, а очень осторожно и последовательно и продолжается на протяжении всего первого десятилетия XXI в.

Происходит это в три «хода», каждый из которых одновременно и явля-

ется самостоятельной спецоперацией, и встраивается в общий контекст параллельного внедрения идей «устойчивого развития» в мировое общественное сознание и практику глобального управления.

Первым ходом становится содержащийся в докладе «Более безопасный мир...» и рассмотренный нами выше переход от восьми «ЦРТ» к шести основным «блокам угроз международной безопасности». С помощью этого маневра, как помним, гуманитарные задачи были подменены политическими и военно-политическими, обнаружив наличие глобальной геостратегии, раскрытой Бжезинским и прикрытой демагогической ООН-овской формулой «Мы, народы...».

Успешное осуществление этой спецоперации к исходу 2004 г. открыло путь второму ходу. Гуманитарные «Цели», выдержаные в духе «борьбы с нищетой», – как первые семь, так и рассмотренная нами восьмая – «Всемирное партнерство в целях развития» («ВПЦР») – были скрытно подменены «Глобальным партнерством в целях развития» («ГПЦР»).

Из Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2010 г.:

«Мы подчеркиваем центральную роль глобального партнерства в целях развития и важность Цели 8-й в достижении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Мы признаем, что без существенной международной поддержки несколько Целей, вероятно, не будут достигнуты во многих развивающихся странах к 2015 году»⁹.

На словах претендую на аутентичность к «ВПЦР», на деле «Глобальное партнерство в целях развития» – и в этом состоит суть второй спецоперации – кардинально меняет повестку, выстраивая предлагаемые экологические, экономические и социальные меры таким образом, что они образу-

ют стройный политический план, отражающий глобально-управленческие устремления стоящих за ним «частных и независимых групп».

Убедиться в этом нетрудно, ознакомившись с выдержкой из посвященного этому вопросу раздела документа Всемирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.). Заодно увидим, как именно новая мировая реальность, формируемая «Глобальным партнерством», разрушает российскую экономику, политическую сферу и, в целом, государственность, шаг за шагом подчиняя их деструктивному внешнему влиянию.

Авторские комментарии, каждого из пунктов выделены и помещены в скобки:

«...Мы преисполнены решимости:

a) принять к 2006 году и осуществить всеобъемлющие национальные стратегии развития, с тем чтобы реализовать согласованные на международном уровне цели и задачи в области развития, в том числе цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия. (Отметим констатацию зависимости национальных стратегий от согласованных на международном уровне целей и задач: не в этом ли заключена причина той настырности, с какой российская власть, игнорируя любую критику, добивается внедрения либеральных ценностей и реализации либеральных инноваций в абсолютно неприспособленную для них российскую действительность? – Авт.);

b) обеспечить эффективное управление государственными финансовыми ресурсами в целях достижения и поддержания макроэкономической стабильности и темпов роста в долгосрочной перспективе и добиваться эффективного и транспарентного использования государственных средств и обеспечить, чтобы помочь в целях развития использовалась для наращивания национального потенциала. (Подчеркнем: из этого следует, что курс на макроэкономическую стабилизацию, лишающий отечественную экономику внутренних инвестиций, побуждающий предприятия кредитоваться за рубежом, явля-

ется политикой, навязанной России в соответствии с некими международными договоренностями, а российское руководство по каким-то причинам считает себя обязанным эти дискриминационные договоренности соблюдать – Авт.);

c) поддерживать усилия развивающихся стран, направленные на разработку и осуществление национальных программ и стратегий в области развития, за счет увеличения объемов помощи в целях развития, расширения международной торговли как двигателя развития, передачи технологий на взаимосогласованных условиях, увеличения объемов инвестиций и расширения и углубления мер по облегчению бремени задолженности и поддержки развивающихся стран..., с тем чтобы они могли достичь согласованных на международном уровне целей в области развития, включая цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия. (Торговля вместо производства и вступление в абсолютно не нужное России ВТО как одна из главных целей государственной политики; «сердюковская» реформа как «взаимосогласованное условие» получения с Запада технологий – взамен утилизируемых собственных; следование в фарватере все тех же «согласованных целей в области развития» и т.д. – Авт.);

d) что усиливающаяся взаимозависимость экономики различных стран в условиях глобализирующегося мира и формирование основанных на определенных правилах режимов международных экономических отношений означает, что сегодня пространство для национальной экономической политики, то есть рамки внутригосударственной политики, особенно в областях торговли, инвестиций и промышленного развития, часто определяется рамками международных принципов, обязательств и соображений глобального рынка. (Так вот почему хронически недофинансируется российская наука, приставают к отечественные конструкторские бюро и производственные мощности, а Россия тем временем закупает французские вертолетоносцы, итальянские боевые машины пехоты и

поддержанные гражданские авиалайнеры фирм «Boeing» и «Airbus» – Авт.). Каждое правительство должно само сопоставить выгоды от принятия международных норм и обязательств с ограничениями, создаваемыми сужением стратегического пространства. Особенno важно, чтобы все развивающиеся страны, с учетом целей и задач в области развития, принимали во внимание необходимость установления надлежащего баланса между пространством для маневра в национальной политике и международными правилами и обязательствами. (Хотя мы об этом уже упоминали, ТАКОЕ грех не повторить – чтобы потом не упрекали, что не услышали – Авт.);

е) повысить вклад НПО, гражданского общества, частного сектора и других заинтересованных сторон в национальные усилия в области развития, а также в содействие налаживанию глобального партнерства в целях развития. (Здесь все разложено буквально «по полочкам»: формулой «глобального партнерства» является вывод на ведущие позиции в национальной экономике и внутренней политике «олигархов», находящихся под «внешним управлением» НПО и оппозиционных СМИ, а также «оранжевых», прозападных по своей сущности и интересам либералов во власти, которые коллективно представляют интересы «других заинтересованных сторон», то есть, надо полагать, «частных и независимых групп» – Авт.);

ф) добиться того, чтобы фонды и программы и специализированные учреждения ООН поддерживали усилия развивающихся стран с помощью общих страновых оценок и Рамочной программы ООН по оказанию помощи в целях развития, усиливающих их поддержку в деле создания потенциала. (Здесь, надо думать, конкретизируются механизмы обеспечения глобально-олигархического влияния на внутреннюю политику развивающихся стран, к которым причисляют Россию; главным из этих механизмов признается ООН с ее институтами и сотрудничающими с ней «фондами и мозговыми трестами» и т.д. – Авт.);

г) охранять свою базу природных ресурсов для обеспечения развития. (Как по-

мним из статьи Г.Х.Попова, для превращения их в «глобальное общее достояние» и последующей передачи в качестве «мировых ресурсов» в распоряжение так называемого «мирового сообщества» – Авт.)¹⁰ (курс. – Авт.)

Как видим, более развернутой и откровенной глобалистской программы, направленной на установление тотального контроля над внутренней и военной политикой и природными ресурсами незападных стран, в том числе России и других субъектов постсоветского пространства, мы еще не встречали. Что еще нужно, чтобы убедиться: «Всемирное партнерство в целях развития» (8-я ЦРТ) и «Глобальное партнерство в целях развития» – совершенно разные документы? И что выполняется лишь второй из этих документов, в то время, как первый нужен, пожалуй, лишь для «отвода глаз» мирового сообщества, которое, впрочем, под воздействием компрадорских национальных элит, включая российскую, само радо обманываться.

Третий и завершающий на сегодняшний день ход всей этой комплексной спецоперации – создание в 2007 г. по решению Генерального секретаря ООН так называемой «Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ», задачей которой является подготовка ежегодных докладов о ситуации в сфере реализации «ЦРТ». Провозглашенная в третьем таком докладе (за 2010 г.) необходимость «...выполнения международных обязательств и целей, объединенных в рамках цели 8-й и определенных как ключевые в глобальной работе по достижению ЦРТ»¹¹ наглядно демонстрирует, что «Целевая группа» ООН призвана замаскировать подмену социально-экономической 8-й «Цели» сугубо политическим «Глобальным партнерством в целях развития».

В-третьих, особого внимания требует ненавязчиво продвигаемое Итоговым документом Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г. «расширительное толкование» «Глобального партнерства в целях развития», в рамках которого указывается на преемственность не только к 8-й «Цели» и Декларации тысячелетия, но и к Монтеррейскому консенсусу и Йоханнесбургскому плану выполнения решений (2002 г.). То есть к документам, которые появились уже после Декларации тысячелетия. Здесь важно, что только что рассмотренные глобально-управленческие императивы, в том виде, в каком они включены в Декларацию тысячелетия и «Глобальное партнерство в целях развития», ни в одном из перечисленных документов в такой постановке вообще не звучат.

Вот, например, соответствующая выдержка из Монтеррейского консенсуса:

«...В рамках нынешнего диалога высокого уровня по вопросу об укреплении международного сотрудничества в целях развития на основе партнерства, проводимого каждые два года на Генеральной Ассамблее, следует рассмотреть доклады по вопросам финансирования развития, представляемые Экономическим и Социальным Советом (ЭКОСОС) и другими органами, а также другие вопросы, касающиеся финансирования развития. Процесс ведения диалога следует реорганизовать таким образом, чтобы он мог выполнять функцию межправительственной координации общей последующей деятельности по итогам Конференции и связанных с нею вопросов...»¹² (курс. – Авт.).

Здесь, как видим, речь идет только о межправительственной координации в целях развития и лишь в части, касающейся компетенции ООН-овского ЭКОСОС.

В плане Всемирного саммита по устойчивому развитию 2002 г. в Йохан-

несбурге вопрос был поставлен намного шире, чем в Монтеррее. В частности, затрагиваются «институциональные рамки устойчивого развития», что является синонимом глобального управления; говорится о координации деятельности включенных в эти рамки институтов внутри и вне системы ООН; ставится задача «интеграции целей развития», причем, именно как «устойчивого», в цельную стратегию, которой должны руководствоваться все ООН-овские и взаимодействующие с ними структуры.

Но все это ограничивается лишь «экономическими, социальными и экологическими аспектами устойчивого развития». Не упоминается при этом не только «Глобальное партнерство в целях развития», но и сами эти «Цели», а основой деятельности провозглашается весьма объемная (более 1 тыс. стр.), расплывчатая и неконкретная «Повестка дня на XXI век», ради конкретизации которой, собственно, появились и сами «ЦРТ», и рассматриваемое через их призму «Глобальное партнерство».

«...Меры по укреплению **институциональных рамок устойчивого развития** ...следует принимать в рамках Повестки дня на XXI век, с учетом событий, которые произошли после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (**в Риоде-Жанейро – Авт.**), и они должны быть направлены ...на достижение следующих целей:

- а) укрепление приверженности задачам устойчивого развития;
- б) сбалансированная интеграция экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития;
- в) укрепление осуществления Повестки дня на XXI век, в том числе за счет мобилизации финансовых и технологических ресурсов...;
- г) укрепление согласованности, координации и контроля;
- д) поощрение верховенства закона и укрепление государственных институтов;

f) повышение эффективности и результативности путем уменьшения параллелизма и дублирования деятельности международных организаций как внутри системы, так и за пределами системы ООН...;

g) расширение участия и реальной вовлеченности гражданского общества ...в осуществление Повестки дня на XXI век, а также поощрение транспарентного и широкого участия общественности;

h) укрепление потенциала в области устойчивого развития на всех уровнях...;

i) укрепление международного сотрудничества в целях активизации осуществления Повестки дня на XXI век и решений Встречи на высшем уровне.

...Международному сообществу следует:

а) укреплять интеграцию целей устойчивого развития, закрепленных в Повестке дня на XXI век ...в стратегию, программы работы и оперативные руководящие принципы соответствующих учреждений, программ и фондов ООН, Глобального экологического фонда (ГЭФ) и международных финансовых и торговых учреждений ...при одновременном полном обеспечении учета в их деятельности национальных программ и приоритетов развивающихся стран, а также, в случае необходимости, стран с переходной экономикой, в целях достижения устойчивого развития;

б) укреплять сотрудничество в рамках системы ООН и между системой ООН, международными финансовыми учреждениями, ГЭФ и ВТО...;

с) укрепить и повысить эффективность интеграции трех компонентов стратегий и программ в области устойчивого развития и поощрять полный учет целей устойчивого развития в программах и стратегиях органов, занимающихся в первую очередь социальными вопросами...»¹³ (курс. – Авт.).

Тем не менее, в-четвертых, сама терминология «Глобального партнерства в целях развития» в редакции 2005 г., как и Декларация тысячелетия, апеллирует к проблематике «миростроительства», а отнюдь не к 8-й «Цели». Так, ст. 70 и 75 Итогового документа Все-

мирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.) не только требуют «сотрудничества между всеми главными органами ООН» (Советом Безопасности, Генеральной Ассамблей, ЭКОСОС, Генеральным секретарем) в деле коллективного отражения глобальных угроз, но и конкретизируют это требование, распространяя его на предотвращение вооруженных конфликтов¹².

Наконец, в-пятых, просто невозможно не обратить внимания на филигранность, с какой авторы Итогового документа Всемирного саммита (2005 г.) продвигая идеи «миростроительства», жонглируют взаимоисключающими друг друга принципами «территориальной целостности» и «самоопределения».

Прежде, правда, необходимо разобраться и разложить по полочкам сами соответствующие положения Устава ООН, к которым этот Итоговый документ апеллирует. Дело в том, что их уставная трактовка неоднозначна. «Правоправие и самоопределение» народов в этом базовом международном документе отнесены к «Целям ООН» и поставлены выше «Принципов ООН», в том числе «суверенного равенства», «территориальной целостности и политической независимости», последние вообще в Уставе ООН упоминаются не самостоятельно, а в контексте обязанности членов Организации воздерживаться от их нарушения¹⁴.

Понятно, что различия в статусе «самоопределения», которому отдается приоритет, и упоминающейся в уставе ООН по остаточному принципу «территориальной целостности» обусловлены дальневидностью расчетов Запада и, прежде всего, американской стороны, которая вовремя подсуетилась и протащила при работе над Уставом именно эту формулировку. Следовательно, пресловутая «глобализация» уже тогда, в 1944–1945 гг., была вклю-

чена в стратегические планы США. Сегодня же, когда она превратилась из достаточно отдаленной перспективы в реальность, намерения англосаксонского Запада простираются еще дальше. Именно в этом заключена главная причина продолжающегося наступления на принцип «территориальной целостности» и «политической независимости».

Вот, например, как соотносятся категории «территориальная целостность» и «самоопределение» во включенной в гл. I («Ценности и принципы») 5-й ст. Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г.:

«Мы преисполнены решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Мы вновь подтверждаем свое обязательство поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств и **уважения их территориальной целостности и политической независимости**, ...обеспечивать урегулирование споров ...в соответствии с принципами справедливости и международного права и (sic!) **права на самоопределение народов, все еще находящихся под колониальным господством и иностранной оккупацией, невмешательства во внутренние дела государств, уважения прав человека и основных свобод...** и добровольного выполнения обязательств, принятых на себя в соответствии с Уставом»¹⁰ (курс. – Авт.).

Итак, применение формулировки «в соответствии с целями и принципами Устава ООН» означает, что «самоопределение» ставится выше «территориальной целостности и политической независимости», тем более, что в Итоговом документе говорится не об их «соблюдении», а лишь об «уважении». Кроме того, «право на самоопределение народов» отождествляется с их борьбой против «колониального господства и иностранной оккупации»,

что при желании можно использовать в интересах подрыва внутренней стабильности любого многонационального государства, как это, к примеру, было проделано с Югославией.

Стоящий уже после этого положения тезис о «невмешательстве во внутренние дела государств», стало быть, предлагается применять лишь в том случае, если речь не идет ни о «колониальном господстве», ни об «иностранный оккупации», причем, критерии и того, и другого не прописаны и, следовательно, априори субъективны.

Конкретный пример: с точки зрения США, Европейского союза и ОБСЕ, Абхазия и Южная Осетия являются «оккупированными» территориями суверенной Грузии, и потому провозглашенная ими и признающаяся Российской Федерацией «независимость» отнюдь не гарантирует их от натовского вмешательства, в том числе в форме включения этих республик в «миростроительные» проекты «постконфликтного урегулирования».

Отсюда следует, что единственными реальными гарантиями территориальной целостности и политической независимости обеих постсоветских республик является не трактующееся с позиций «двойных стандартов» международное право, а политический авторитет и военная мощь России, прежде всего принадлежащее ей право «вето» в Совете Безопасности ООН и сохраняющийся ядерный потенциал.

Кроме этого, «невмешательство» в Итоговом документе ООН-овского Всемирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.) дополнительно обусловливается «уважением прав человека и основных свобод», состояние которых, как водится, будет оцениваться не объективно, а с помощью ОБСЕ, а также заведомо ангажированных англосаксами НПО: «Amnesty International», «Freedom House», «Human's rights Watch» и т.п.

Но даже этого авторам данного документа оказывается мало. В ст. 77, включенной в посвященную «миростроительству» гл. III («Мир и коллективная безопасность», «территориальная целостность» и «невмешательство во внутренние дела» не упоминаются вообще. Чтобы убедиться в этом приведем текст данной статьи полностью, без всяких изъятий – даже того, что непосредственно не относится к рассматриваемым «целям и принципам» Устава ООН:

«Мы подтверждаем обязательство государств-членов воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения каким-либо образом, не совместимым с Уставом. Мы подтверждаем, что к числу целей и принципов, которыми руководствуется ООН, относятся поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения **принципа равноправия и самоопределения народов** и принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира, и в этой связи заявляем о нашей решимости принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений

мира и проводить мирными средствами, в согласии с **принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира**¹⁰ (курс. – Авт.).

Что это, как не доказанная уже нами в качестве «двойного стандарта», причем, и теоретически, и практически, «мозаичная» технология подмены понятий? Напомним, что ее формула еще в начале ХХ в. была выведена небезызвестным полковником Хаусом¹⁵. Практическую же сторону разработали авторы подробно и тщательно рассмотренного доклада «Наше глобальное соседство» («НГС»), обнародованного в 1995 г. совместным «детищем» ООН и Социалистического интернационала (Социнтерна) – Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству. Набор одних и тех же положений в нем рассматривается в качестве и «ценности добрососедства», и «принципов глобальной гражданской этики», и «прав и обязанностей» членов «глобальной общины», и даже «моральной основы» и инструмента «обеспечения качества» глобального управления¹⁶.

От теории к практике «миростроительства»

Необходимость разобраться в практических шагах по внедрению «миростроительства» в повседневную практику глобального управления побуждает нас еще раз конспективно пройтись вдоль исторической ретроспективы последних десятилетий и лишь после этого перейти к рассмотрению и анализу деятельности занимающейся «миростроительством» Комиссии ООН. Особо выделим комплексы мер, создавшие фундамент глобальной трансформации, развертывание которой сегодня пытаются осуществить с помощью этого нового органа.

Итак, распад СССР и окончание холодной войны подготавливалось еже-

годными докладами Римскому клубу и сопровождалось целым рядом событий (и мероприятий), которые произошли в конце 80-х – начале 90-х годов в самых различных сферах международной политики. В политической сфере среди них необходимо особо выделить Отчет Римского клуба «Первая глобальная революция», официальное выдвижение концепции «Нового мирового порядка», принятие Парижской хартии для новой Европы и трансформацию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в ОБСЕ, а также подписание Маастрихтского договора о создании Европейского союза. В военно-политической сфере наиболее важными

событиями представляются упразднение Организации Варшавского договора (ОВД), появление первой Стратегической концепции НАТО, сформировавшей альтернативную завершившейся холодной войне сферу применения военного потенциала этого блока в виде миротворчества и т.д.

Начиная с 1992 г., с Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, начинается новый этап глобальной трансформации, который входит в активную фазу во второй половине 90-х годов, завершаясь агрессией США и НАТО против Югославии. К 1995 г. заканчивает работу Римский клуб, функции которого перехватываются Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству, созданной на базе ООН и Социнтерна; наследницей ее в 2001 г. становится Комиссия по глобализации, сформированная на базе ряда структур, тесно связанных с Международным «Горбачев-фондом». Тогда же появляется доклад «НГС».

С 1994 г. действует расширяющая зону действия НАТО программа «Партнерство ради мира». В 1999 г. принимается вторая Стратегическая концепция Североатлантического альянса, направленная на расширение масштабов миротворчества, а также провозглашающая перспективу расширения блока за счет принятия в него новых членов из числа бывших союзников СССР по ОВД, а также бывших советских республик.

Именно в этот период, ориентировано в 1997–1998 гг., происходит переход от первого варианта реализации «глобального плана» – с созданием глобального субъекта в системе ООН (проект СЭБ) ко второму, связанному с выводом части институтов за пределы ООН и формированием на этой основе некоей глобальной сетевой структуры.

В 2000 г., одновременно с Саммитом тысячелетия и сопутствующим ему комплексом мероприятий организационного, политического и идеологического характера, появляется Хартия об основных правах ЕС, в которой выдвигаются и ставятся в глобальную повестку дня такие вопросы, как распространение «мирового гуманитарного стандарта» и формирование «демократического глобализма будущего». В 2002 г. проводится Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге, укрепляющий одноименную концепцию в претензиях на формирование стратегической перспективы человечества.

Выдвигаются различные инициативы по линии так называемого «глобального гражданского общества», наиболее заметной среди которых становится Инициатива «Хартии Земли», появление которой опять-таки тесно связано с деятельностью Международного «Горбачев-фонда».

С 2005 г. в системе ООН действует Комиссия по миростроительству, уставновочные документы которой, как убедимся, начинают стирать и без того малозаметную грань между миротворчеством и «гуманитарным интервенционизмом». С другой стороны, на этот же период приходится окончательное раскрытие геостратегии США в регионе Ближнего и Среднего Востока, оформленной планом «Большого Ближнего Востока». В дальнейшем оба этих фактора соединяются в новой, третьей по счету Стратегической концепции НАТО (2010 г., Лиссабон).

Как убедительно доказывается рядом современных российских ученых, ее целью ставится не только включение миротворчества в общую экспансионистскую стратегию НАТО, но и распространение этого процесса за пределы традиционной зоны geopolитической ответственности блока, а также

его международно-правовая легитимация через введение под эгиду ООН¹⁷. Именно с этого момента миротворчество начинает трансформироваться в «миростроительство».

На постсоветском пространстве в это время происходит серия «оранжевых» революций. Создается впечатление, что республики, в которых они происходят, как бы вовлекаются в «миростроительные» программы постконфликтного урегулирования.

Острота вспыхнувшего в августе 2008 г. грузино-югоосетинского конфликта, который привел к резкому ухудшению отношений России с США, НАТО и Европейским союзом, показывает, что определенными силами скорее всего была предпринята попытка внедрить и приживить таким образом практику «миростроительства» на постсоветском пространстве. Подобные подозрения значительно усиливаются при упоминании о той настырности, с какой сновавшие между Москвой и Тбилиси западные посредники – высокопоставленные и не очень – пропихивали идею замены российской миротворческой миссии, находящейся в зоне конфликта по мандату СНГ, миссией ЕС, то есть, по сути, натовской.

В современных условиях в пользу этих подозрений свидетельствует geopolитическая возня, затяянная западными сопредседателями Минской группы ОБСЕ, прежде всего США, вокруг «замороженного» конфликта в Нагорном Карабахе, где напряженность су-

щественно возрастает на протяжении последних нескольких месяцев*.

Одновременно, начиная с 2005 г., в активную фазу входит процесс подготовки к переводу в сферу публичной политики «Группы двадцати», осуществляемый с началом финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Особо отметим, что в управляющем, рукотворном характере этого кризиса сегодня не сомневается практически никто из российских и зарубежных аналитиков, критически настроенных по отношению к официальной трактовке современного этапа глобальной истории.

Теперь о самой Комиссии ООН по миростроительству (КМС), ее создании, задачах, а также наработанном более чем за пятилетку опыте деятельности. Поскольку предпочтение нами на всем протяжении статьи всегда отдавалось не «вольному» комментарию, а детальному анализу соответствующих первоисточников, не будем отклоняться от сложившейся традиции и сейчас.

Итак:

«Комиссия по миростроительству (КМС) была учреждена одновременно Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН в их соответствующих резолюциях (**документы ООН S/RES/1645 и A/RES/60/180 соответственно – Авт.**).»

КМС – это новый **межправительственный консультативный орган** ООН, который поддерживает усилия в пользу мира в странах, переживших конфликты, и представляет собой **важное дополнение того механизма**, который используется международным сообществом для решения **более широких задач** по обеспечению мира.

* Понятно, что в этой части geopolитической «дуги нестабильности», окаймляющей с юга постсоветское пространство, о которой в «Великой шахматной доске» писал Бжезинский, центром западного внимания является Иран – единственное государство, способное и действительно противостоящее практической реализации американского плана «Большого Ближнего Востока». Но Нагорный Карабах, как известно, – это ближние подступы к Ирану, и контроль над ним дает неоспоримые преимущества любой из сторон потенциального конфликта, а также их покровителям и союзникам из числа великих держав (или, по Бжезинскому, геостратегических действующих лиц).

КМС играет уникальную роль, выполняя следующие функции:

- сводя вместе все соответствующие стороны, включая **международных доноров, международные финансовые учреждения, национальные правительства, страны, предоставляющие войска;**
- мобилизуя ресурсы;
- ...**привлекая внимание к любым проблемным областям, способным подорвать мир**¹⁸.

«КМС уполномочена: мобилизовывать ресурсы и давать рекомендации и предложения относительно комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления. ...КМС фокусирует внимание на усилиях по восстановлению, организационному строительству и устойчивому развитию в странах, выходящих из конфликта. В частности, она уполномочена:

- предлагать комплексные стратегии постконфликтного миростроительства и восстановления;
- помогать в обеспечении предсказуемого финансирования начальной деятельности по восстановлению и устойчивых финансовых инвестиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- добиваться того, чтобы международное сообщество продолжило уделять свое внимание и в течение периода постконфликтного восстановления;
- разрабатывать передовые методы в отношении вопросов, которые требуют широкого взаимодействия между субъектами деятельности в политической сфере, области безопасности, гуманитарной сфере и области развития.

Комиссия заполняет собой **значительный пробел** в системе ООН, существующий в контексте **перехода от оказания чрезвычайной помощи к развитию**. Она сводит вместе правительства конкретных стран и всех соответствующих международных и национальных субъектов деятельности для обсуждения и определения долгосрочных стратегий миростроительства с целью предотвратить возобновление конфликтов.

После разработки такой стратегии, ...КМС будет продолжать взаимодейство-

вать с подобными странами до тех пор, пока риск возобновления конфликта **не будет признан минимальным**.

...Рекомендации КМС имеют вес благодаря широкому разнообразию ее членского состава. Система ООН в целом, равно как и другие органы и субъекты деятельности, поощряются к принятию мер по рекомендациям и советам Комиссии.

Комиссия стремится действовать в тесном взаимодействии с **вовлечеными национальными и транснациональными властными структурами** и в полной мере признает важность национальной ответственности за процесс миростроительства.

...**Предположительно** Комиссия будет заниматься только странами, выходящими из конфликта, после заключения мирного соглашения и при наличии минимального уровня безопасности. Такие страны должны проявить заинтересованность в их рассмотрении в Комиссии. Вынесение на рассмотрение какой-либо страны без ее согласия представляется **маловероятным**.

В настоящее время в повестку дня Комиссии включены Бурунди, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне и Центральноафриканская Республика.

...Генеральный секретарь учредил Фонд миростроительства для удовлетворения насущных потребностей, связанных с миростроительством, в выходящих из конфликта странах в то время, когда другие механизмы финансирования недоступны. Исходя из **согласованных приоритетов**, Фонд может поддержать разнообразные меры по укреплению национального потенциала, необходимого для сохранения мира, и тем самым поможет снизить риск возобновления конфликта. Фонд может оказывать поддержку странам, рассмотрение которых проводит Комиссия, а также **помогать другим странам, оказавшимся в аналогичных обстоятельствах, в соответствии с указаниями Генерального секретаря**¹⁹ (курс. – Авт.).

В этих разъяснениях, размещенных на официальном ООН-овском сайте КМС, что ни абзац, то «буket» настоя-

щих перлов, достойных места в анналах истории глобальных политических афер.

Итак, во-первых. Зафиксируем межправительственный формат КМС, отметив, что за рамками Устава ООН он получил распространение после 1992 г., то есть после разрушения СССР, проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию и создания Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. И с тех пор последовательно укреплялся с помощью отделения глобального политического управления от глобального экономического, вывода части соответствующих институтов вне ООН и преобразования расплывчатой «Повестки дня на XXI век» в четкие и конкретные «Цели развития тысячелетия». Не забудем, что именно с их помощью экологическая, экономическая и социальная проблематика глобального управления была дополнена политикой и геополитикой, а также геостратегическими вопросами.

Межправительственный формат, позволяющий «частным и независимым группам» глобальных олигархов, скрывающимся за целым рядом специализированных учреждений ООН, прикрываясь формулой «Мы, народы...», апеллировать совсем не к народам, а к компрадорской, продажной и наиболее коррумпированной части национальных элит, и есть тот самый «механизм, который используется международным сообществом для решения ...задач по обеспечению мира».

А КМС – это не что иное, как инструмент, расширяющий возможности этого механизма. Провозглашенная «уникальность» Комиссии заключена в наделении ее функцией коммуникации между «международными донорами, международными финансовыми институтами» (которые контролируются все теми же «частными и независимыми группами») и «правительствами стран,

представляющими войска». Как установлено выше, это делается для «развертывания различных миротворческих миссий на региональной и субрегиональной основе», ибо «маловероятно, что потребность в быстром реагировании удастся удовлетворить только за счет использования механизмов ООН». Еще мы установили, что единственными региональными организациями, интенсивно взаимодействующими с ООН по миротворческим вопросам, являются Европейский союз, ОБСЕ и НАТО. При этом официальными документами ООН заведомо признается не только правомерность наличия побочных, официально не раскрываемых целей и мотивов «миротворческого» вмешательства, но и его несанкционированный характер в «беззатратных ситуациях», когда санкция получается задним числом – «после начала подобных операций»².

Грех не упомянуть, что «уникальность» КМС также обусловлена способностью «привлекать внимание к любым проблемным областям, способным подорвать мир». Поскольку «подрыв мира» – это насквозь конъюнктурная трактовка, суть которой отражается известным афоризмом «у нас разведчики, а у них – шпионы», поскольку эта «уникальность» объясняется вниманием к тем или иным событиям со стороны «людей и организаций», представляющих интересы тех же самых «частных и независимых групп». Иначе говоря, глобальной олигархии вперемешку с ООН-овской бюрократией – тоже глобальной, космополитической, члены которой уже давно оторвались от собственных народов, национальных корней, почвы и истории.

Таким образом, Комиссию можно считать некой «верхушкой» эволюции межправительственных структур – органом, который владеет определенным инструментарием, с помощью которо-

го глобальные институты внутри и вне системы ООН «поощряются» к выполнению ее «рекомендаций и советов». С этой точки зрения обращает внимание использование в цитируемом материале таких терминов как «вовлечение», употребляемых по отношению к «национальным и транснациональным властным структурам». Это оговорка в точности «по Фрейду», ибо признается как наличие именно властных транснациональных структур, так и «вовлечение» в них национальных властей. Кроме того, хорошо известно, что сам термин «вовлечение» (*«engagement»*) авторами заимствован в лексиконе Трехсторонней комиссии, которая обозначает им втягивание в сферу влияния глобально-управленческих структур отдельных стран, например России²⁰.

Таким образом, становится понятным, что принципиальное решение о создании Комиссии ООН по мироустройству, скорее всего, было принято еще в 1997–1998 гг., когда осуществлялась трансформация всего «глобального плана», связанная с переходом от первого, централизованного варианта глобального управления во главе с СЭБ, ко второму – децентрализованному, сетевому. Поскольку именно КМС, которой, в отличие от предполагавшихся функций СЭБ, предопределено заниматься глобальным геостратегическим планированием, по-видимому, будет находиться в центре этой сети, закономерно возникают два вопроса.

Первый: чем же все-таки обусловлен переход от первого варианта «глобального плана» ко второму? Какие конкретные события послужили его дetonатором, и является ли он вынужденной реакцией, следствием какой-то крупной неудачи или, наоборот, приобретением его авторов, подтверждающим успешный ход реализации их намерений?

В высказанной ранее версии мы упоминали о том, что данный перелом в «генеральной линии» глобально-управленческих структур произошел сразу же вслед за двумя событиями. Одно из них – вхождение России в Базельский клуб, означавшее фактическое лишение нашей страны финансовой независимости (1996 г.). Другое событие – замена российского главы Департамента ООН по политическим вопросам (в ранге заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам) В.Ф.Петровского представителем Великобритании К.Прендергастом (1997 г.). Тем самым было оформлено разрушение ряда послевоенных договоренностей, по которым замещение данного поста, начиная с 1945 г., относилось к прерогативам СССР, а после его распада – Российской Федерации.

Итак, повлияли ли на смену стратегии глобального управления именно эти события или совпавшее с ними резкое ускорение роста и усиление Китайской Народной Республики, а также кто в России персонально ответственен за эту широкомасштабную сдачу важнейших позиций, имевшую для страны катастрофические последствия, широкой общественности не известно и по сей день.

Второй вопрос связан с тем, что сегодня, на шестом году своего существования, КМС, несмотря на активный рост, все еще находится в зачаточном состоянии и на «проектную мощность» не вышла. Заявленные три формата работы – Организационный комитет, заседания по странам и Рабочая группа по обобщению извлеченных уроков – не устоялись и в рамках поставленных перед Комиссией задач (речь о которых пойдет ниже) лишь нащупывают основные пути и методы работы. В пользу этого вывода, в частности, свидетельствует ограничение дея-

тельности КМС африканским континентом, который в сложившихся условиях, видимо, выполняет «подопытную» роль некоего «учебного полигона». Тогда каковы масштабы амбиций авторов этого проекта, и насколько они соответствуют имеющемуся в их распоряжении потенциалу, а также специфике глобальной ситуации, особенно с учетом развития глобального кризиса, спровоцированного «частными и независимыми группами»?

Иначе говоря, насколько велика и, главное, неотвратима угроза, нависшая над человечеством и, прежде всего, над нашей страной как главной мишенью всех прошлых глобальных авантюр?

Во-вторых, все перечисленные положения доклада «Более безопасный мир...», подготовленного в 2004 г. Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам, полностью подтверждены и в рассматриваемом материале.

Как вам, уважаемый читатель, например, видится перспектива выноса на рассмотрение КМС ситуации в «какой-либо стране без ее согласия», означающая возможность самочинного интервенционистского вмешательства в ее внутренние дела, которая отнюдь не отрицается, а лишь признается «маловероятной» (то есть, вроде бы и «мало...», но, в то же время, «...вероятной»)? Или оговорка «предположительно», из которой следует, что проведение «миротворческой» операции «после заключения мирного соглашения» – лишь один из возможных вариантов развития событий? Следовательно, проведения такой операции, разумеется, с формулировкой «в исключительных обстоятельствах», с которой мы столкнемся ниже, вполне можно ожидать:

– и непосредственно в ходе внутреннего конфликта, что означает прямое внешнее вмешательство в него в

духе «доктрины Брежнева», многократно раскритикованной самим же Западом (как теперь выясняется, с позиций «двойных стандартов» – куда ж без них);

– и даже до его начала – в качестве провокации, развязывающей или направляющей конфликт в нужное, управляемое русло с заведомо известными результатами и последствиями.

Тогда где гарантии, что в один, отнюдь не прекрасный день подобная провокация не будет осуществлена в глобальном масштабе? Учитывая опыт событий 11 сентября 2001 г. и упоминавшуюся нами их подоплеку, данный вопрос уместно было бы сформулировать иначе, несколько менее политкорректно: «Где, когда и в каких масштабах такая провокация будет осуществлена?».

Преувеличение? Отнюдь, и в этом легко убедиться:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности)...

...4. постановляет, что КМС будет иметь постоянный **Организационный комитет** (далее Оргкомитет – Авт.), отвечающий за разработку своих процедур (правил процедуры) и организационных вопросов и методов работы.

...23. вновь подтверждает свою просьбу к Генеральному секретарю создать в Секретариате ...небольшое управление по поддержке миростроительства, укомплектованное квалифицированными специалистами, ...и в этой связи признает, что такая поддержка может включать в себя сбор и анализ информации, касающейся наличия финансовых ресурсов, соответствующей деятельности ООН по планированию в различных странах прогресса в достижении краткосрочных и среднесрочных целей восстановления и передового опыта решения междисциплинарных вопросов миростроительства»²¹ (курс. – Авт.).

Комментарии здесь излишни. Умри, но ясней и откровенней, чем «планиро-

вание в различных странах прогресса» под эгидой ООН, не выразишься. К тому же и решение о создании в структуре Секретариата ООН Управления по поддержке миростроительства ждать себя долго не заставило. А если добавить к этому уже приводившийся перечень «партнеров» КМС – Программу ООН по развитию (ПРООН), Департаменты ООН по политическим (ДПВ), экономическим и социальным (ДЭСВ) вопросам, по операциям в поддержку мира (ДОПМ), а также ГООНВР – Группу ООН по вопросам развития (в посткризисный переходный период)²² – становится очевидно, что мы имеем дело с хорошо продуманной, разветвленной и наращивающей эффективность глобальной структурой, целью которой, видимо, является максимальное ускорение упоминавшейся нами «глокализации».

Надо полагать, что в «частных и независимых группах» обеспокоены слишком ширящейся осведомленностью международной общественности об их планах, растущим пониманием их идеологической, политической и институциональной преемственности фашизму и нацизму. И потому простотаки одержимы скорейшим завершением первого этапа «глокализации», связанного с разрушением и десуверенизацией нынешних государств (особенно, многонациональных) и переходом ко второму – «новой сборке» их обломков в глобальную империю, собственно, и являющую собой «Новый мировой порядок» в его завершенном виде. Отсюда и с трудом сдерживаемый оптимизм авторов рассматриваемого ООН-овского материала, считающих, что создание КМС заполнило в глобально-управленческих планах «значительный пробел».

В-третьих, рассмотренные нами положения ООН-овского документа по

КМС еще и предельно конкретизированы. Здесь самое время обратиться к некоторым организационным и процедурным аспектам деятельности Комиссии, содержащимся в установочных резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН (соответственно от 20 и 30 декабря 2005 г.), а также во «Временных правилах процедуры КМС...» от 23 июня 2006 г.

Из резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности),...

...признавая важную роль *региональных и субрегиональных организаций* ...в постконфликтном миростроительстве в своих регионах и подчеркивая необходимость последовательной международной поддержки их усилий...;

...признавая важный вклад гражданского общества и НПО, включая женские организации, в усилия по миростроительству...,

...11. подчеркивает также, что Комиссия ...будет работать в тесной консультации с региональными и субрегиональными организациями в целях обеспечения их участия в процессе миростроительства...;

12. постановляет, что Оргкомитет, должным образом учитывая необходимость *поддержания баланса* в рассмотрении ситуации в странах, расположенных в различных регионах мира, ...будет определять повестку дня Комиссии, ссылаясь на:

а) поступающие от Совета Безопасности просьбы дать рекомендации;

б) поступающие от ЭКОСОС и Генеральной Ассамблеи просьбы дать рекомендации с согласия *заинтересованного государства-члена* в *исключительных обстоятельствах* на грани возникновения или возобновления конфликта, которыми Совет Безопасности не занимается...;

с) просьбы дать рекомендации, поступающие от государств-членов в *исключительных обстоятельствах* на грани возникновения или возобновления конфликта, которые не включены в повестку дня Совета Безопасности;

d) поступающие от Генерального секретаря просьбы дать рекомендации;

...15. постановляет, что Комиссия будет представлять годовой доклад Генеральной Ассамблее, и что Ассамблея будет проводить ежегодные прения для рассмотрения этого доклада;

16. подчеркивает, что в постконфликтных ситуациях, включенных в повестку дня Совета Безопасности, ...когда в данном районе существует или осуществляется миссия по поддержанию мира, имеющая мандат ООН, и учитывая, что в соответствии с Уставом Совет несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, главная цель Комиссии будет заключаться в предоставлении Совету рекомендаций по его просьбе...»;

...18. постановляет, что Комиссия будет действовать во всех вопросах на основе консенсуса ее членов²² (курс. – Авт.).

Здесь в избытке всего.

И реверансов в сторону НАТО, ЕС и ОБСЕ («региональных и субрегиональных организаций»), участие которых «в процессе миростроительства», оказывается, должна «обеспечивать» ООН. И гарантий безнаказанности их вмешательства в обход Совета Безопасности под предлогом «исключительных обстоятельств», что на деле означает не что иное, как заведомую ООН-овскую индульгенцию на такое вмешательство. И явного стремления обойти и подчинить себе российские миротворческие миссии в СНГ, практически обязав их принимать рекомендации, предоставленные Комиссией Совбезу. И нескрываемого желания регулярно уязвлять Россию и другие субъекты постсоветского пространства критикой по итогам обсуждения годовых докладов КМС Генеральной Ассамблеей.

И, наконец, традиционной апелляции к «гражданскому обществу» и «НПО», включая «женские» организации (поощрение которых, как мы уже

установили, ставит целью отнюдь не достижение гендерного равенства, а разрушение традиционного семейного уклада и семьи как базового института общественной самоорганизации).

«Гражданское общество» и НПО, наряду с частными бизнес-интересами – традиционная стержневая опора «трансформаторов» мирового порядка, направляемая ими, как помним по докладу «НГС», против правительства. Вот как смотрятся задачи, ставящиеся перед частным сектором, «гражданским обществом» и соответствующими НПО в рамках КМС:

«...Гражданское общество может взаимодействовать с КМС и подключаться к ее работе различными путями. В Центральных учреждениях ООН организациям гражданского общества предлагается посещать заседания Комиссии, и они могут (sic!) неофициально вносить вклад в работу Комиссии, представляя письменные материалы членам КМС и Управлению по поддержке миростроительства (то есть, попросту, анонимно «стучать» на свои правительства в конфиденциальном порядке – Авт.). Кроме того, организации гражданского общества могут участвовать в некоторых заседаниях Комиссии в формате рассмотрения конкретных стран, часто именуемых неофициальными брифингами для НПО («каждому сверчку – свой шесток»: на заседания Оргкомитета, а также на большинство заседаний самой КМС, особенно проходящие, согласно «Временных правил процедуры...» при «закрытых дверях», представителей «гражданских» НПО никто не допустит; и то верно: вручил кому следует анонимку – и свободен! – Авт.)»²³ (курс. – Авт.).

Обратим внимание: сколько в документах ссылок на «неофициальность», «неформальность», «конфиденциальность» и т.д. Как тут не возвратиться к уже «пройденному»:

«Управление и сотрудничество есть совокупность многих способов, с помощью кото-

рых отдельные лица и организации, как государственные, так и частные, ведут свои общие дела. Это (sic!) непрерывный процесс сглаживания противоречий интересов, их различий в целях осуществления совместных действий. Такой процесс (sic!) включает всю систему правления и официальные институты, призванные обеспечивать уступчивость, согласие и существующие неофициальные договоренности между отдельными лицами и организациями, которые отвечают их интересам»¹⁶ (курс. – Авт.).

В сводках правоохранительных органов всех стран мира упоминание «неофициальных договоренностей», «отвечающих интересам» «отдельных лиц и организаций», как правило, происходит в увязке со словами «коррупция» и «мафия». Здесь же речь идет о «большой политике» – процессе, «охватывающем всю систему правления и официальные институты» (!). Тогда есть ли на Западе разница между мафией и властью и где грань, отделяющая хваленную западную правовую культуру от «криминально-политического беспредела», беззастенчиво внедряемого на уровне «официальных политических институтов»?

Но вернемся к «гражданскому обществу», НПО, а также «частному сектору» и их роли – так, как она видится создателям КМС:

«Председатель Комиссии по миростроительству в консультации с ее членами обеспечивает на регулярной основе проведение консультаций с представителями гражданского общества, НПО, включая женские организации, и частного сектора, участвующих в деятельности по миростроительству, в зависимости от обстоятельств. С этой целью КМС разрабатывает дальнейшие детали и условия»²⁴ (курс. – Авт.).

Кроме этих факторов, в упомянутом фрагменте резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по созданию КМС, внимания требуют и другие, более важные и су-

щественные вещи. Например, предложение соблюдать в процессах миростроительства межрегиональный баланс. Вслед за идеей ООН-овского «планирования прогресса в различных странах» его выдвижение в учредительных документах КМС прямо указывает на приверженность их авторов искусственно разжиганию конфликтов. Ибо при спонтанном, неуправляемом их возникновении о «балансе» говорить, скорее всего, не приходится.

Кроме того, с учетом упоминавшегося нами предложения доклада «Более безопасный мир...» о том, чтобы НАТО «содействовало в подготовке и снаряжении не столь хорошо оснащенных региональных организаций и государств»², предлагаемый «баланс» выглядит фактическим приглашением советников и сил Североатлантического альянса в другие регионы планеты. Причем, несмотря на становящуюся формальной оговорку, что «региональные и субрегиональные организации» могут вмешиваться лишь «в своих регионах».

Наконец, впечатляет интенсивность попыток не мытьем, так катаньем обойти «ненавистный» Совет Безопасности с его российским и китайским «вето», расширив тем самым представительство проамериканского «агрессивно-послушного большинства» в центрах принятия (точнее, легитимации уже принятых) решений или хотя бы вблизи таких центров. Например, для этого рекомендуется привлекать как «заинтересованные», так и незаинтересованные, но «сознательные» государства-члены, которые всегда готовы присоединиться к «агрессивно-послушному большинству». И многое другое.

Отрадно, однако, что обойти пресловутое «вето» в итоге так и не удается, и оно сохраняется в виде принципа «консенсуса», распространяемого и на «структуры КМС» – Оргкомитет и заседания по конкретным странам²⁴.

В-четвертых, не вызывает особого удивления, что под геостратегические императивы «миrostроительства» подводится соответствующая организационная структура, как будто специально предназначеннна для создания в эпицентре ООН института (органа), альтернативного Совету Безопасности практически в той же мере, в какой являлся бы таковым не реализованный проект СЭБ.

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности)....

...4. постановляет, что Оргкомитет КМС будет включать:

а) **семь членов Совета Безопасности, включая постоянных членов...;**
б) **семь членов ЭКОСОС, которые выбраны от региональных групп, ...с уделением должного внимания тем странам, которые пережили период постконфликтного восстановления;**

с) пять членов, которые делают **самые большие ...взносы в бюджет ООН, включая ...Фонд миростроительства, не входящих в число членов, выбранных в соответствии с положениями подпунктов (а) и (б), которые выбраны десятью членами, делающими самые большие взносы ...за предыдущие три календарных года..., из их числа, ...по списку, представленному Генеральному секретарем...;**

д) пять членов, которые представляют **самые большие контингенты военнослужащих и гражданских полицейских для миссий ООН, не входящих в число членов, выбранных в соответствии с положениями подпунктов (а) и (б), которые выбраны десятью членами, представляющими самые большие контингентыза предыдущие три календарных года..., из их числа, ...по списку, представленному Генеральному секретарем...;**

е) **семь дополнительных членов, выбранных в соответствии с правилами и процедурами, определенными Генеральной Ассамблей, с уделением должного внимания представленности всех региональных групп... и представленности**

стран, которые **пережили период постконфликтного восстановления.**

...6. постановляет, что члены Оргкомитета будут входить ...в его состав в течение двухгодичного срока, который может быть возобновлен;

7. постановляет также, что в заседаниях Комиссии, посвященных конкретным странам, по приглашению Оргкомитета..., будут участвовать также в качестве членов – в дополнение к членам Оргкомитета – представители:

а) страны, которая является предметом рассмотрения;

б) стран данного региона, которые участвуют в усилиях по оказанию чрезвычайной помощи и/или в политическом диалоге, а также соответствующих региональных и субрегиональных организаций;

с) участников усилий по восстановлению, которые делают крупные взносы в виде финансовых средств или контингентов войск или гражданских полицейских;

д) старшего представителя ООН в данном районе и других соответствующих представителей ООН;

е) таких региональных и международных финансовых учреждений, которые могут иметь отношение к этому вопросу;

...8. постановляет далее, что представитель Генерального секретаря будет приглашаться для того, чтобы участвовать во всех заседаниях Комиссии;

9. постановляет, что представители **Всемирного банка, МВФ и других учреждений-доноров** будут приглашаться для того, чтобы участвовать во всех заседаниях Комиссии таким образом, чтобы это соответствовало их уставным документам;

10. подчеркивает, что Комиссия будет работать в сотрудничестве с национальными или переходными властями, где это возможно, в рассматриваемой стране в целях обеспечения национальной ответственности за процесс миростроительства²⁵ (курс. – Авт.).

Итак, главное, что прямо-таки бросается в глаза. С одной стороны, по своему составу и провозглашенным задачам КМС предстает неким паллиати-

вом «реформированной» ООН в случае, если бы реформа Совета Безопасности, предложенная докладами «НГС» и «Более безопасный мир...» была проведена. С другой стороны, Комиссия, по признанию ее создателей, действует не в качестве самостоятельного центра, а «во взаимодействии с вовлеченными транснациональными властными структурами».

Таким образом, поскольку противоречивость этих тезисов очевидна, то, по-видимому, можно говорить о том, что идет некий отбор различных вариантов дальнейшего развития всей системы глобального управления, элементом которой является КМС. Скорее всего, именно это и будет наиболее близким к истине ответом на поставленные выше риторические вопросы о конечных целях, которые преследуются авторами этого проекта.

В любом случае, из всего рассмотренного видно, чего следует нам ожидать, если сопротивление «глобальному плану», не дай Бог, будет сломлено, и реформа ООН все-таки состоится. Деньги, войска и полицейские, а отнюдь не уровень развития никому, как выясняется, не нужной «демократии» – вот главные критерии допуска к участию в «миростроительстве»*.

Кстати, весьма примечательно, что слово «демократия» ни в одной из установочных резолюций ни Совета Безопасности, ни Генеральной Ассамблеи вообще не упоминается.

Не менее показательно, что в «миростроительство» вовлекаются страны, которые к тому времени уже будут через него пропущены. Это и понятно: в

результате этого в них сформируются и придут к власти компрадорские элиты, отражающие интересы и вовлеченные в планы «своих мерзавцев» – «структур», которые якобы «имеют тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия»⁶ (например, присно памятная Армия освобождения Косова).

Видимо, считается, что такой ресурс расширения проамериканского «агрессивно-послушного большинства» упускать нельзя.

Той же самой цели служит включение в Оргкомитет КМС и соседей «расматриваемой» страны. Их озабоченность складывающейся вблизи их границ ситуацией не только беззастенчиво эксплуатируется, но и служит инструментом экспорта нестабильности уже к ним самим (о чем они, возможно, до определенного момента и не задумываются). А это, в свою очередь, является прологом к дальнейшему расширению масштабов «миростроительства».

Представительство в Оргкомитете КМС территориальных структур ООН уходит корнями в уже упоминавшиеся нами предложения по осуществлению «превентивной дипломатии и посредничества», сформулированные в 2004 г. Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам⁶.

А вот включение в состав Оргкомитета представителей международных финансовых структур, представляющих интересы глобальной олигархии, интересно с двух точек зрения.

Прежде всего, обращает внимание беспрецедентное угодничество авторов ООН-овских резолюций, демонстриру-

* Причем, поскольку мы говорим об осуществляемой в РФ «военной реформе» как способе адаптации российских Вооруженных Сил к участию в миротворческих («миростроительных») операциях США и НАТО, поскольку и преобразование милиции в полицию, видимо, преследует точно такую же цель. Особенно с учетом выявленных потребностей Комиссии ООН по миростроительству в «гражданских полицейских» на территориях стран, подвергающихся «регулированию».

ющих готовность приспособить и адаптировать под интересы «мировых банкиров» даже собственные учредительные документы. Хотя ничего нового здесь, собственно, нет: ведь еще в 1995 г. всю систему межправительственных институтов предлагалось подогнать под сотрудничество с «частными и независимыми группами»¹⁶.

Показателен и резкий контраст между этим заискаванием перед глобальной олигархией и демонстративно уничижительным отношением к «аборигенам», которое выражается пре-небрежительной формулировкой «сотрудничества с национальными или (sic!) переходными (то есть марионеточными – Авт.) властями, где это возможно».

В-пятых, многое в структуре, задачах и методах работы КМС проясняется в установочных документах Фонда миростроительства – докладе Генерального секретаря ООН «Меры по созданию фонда...» и «Круге ведения Фонда...», который является приложением к этому докладу.

Прежде всего, отметим, что «Круг ведения...» проливает свет на инструменты воздействия КМС на внутриполитическую ситуацию в странах, официально не вовлеченных в процесс «миростроительства». Это делается с помощью «Координатора-резидент/Координатора по гуманитарным вопросам», действующего в ранге «Специального представителя Генерального секретаря ООН», который рассматривает вопрос о выделении той или иной стране средств на основании «совместного рассмотрения» этого вопроса с «правительством» данной страны²⁶.

Иначе говоря, исполнительная власть договаривается о внешнем финансировании «миростроительства», то есть о вовлечении своей страны в глобально-управленческие процессы, с должностным лицом ООН, представля-

ющим ее Генсека. Про участие в этом процессе парламента или, не дай Бог, общественности, включая любимое глобалистами «гражданское общество», не сказано ни слова, то есть налицо кулачный механизм – не характер, а именно механизм – принятия важнейших политических решений.

Это или нечто другое понимается под «согласованными приоритетами» деятельности Фонда до конца не ясно, но нетранспарентность ситуации впечатляет.

Однако и это далеко не все.

«Управление (ООН – Авт.) по поддержке миростроительства возглавило усилия по разработке круга ведения, которым следует руководствоваться ...Фонду миростроительства.

Разработка круга ведения велась на основе широких консультаций с организациями и органами системы ООН. ...Были проведены неофициальные консультации с заинтересованными государствами-членами, в том числе с делегациями стран, входящих в КМС...

Фонд миростроительства предназначен для поддержки мероприятий, которые считаются **чрезвычайно важными** для процесса миростроительства. ...Управлять Фондом под руководством Генерального секретаря будет глава Управления по поддержке миростроительства. ...Ключевую координирующую роль в процессе выделения и выплаты средств будет играть глава Управления по поддержке миростроительства...

Как Генеральная Ассамблея, так и КМС призваны играть важную роль в управлении Фондом. Будет назначена **независимая консультативная группа видных деятелей**, имеющих опыт деятельности в области миростроительства, которые будут предоставлять Генеральному секретарю соответствующие рекомендации...»²⁶ (курс. – Авт.).

Поскольку учредителем Фонда является Генсек, а средства, которые Фонд выделяет, следовательно, получа-

ются из бюджета ООН, устанавливается двойная отчетность. Причем право принятия реальных финансовых решений передается главе Управления ООН по поддержке миростроительства. Задокументируем это как реальный механизм влияния этой структуры и этого «главы» (а также тех, кто за ним стоит) на деятельность и Комиссии, и самого Генерального секретаря.

Отдельно выделим «широкие консультации» с «заинтересованными» государствами-членами ООН и самой КМС, в том числе их, опять-таки, «неофициальный» характер. С учетом того, что Фонд финансирует «чрезвычайно важные» мероприятия, угадать наиболее «заинтересованных» анонимов несложно.

Предоставляющая рекомендации «независимая консультативная группа...», как говорит весь предшествующий опыт анализа, скорее всего, является эвфемизмом все тех же «частных и независимых групп» и контролируемых ими ключевых международных финансовых институтов – МВФ и Всемирного банка.

Особо подчеркнем отсутствие в «Круге ведения Фонда...» увязок с другими документами, которые определяют порядок финансирования глобально-управленческих процессов – Монтерейским консенсусом и Дохийской декларацией. Следовательно, Фонд миростроительства является институтом целевого финансирования КМС, которое осуществляется отдельно от других институтов глобального управления.

И, наконец, в-шестых, выделим и жирно подчеркнем, причем, сделаем это еще раз! «Постконфликтное миростроительство и восстановление в странах, выходящих из конфликта» и все соответствующие «рекомендации» и «комплексные стратегии» выстроены на незыблемом для адептов «глобаль-

ного плана» фундаменте «устойчивого развития». Из этого следует, что «устойчивое развитие» является стержневой идеологемой, с помощью которой глобальное управление из сферы экологии и экономики распространяется в сферу политики и геополитики, становясь инструментом глобальной геостратегической экспансии вооруженного неофашистскими и неонацистскими идеями Запада против остального человечества.

О «необходимости обеспечения перехода от поддержки миростроительства к устойчивому развитию» говорится и в учредительном документе Фонда миростроительства²⁶.

А чего же вы хотели: «*The West and the Rest!*» Хантингтон умер, но его формула, являющаяся наиболее впечатляющей, после «*Mein Kampf*», демонстрацией западной «толерантности», благополучно пережила своего автора и выглядит сегодня «живее всех живых».

Теперь посмотрим, как именно осуществляется внедрение «устойчивого развития» в политику «миростроительства», которое авторами рассматриваемого материала именуется «широким взаимодействием» в политической и гуманистической сферах, в области развития и безопасности:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности),...

...признавая, что (устойчивое – Авт.) **развитие, мир и безопасность и права человека взаимосвязаны и подкрепляют друг друга;**

признавая необходимость **специального организационного механизма** по удовлетворению особых потребностей стран, которые выходят из конфликта и становятся на путь восстановления, реинтеграции и реконструкции, и оказывая им помочь в закладывании основ **устойчивого развития**;

...17. подчеркивая также, что рекомендации Комиссии ...будут иметь особое

значение для ЭКОСОС, учитывая его роль как главного органа для координации, обзора **политики, обсуждения политики и выработки рекомендаций** по вопросам экономического и социального развития;

...22. рекомендуем также Комиссии прекращать свое рассмотрение положения в конкретной стране, когда там созданы основы для устойчивого мира и развития или по просьбе национальных властей рассматриваемой страны»²¹ (курс. – Авт.).

Здесь, на наш взгляд, требуют внимания две вещи.

Первая из них – привязка к Комиссии ЭКОСОС, который, как помним, одновременно является как исполнительным («главным экологическим») органом ПРООН, так и куратором межправительственной Комиссии ООН по устойчивому развитию. Из этого следует, что «устойчивое развитие» официально распространяют на всю гуманитарную проблематику, в том числе находящуюся в ведении ПРООН, публикующей ежегодные «индексы человеческого развития».

Второй момент: не должно вводить в заблуждение положение обеих резолюций о прекращении работы КМС «по просьбе национальных властей рассматриваемой страны». Прежде всего важно, что фактически обратиться с такой просьбой могут не любые власти, а только сформированные в процессе «миростроительства» и потому полностью лояльные КМС. Кроме того, в разъяснениях самой Комиссии указывается, что ее «взаимодействие с подобными странами» будет осуществляться до тех пор, пока «риск возобновления конфликта» (то есть восстановления суверенитета) не будет минимизирован.

Ряд любопытных соображений, на которых, на наш взгляд, следует остановиться, выявляется по ежегодным Докладам о работе Комиссии (за 2007–2009 гг.). В целом, их можно сгруппи-

ровать по трем основным темам: круг международных контактов и стратегия Комиссии; деятельность ее Рабочей группы по обобщению извлеченных уроков (здесь достаточно интересна проблематика, выносимая на официальные и неофициальные заседания Группы); состав Оргкомитета, динамика и особенности его изменений.

Прежде всего об основных направлениях работы КМС, первый и единственный раз появившихся в отчетном докладе за 2007 г. в разделе «В», посвященном работе «Структур КМС по конкретным странам» – Бурунди и Сьерра-Леоне.

Если суммировать выделенные в данном документе и «согласованные с правительствами» этих стран «приоритеты» (помимо таких «сквозных тем», как «обеспечение гендерного равенства и соблюдение прав человека»), то вырисовываются следующие направления деятельности КМС:

- содействие надлежащему управлению и укрепление демократии;
- укрепление законности и реформа «секторов» правосудия и безопасности;
- преодоление безработицы в среде молодежи;
- создание потенциала (то есть подготовка кадров, которые, с учетом содействия международных институтов в их подготовке, сохранят к «внешнему управлению» максимальную лояльность – Авт.);

– обеспечение возрождения общин²⁷ (напомним, что в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1997 г. по «Повестке дня на XXI век» Комиссии ООН по устойчивому развитию вменялось в обязанность расширение взаимодействия с представителями основных групп «глобального гражданского общества», в том числе с «коренным населением и его общинами»²⁸).

Теперь – круг международных контактов КМС и интересующих ее руково-

водство тем для обсуждения в этом кругу:

«...Оргкомитет принял 16 мая 2007 года решение направить **МВФ, Всемирному банку, Европейскому сообществу** (представленному председательствующим в Совете ЕС и Европейской экономической комиссии – Авт.) и **Организации Исламская конференция** постоянные приглашения участвовать во всех заседаниях Комиссии, за исключением некоторых заседаний Оргкомитета, которые могут быть определены... как ограничивающиеся только участием государств-членов»²⁷.

«...19 декабря 2007 года Оргкомитет договорился о механизме участия **Европейского сообщества** ...в заседаниях структур Комиссии по конкретным странам.

...19 февраля 2008 года Оргкомитет провел обсуждение на тему: «Роль частного сектора в миростроительстве: вклад КМС». Представители **ПРООН, Международной финансовой корпорации Всемирного банка и Фонда международного партнерства ООН** были приглашены для участия, и им были предложены области возможного партнерства между их ...организациями и Комиссией в интересах поощрения участия внутригосударственного и международного частного сектора в миростроительстве...

...13 мая 2008 года Оргкомитет провел обсуждение на тему (sic!): «Обеспечение стратегического синергизма* в интересах миростроительства: роль КМС», в ходе которого **Постоянный представитель США (!) при ООН** и заместитель Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира изложили свои взгляды на эту тему...

...19 июня 2008 года по приглашению Оргкомитета Ж.Чиссамо, представитель **Форума бывших африканских глав государств и правительств** (Африканский

форум) проинформировал Комитет по теме: «Миростроительство в целях создания государств, обладающих потенциалом, в Африке»²⁹ (курс. – Авт.).

«...25 августа 2008 года Председатель КМС ...выступил с докладом по теме «Миростроительство в Африке» на **Европейском форуме**... 10 сентября (здесь и далее 2008 г. – Авт.) – ...принял участие в дискуссии по теме «Ликвидация пробелов на раннем этапе восстановления: концепция КМС, касающаяся последующих мер» ...которая была организована ...ООН и **Фондом Ф.Эберта** в Нью-Йорке. ...18 ноября Председатель выступил на неофициальной встрече..., посвященной обсуждению работы **Семинара экспертов ООН** по критериям в области укрепления мира. 24 ноября – ...с докладом в **Университете мира в Коста-Рике**. 12 декабря – ...на открытии конференции по теме «СМИ и связи в процессе миростроительства»...

...18 марта 2009 года Оргкомитет провел интерактивный диалог с представителями **Европейского сообщества, МВФ и Всемирного банка** по вопросу о влиянии глобального экономического и финансового кризиса на страны, выходящие из конфликта...

...24 марта 2009 года в ходе визита в штаб-квартиры **МВФ и Всемирного банка** в Вашингтоне..., была подтверждена острая заинтересованность Комиссии в постоянном укреплении развивающихся партнерских отношений...

...27 и 28 марта 2009 года Председатель принял участие в **саммите прогрессивных лидеров** в Чили. Кроме того, он участвовал в серии научных семинаров и встреч в целях расширения осведомленности о работе Комиссии. («...О законности», «Миростроительство: роль диаспор» и т.д.); шестая встреча **Друзей по вопросам**

* Речь здесь идет о возведении в стратегию так называемой «синергетической теории глобализации», предполагающей, если не углубляться в детали, продвижение глобализации за счет смены фаз социального порядка и социального хаоса. Некоторые западные специалисты, например С.Манн из Института сложности (Санта-Фе, США), перешедший на работу в Государственный департамент США, как помним, предлагают сделать этот процесс необратимым и управляемым, направив его на достижение американского глобального господства.

сам безопасности человека; неофициальная выездная встреча **Фонда Стэнли** по теме «Миростроительство в постконфликтный период»...

...В дополнение и в качестве элемента стратегии Комиссии, направленной на более устойчивое распространение ее деятельности, на региональные организации, Председатель посетил штаб-квартиру **Организации американских государств** в Вашингтоне..., и встретился с ее генеральным секретарем.

...Председатель встретился с руководителем Отделения связи **Африканского союза** при ООН...

4 и 5 мая 2009 года Председатель посетил штаб-квартиры **Европейской комиссии и ЕС в Брюсселе**, где он обменялся мнениями со старшими должностными лицами этих организаций и выступил в поддержку постоянного участия Европейского сообщества в работе КМС...

...19 июня (2009 г. – Авт.) под руководством Председателя состоялось заседание группы экспертов по теме «Миростроительство в постконфликтный период» в ходе ежегодного мероприятия **«Специальные представители Генерального секретаря (ООН – Авт.) и государственных членов: на пути к интерактивному диалогу»**³⁰ (курс. – Авт.).

Итак, мы видим, что круг интересующих Комиссию вопросов и контактов никак не замыкается «рассматриваемыми» африканскими странами. Да и ответное стремление к взаимодействию с ней самого широкого круга учреждений, организаций и отдельных государств, из которых особо выделяются МВФ, Всемирный банк, США, ЕС и другие европейские структуры, а также работающие на глобальную олигархию «фонды и мозговые тресты», подтверждает высочайший статус КМС в системе глобальных институтов. Этот вывод наглядно иллюстрируется следующей выдержкой из отчетного доклада Комиссии за 2008 г.:

«Оргкомитет выработал общее понимание в отношении того, что неофициаль-

ные обсуждения вопросов стратегии и политики должны дополнять, а не дублировать работу структур по конкретным странам и Рабочей группы по обобщению извлеченных уроков, и что они будут приводить к результатам, которыми можно будет делиться с **более широким сообществом субъектов и заинтересованных сторон** в области миростроительства в рамках и за пределами ООН и которые могут быть полезными для них»²⁹ (курс. – Авт.)

«Полезными» для «заинтересованных сторон» «в рамках и за пределами ООН», как выясняется на примере деятельности Рабочей группы КМС по обобщению извлеченных уроков, являются результаты обсуждения следующих вопросов, рассмотренных этой группой в 2006–2009 гг.:

«...а) Уменьшение рисков и укрепление доверия в преддверие постконфликтных выборов; б) Установление постконфликтных рамок сотрудничества; с) Использование региональных подходов к миростроительству»²⁷ (курс. – Авт.).

Приведем наиболее известные нам примеры «постконфликтных выборов», скажем, на постсоветском пространстве, «извлеченные уроки» которых «обобщает» «Рабочая группа». Ясно, что наиболее ярко направленность этого «извлечения уроков» иллюстрируют выборы, прошедшие после «оранжевых» революций 2003–2004 гг. в Грузии и на Украине (тем более, что к Грузии у нас еще будет повод вернуться). Известно, что «сотрудничество» в этих случаях было установлено на условиях сдачи и унижения законной власти, а «региональные подходы» демонстрировались наплывом участников «интерактивного диалога» в лице представителей США, НАТО, ЕС и ОБСЕ.

«...а) Разработка и мониторинг стратегических рамок миростроительства; б) Ограничения, налагаемые на бюджетно-налоговый потенциал в постконфликтных странах; с)

Проблемы в области местного управления и децентрализации в послевоенных условиях; d) Возможности для расширения участия женщин в миростроительстве; e) Поощрение правосудия в периоды перехода; f) Опасности, связанные с неспособностью внутреннего перемещения в послевоенных условиях; g) взаимозависимости между окружающей средой, природными ресурсами, конфликтом и миростроительством»²⁹ (курс. – Авт.).

Движемся по порядку.

Фиксация внимания «Рабочей группы по обобщению...» на «стратегических рамках миростроительства» явно выводит данный процесс за рамки Африки. «Децентрализация», рассматриваемая применительно к «местному самоуправлению», на наш взгляд, является индикатором привязки этой темы к «глобализации». Пропаганда «расширения участия женщин в миростроительстве» (как, собственно, везде и всюду), как уже отмечали, указывает на то, что частью «глобального плана» является разрушение семьи как базового, основного традиционного общественного института.

«Поощрение правосудия» напрямую апеллирует к упоминавшейся нами «реформе сектора правосудия и безопасности» как одному из главных, причем четко артикулированных направлений деятельности КМС. Признание же наличия «взаимозависимости между окружающей средой, природными ресурсами, конфликтом и миростроительством» дополнительных комментариев не требует, ибо данный вопрос нами последовательно освещался на всем протяжении статьи.

«...а) Роль ООН в оказании помощи в области законности; б) Региональные подходы к процессу разоружения, демобилизации и реинтеграции в районе Великих озер Африки; с) Создание национального потенциала в постконфликтный период; д) Координация КМС с региональ-

ными и субрегиональными организациями; е) Прочная реинтеграция на общем уровне в постконфликтных ситуациях»³⁰ (курс. – Авт.).

«Помощь в области законности» можно рассматривать в нескольких аспектах: в качестве внешнего управления процессами упоминаемой «реформы сектора правосудия и безопасности» в виде участия в процессе «миростроительства» наряду с иностранными войсками, иностранных полицейских миссий (о чем применительно к документам КМС говорилось выше) и т.д. «Региональные подходы» в африканских делах благополучно сочетаются с общими, фундаментальными вопросами – «координацией КМС с региональными и субрегиональными организациями» – теми же НАТО, ЕС, ОБСЕ. Таким именно образом это осуществляется – известно на примере многострадальной Югославии и особенно Сербии. Так, несмотря на то, что в составе КМС формально отсутствовала (и отсутствует) «Структура по Косово», этот конфликт носил ярко выраженный «миростроительный» характер, то есть был грамотно подготовлен, спровоцирован и, наконец, «урегулирован» с помощью сил НАТО.

Что касается «национального потенциала» и «реинтеграции на общем уровне», то эти положения явно перекочевали в перечень «обобщенных уроков» из практики Сьерра-Леоне и Бурунди. Видимо стоящие за Комиссией глобальные олигархи решили, что настала пора включить эти приемы «вовлечения» стран и народов в «Новый мировой порядок» в «сокровищницу передового опыта» глобализации.

Как видим, и в деятельности Рабочей группы КМС общие, глобальные вопросы явно доминируют над частными, непосредственно касающимися «рассматриваемых» стран.

Какое отношение все это имеет к России и постсоветскому пространству в целом? Обратим внимание на одну интереснейшую деталь. А именно: динамику изменений состава Оргкомитета КМС, в члены которого с 23 июня 2007 г. была включена Грузия. В настоящее время она является единственной входящей в него республикой бывшего СССР, помимо Российской Федерации, пребывающей в Оргкомитете КМС бессменно и постоянно – в связи с наличием у нее статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Два главных и, разумеется, риторических вопроса, возникающих в связи с этим обстоятельством, звучат следующим образом: кто позаботился о включении официального Тбилиси в Оргкомитет²⁹ за год до агрессии против Южной Осетии, совершенной в дату, провозглашенную Декларацией тысячелетия днем «олимпийского перемирия»? И кто пролонгировал участие представленной режимом Саакашвили Грузии в составе Оргкомитета КМС на 2009–2010 гг.³⁰, несмотря на совершенные этим режимом военные преступления против югоосетинского народа?

Складывается четкое впечатление, что у истоков этой спецоперации по включению Грузии в руководящий орган Комиссии находились как раз те силы, которые планировали, а затем и всячески прикрывали эту грандиозную военную провокацию.

Таким образом, приходит понимание, что в августе 2008 г. в окрестностях Цхинвала был поставлен и решался вопрос о «десантировании» КМС на постсоветское пространство. И что лишь решительные и предельно жесткие действия России по разгрому вторгшейся в Южную Осетию грузинской группировки смогли помешать реализации этого губительного для нашей страны сценария.

Но если неприкрытую военную агрессию кто-то считает приемлемым методом «миростроительства» на постсоветском пространстве, то, стало быть, где и когда нам ожидать следующей локальной войны – в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане и т.д.?

И, наконец, можно ли после этого сомневаться в том, что Комиссия ООН по миростроительству является продуктом куда более глубокого общефилософского замысла? Или в том, что ее появление связано с планами намного более серьезной трансформации мирового порядка, нежели прекращение кровопролития в ряде африканских стран, которые, как мы уже отмечали, до поры – до времени выполняют для КМС роль «учебного полигона»?

Учитывая известные различия между английскими терминами «peace» и «world», в отличие от общего для них русского термина «мир», вполне правомочным, на наш взгляд, выглядит символическое переименование *«The UN Peacebuilding Commission»* (официальное название КМС) в *«The UN Worldbuilding Commission»*.

Таким образом, ООН-овский статус Комиссии по миростроительству, состав ее партнеров, официальные документы, а также продемонстрированные за пять лет особенности форм и методов работы позволяют рассматривать этот новый орган важнейшим инструментом глобального управления.

Понятны и основные подходы Комиссии к решению глобальных проблем, которые сводятся к поиску путей реализации «глобального плана» Римского клуба, и методы работы, основанные на положениях доклада «Более безопасный мир...» Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам (2004 г.).

За основу деятельности КМС, как следует из проведенного анализа, взята четырехзвенная формула колективной

безопасности «предотвращение – предвентивность – применение силы – миростроительство», включающая, в том числе, планирование и провоцирование внутренних конфликтов, военное и гуманитарное вмешательство в них, пропуск «рассматриваемой» страны через процедуру «миростроительства» с заменой собственной цивилизационной ценностной системы глобализированной «универсальной», а суверенной элиты – ее компрадорским, коррумпированным суррогатом. Все это – с последующим «вовлечением» этой страны в процесс глобализации, которое осуществляется институтами и структурами глобального управления.

Еще одна важная, на наш взгляд, мысль. КМС последовательно связана, то есть имеет надежные каналы взаимодействия со всеми основными институтами всех семи уровней глобального управления.

Глобальная элита, собранная в Королевском институте международных отношений (КИМО), Совете по международным отношениям (СМО), Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии, которые составляют первые три уровня, по-видимому, находится с Комиссией по миростроительству в системе отношений «начальник – подчи-

ненный». Или «заказчик – исполнитель», то есть задает правила игры.

Для четвертого уровня, представленного системой ООН, КМС – часть собственной структуры, тесно связанная с Секретариатом этой Организации через входящее в него Управление по поддержке миростроительства.

Пятый уровень – региональные организации, прежде всего НАТО, Европейский союз и ОБСЕ, объединены с КМС идеологией миротворчества и системой миротворческих миссий.

Шестой уровень – Социнтерн – ближайший институциональный партнер и идеологический единомышленник ООН; в структуре Интернационала действует Комиссия по устойчивому обществу. Идеологема «устойчивого развития», превращенная с помощью Социнтерна в базовую для входящих в него социал-демократических и социалистических партий, как следует из учредительных документов КМС, составляет основу ее деятельности по преобразованию мирового порядка. Наконец, структуры «гражданского общества», НПО и частный сектор, как мы убедились, для Комиссии также не только не чужды, но и приглашены к участию в ее работе.

Подведем краткий итог.

Торможение планов реформирования ООН, превратившихся в главное поле битвы между сторонниками и противниками «Нового мирового порядка», разворачивает реализацию «глобального плана» Римского клуба в трех основных направлениях.

Первым из них видится активизация попыток воздействия на внутриполитическую ситуацию в государствах, являющихся геополитическими противниками Запада, – в Китае и особенно в России. Очевидно, что для этого постараются максимально использовать предстоящую в 2012 г. ротацию властной элиты в КНР и избирательный цикл 2011–2012 гг. в Российской Федерации. Как именно это будет происходить (и уже происходит) – отдельная тема.

Второе направление – традиционная geopolitика, связанная с принятием в ноябре 2010 г. новой, третьей по счету Стратегической концепции НАТО. Этот вопрос, также имеющий самостоятельное значение, подробно раскрыт в неоднократно упоминавшейся книге В.В.Штоля «Армия нового мирового порядка».

Частью геополитики является геоэкономика; борьба здесь сводится к конкуренции и столкновениям за контроль над природными ресурсами. Как именно это делается, каким образом, с помощью каких социальных и политических технологий «глобальное общее достояние» расширяется до масштабов всех «ресурсов Земли», нами рассмотрено весьма подробно.

Именно в геоэкономике, а, точнее, в предпринимающихся Западом настойчивых попытках подменить ею геополитику, представив последнюю «устаревшей», «неадекватной» глобализирующему миру и т.д., проявляется стремление к переносу основной активности глобально-управленческих институтов и структур на третье направление реализации «глобального плана» бывшего Римского клуба. Его составляет эксплуатация и управление кризисными тенденциями, которые в настоящее время наиболее активно проявляют себя в экологии, экономике и мировых финансах, социальной сфере. Однако с помощью концепции «устойчивого развития» – этой базовой идеологемы «Нового мирового порядка», глобальное управление последовательно расширяет сферу своего влияния, постепенно и без лишнего шума втягивая в нее все глобальные процессы, в том числе политические и геополитические.

Данные тенденции развивались давно, но приоткрылись только с разрушением СССР, после которого приобрели невиданную до этого динамику, связанную с расширением НАТО, развитием миротворчества и другими процессами, которые все более настойчиво увязываются с постоянно возобновляемыми планами реформирования ООН. Продельвается все это, разумеется, исключительно под позитивными, гуманистическими, но при этом демагогическими лозунгами «борьбы с бедностью и нищетой», которые олицетворяются лицемерной ООН-овской формулой «Мы, народы...».

На «далких подступах» к достижению этой цели олигархическими «частными и независимыми группами», составляющими ядро реальной политической власти в ангlosаксонском центре доминирующей западной цивилизации, взята на вооружение тактика постоянного создания и совершенствования неких новых структур, позиционирующих себя в качестве настоящей или, чаще, будущей альтернативы ООН и ее Совету Безопасности. Делается это с прямого одобрения самого руководства этой Организации, а также составляющей ее аппарат многочисленной космополитической бюрократии.

Ряд внутренних пертурбаций, вызванных до конца не выясненными причинами, привел к замене первоначально осуществлявшегося проекта, видевшего главным таким органом Совет экономической безопасности ООН, другим проектом. Созданная на его основе Комиссия ООН по миростроительству пока не претендует на реальную альтернативность Совбезу ООН, но стремительно набирает вес и авторитет, «тренируется», отрабатывает и «шлифует мастерство» в реализации поставленных перед ней амбициозных задач на наиболее бесправных и обездоленных странах Африки.

Очевидно, что выход ее с мировой периферии в геополитический центр, ассоциируемый всеми традиционными школами мировой геополитики с евразийским «Хартлендом», то есть с Россией, является лишь вопросом времени. (Первая попытка уже осуществлена в августе 2008 г. в Южной Осетии).

Ибо концепция «миростроительства», представляющая собой – повторим это еще раз – инструмент реализации планов «устойчивого развития» в сфере геостратегии, явно ориентирована на заданное и управляемое разрешение многочисленных кон-

фликтов как уже существующих, в частности на постсоветском пространстве, так и потенциальных, «очаги» которых небезуспешно создаются с помощью другой глобально-управленческой концепции «еврорегионов». Представляя собой базовую стратегию ключевых европейских институтов, включая Европейский союз и Совет Европы, данная концепция подготавливает переход от первого этапа «глобализации» – разрушения крупных многонациональных государств, ко второму – объединению того, что от них осталось (и останется) в новую глобальную империю.

Предупреждением человечеству служит то обстоятельство, что в основу этого процесса положен базовый принцип замены естественного развития всемирно-исторического процесса его управляемым в определенных интересах паллиативом. Сформулированный еще в 1937 г. Гитлером и поддержанный его британским партнером по организации Мюнхенского сговора лордом Галифаксом, этот принцип в дословной интерпретации «фюрера» нацистского Третьего рейха звучит как замена «игры свободных сил» «господством высшего разума».

Примечательно, что и концепция «еврорегионов», представляющая собой следующий этап господства этого «высшего разума» применительно к Европе, уходит корнями в документ Верховного командования СС «Идея мира для новой Европы 1944/45», выдвинувший план трансформации Вестфальской системы в «Европейскую социалистическую конфедерацию».

Многое из сказанного в этой статье и изложенного в готовящейся к выпуску авторской монографии, свидетельствует о том, что современный Запад, прежде всего его ангlosаксонский центр, все более активно и последовательно движется к превращению в исторического наследника нацистского Третьего рейха. Покушаясь при этом на основы истории человечества, переписывая и трактуя их исключительно в собственных цивилизационных интересах.

Глобальный фашизм – подлинный «конец истории», в который Запад стремительно втягивает человечество, представляет собой следующий этап эволюции прозорливо предсказанного К. Каутским еще на заре XX в. «глобального империализма» – системы монопольной власти, перестроенной по принципу частной корпорации. Именно об этом говорил на рубеже XX–XXI вв. Д. Рокфеллер – одна из наиболее могущественных и зловещих фигур мировой истории и политики.

Как потенциальный инструмент «глобального фашизма», элиты современного Запада не только представляют собой смертельную угрозу для нашей страны. Но и являются подлинным «врагом всего рода человеческого».

Будем бдительны!

Примечания

¹ Павленко В.Б. Миры «устойчивого развития»: глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот // Обозреватель–Observer. 2011 №. 1.

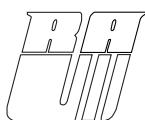
² Документ ООН A/59/565, С. 65,пп. 183–184, С. 66; п. 195, С. 168;пп. 207–208, С. 71;пп. 190, С. 67; п. 197–198, С. 68–69;пп. 211–213, С. 72; п. 220, С. 74; п. 216, С. 73, п. 219, 74;пп. 224–226, С. 75–76; п. 227, С. 76;пп. 229–230, С. 77; п. 207, С. 71; п. 216, С. 73; п. 219, С. 74; п. 220, С. 74; п. 273, С. 89.

³ Документ ООН, A/RES/60/1, ст. 22, ч. d; Документ ООН A/65/L.1, п. 37, С. 10.

⁴ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>.

⁵ Павленко В.Б. Миры «устойчивого развития»: глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот // Обозреватель–Observer. 2010 №. 11.

- ⁶ Документ ООН A/247/77, п. 55, С. 17;пп. 10–103, С. 44–45.
- ⁷ Документ ООН A/RES/55/2, гл. II, С. 2–3.
- ⁸ Цели развития тысячелетия // <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- ⁹ Документ ООН A/65/L.1, п. 21, С. 5.
- ¹⁰ Документ ООН A/RES/60/1, гл. III, С. 3–4; С. 1–2; С. 26.
- ¹¹ Цель развития тысячелетия 8. Глобальное партнерство в целях развития на решающем этапе. Доклад Целевой группы об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, 2010 г. // mdgreport2010.pdf, С. 1.
- ¹² Документ ООН A/CONF.198/11, ст. 69, п.с., С. 21; С. 20–21.
- ¹³ Документ ООН A/CONF.199/20,пп. 139–140, С. 79–80.
- ¹⁴ Устав ООН. Ст. 1, 2, 39, 41, 42, 45, 51, 52 // Антология мировой политической мысли / Семигин Г.Ю. – ред. В 5-ти томах / М., 1997. Т. V. С. 344–345, 354–355, 356–358.
- ¹⁵ Архив полковника Хаяса / Уткин А.И. – ред. В 2-х томах. М., 2004. Т. I. С. 211.
- ¹⁶ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 70–71, 342–343, 19, 22, 161–162.
- ¹⁷ Штолль В.В. Армия нового мирового порядка. М., 2010. С. 212.
- ¹⁸ Комиссия ООН по миростроительству // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding>.
- ¹⁹ Комиссия ООН по миростроительству. Вопросы и ответы // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/qanda.shtml>.
- ²⁰ Lyne R., Talbott S., Watanabe K. Engaging with Russia. The next Phase. A Report to The Trilateral Comission. Washington – Paris – Tokio, 2006. // Engaging_With_Russia.pdf.
- ²¹ Документы ООН A/RES/60/180 (30 декабря 2005 г.) и S/RES/1645 (20 декабря 2005 г.).
- ²² <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/partners.shtml>.
- ²³ <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/membership.shtml>.
- ²⁴ Временные правила процедуры Комиссии по миростроительству, утвержденные Организационным комитетом на его 1-м заседании 23 июня 2006 г. // Документ ООН РВС/1/OC/3, правило 4, п. б, С. 2; правила 1 и 5, С. 1, 3.
- ²⁵ Документы ООН A/RES/60/180 (30 декабря 2005 г.) и S/RES/1645 (20 декабря 2005 г.).
- ²⁶ Документ ООН A/60/984. Приложение. п. 1.2, С. 4; С. 1–3; п. 2.2., С. 5.
- ²⁷ Документ ООН A/62/137-S/2007/458, п. 13, 21; С. 8–9, 11–13; п. 8, С. 7; п. 26, С. 14.
- ²⁸ Документ ООН A/RES/S-19/2,пп. 133.
- ²⁹ Документ ООН A/63/92-S/2008/417,пп. 19–21, 23, С. 5–6; п. 18, С. 5; п. 57, С. 14; Приложение III (Членский состав Организационного комитета..., 23 июня 2007 г. – 22 июня 2008 г.).
- ³⁰ Документ ООН A/64/341-S/2009/444, пп. 13–14, 20–25, С. 3–5.; п. 64, С. 15; Приложение III (Членский состав Организационного комитета..., 1 января 2009 г. – 31 декабря 2010 г.).

БОЗРЕВАТЕЛЬ **OBSERVER** <http://www.rau.su>
E-mail:observer@ru.ru

Гражданская полиция ООН

Актуальные аспекты миротворческой деятельности

Сергей Тишков

Опыт миротворческой деятельности ООН показал, что применение вооруженных миротворческих сил является достаточно эффективным лишь для прекращения широкомасштабных военных действий. В современном динамично изменяющемся мире ООН не только участвует в урегулировании текущих конфликтов, но и активно вовлечена в восстановление постконфликтных обществ. Для повышения эффективности миротворчества ООН изменила сам дух и смысл миротворческих операций, превратив их из военных в комплексные миростроительные и гуманитарные акции. Поэтому задача современных миротворческих операций ООН не только развести конфликтующие стороны, но и обеспечить безопасность, помочь в восстановлении законного порядка, гражданского и хозяйственного управления.

Выполнение такой задачи осложнено тем, что после прекращения конфликта основные политические и государственные институты постконфликтного общества находятся в состоянии упадка или в процессе формирования. Государственные полицейские силы, если они вообще существуют, могут быть парализованы действиями нелегальных структур, «де-факто» присваивающих полномочия полиции и влияющих на политическую и экономическую ситуацию в регионе.

В этих условиях выполнение принятых решений и утвержденных Советом Безопасности ООН мандатов напрямую зависит от согласованных действий представителей гражданского, военного и полицейского компонентов современных многокомпонентных (*multidimensional*) миротворческих миссий ООН.

ТИШКОВ Сергей Александрович – УВД по Орловской области, заместитель начальника ЭКЦ, полковник милиции. E-mail: stishkov@list.ru

Ключевые слова: ООН, миротворчество, миростроительство, гражданская полиция.

Роль гражданской полиции ООН в современном миротворчестве

Доктрина и функции гражданской полиции ООН (*civilian police – ГП ООН*)* существенно изменились в ходе эволюции миротворчества в соответствии с предложениями, изложенными в «докладе Брахими», и решениями, закрепленными в Итоговом документе Всемирного саммита-2005. В текущих многокомпонентных операциях ООН сотрудники гражданской полиции работают в тесном контакте с представителями военного компонента и сотрудниками сегментов гражданского компонента, занимающимися вопросами соблюдения прав человека, защиты уязвимых групп населения, ресоциализации бывших комбатантов. При этом в зависимости от мандата и условий проведения миссии приоритет взаимодействия может быть направлен на решение военно-полицейских или гражданских задач.

Роль гражданской полиции ООН модифицировалась от простого мониторинга и консультирования местной полиции к реформированию и реструктуризации местных правоохранительных институтов, не исключая традиционных задач по подготовке и обучению полицейского персонала. ГП ООН участвует в развитии правового потенциала местной полиции в соответствии с международными стандартами и принципами демократической полицейской деятельности, разработке стандартов поведения и прохождения службы местными полицейскими, закрепляемых в формах наставлений и уставов. Сотрудники полиции ООН вырабатывают требования к кандида-

там на службу в полиции, участвуют в их регистрации и всесторонней проверке. Полицейские ООН наравне с военнослужащими участвуют в проведении программ разоружения, демилитаризации и реинтеграции бывших комбатантов в гражданскую жизнь, возвращения беженцев и перемещенных лиц.

При этом привлечение полицейских ООН к охране пунктов демобилизации или лагерей перемещенных лиц, контролю распределения гуманитарной помощи или сопровождению конвоев беженцев в большей степени создает у населения ощущение возвращения к мирной жизни, чем применение военных подразделений. ГП ООН вносит существенный вклад в проведение программ по защите уязвимых групп населения, теснейшим образом связанных с обеспечением соблюдения прав человека. Сотрудники полиции ООН контролируют соблюдение прав женщин, детей, инвалидов при расследовании и рассмотрении уголовных дел судом, а также в условиях пенитенциарной системы.

Продолжает развиваться тенденция более активного использования регулярных полицейских подразделений (*formed police units*) стран-участниц для решения задач обеспечения безопасности и соблюдения прав человека в постконфликтный период, когда применение военной силы может быть слишком грубым и дорогостоящим инструментом.

Расширение решаемых задач привело к увеличению численности полицейского персонала ООН.

* Термин «гражданская полиция ООН» введен в оборот во время операции ООН на Кипре в 1964 г. В официальных документах и публицистической литературе так же используются термины «полиция ООН» или «международные полицейские силы».

Начиная с 2005 г., ООН направила в миссии по всему миру 6100 полицейских, при этом до 3400 полицейских участвовало в операциях региональных организаций и союзов¹.

В августе 2006 г. СБ ООН утвердил две новые миссии с существенным полицейским компонентом: численность международных полицейских для Тимора-Лешти составила 1608 чел., а лимит полицейского компонента Миссии ООН в Дарфуре составил 3300 сотрудников гражданской полиции и 16 регулярных полицейских подразделений численностью до 140 чел. каждый².

Мандаты данных миссий окончательно утвердили экспансию гражданской полиции ООН от Балкан, где они широко применялись на рубеже столетий, в Африку и регионы Тихого океана.

Мандаты современных многокомпонентных миротворческих миссий ООН имеют двойной фокус на обеспечение безопасности и соблюдение прав человека, что приводит к передаче ведущей роли от военных миротворческих сил к гражданским и полицейским компонентам. Это подтверждается по-

степенным объединением тенденции широкомасштабного использования полиции и других невоенных акторов для обеспечения общественной безопасности с концепцией «ответственности по защите мирного населения» (*responsibility to protect*), предварительно рассматриваемой как реакция на массовые и систематические нарушения прав человека.

Возрастающая роль гражданской полиции в осуществлении мандатов многокомпонентных миротворческих миссий ООН заключается не в количестве* или силе полицейского компонента, а в высоком качественном уровне содействия разрешению конфликтных ситуаций, которое нередко называют «умным» (*smart*) присутствием в зоне конфликта. В качестве дополнительных факторов можно рассматривать и значительный опыт ООН в применении полицейских сил, професионализм международных полицейских, а также высокий уровень управляемости и мобильности полицейского компонента.

Задачи гражданской полиции ООН

Опыт миротворческих операций ООН показал, что в силу специфики своей деятельности силы ГП ООН наиболее востребованы на этапах предотвращения конфликтов и постконфликтного миростроительства. В зависимости от мандата операции задачи полиции ООН можно разделить на три категории: наблюдательные, правопримениительные и содействие в выполнении всеобъемлющих мирных соглашений.

Рассмотрим задачи и относительные преимущества применения ГП ООН в зависимости от политических

целей, этапа и условий проведения миротворческих операций.

Наблюдательные миссии являлись наиболее распространенной формой миротворческих операций второй половины XX в.

В ходе операций данного типа полицейские ООН осуществляли мониторинг исполнения правовых норм в борьбе с преступностью местными правоохранительными органами, консультировали и обучали местную полицию современным методам работы в соответствии с мировыми стандартами.

* По состоянию на 30 апреля 2010 г., общая численность полицейских ООН в текущих операциях по поддержанию мира составила 13221 чел.³.

При выполнении задач Сил превентивного развертывания ООН в Бывшей Югославской Республике Македония (БЮРМ) мандат полицейского контингента предусматривал мониторинг и информирование Совета Безопасности ООН о событиях на границе с Социалистической Республикой Югославия и Албанией, могущих подорвать режим доверия и стабильности или угрожать территории БЮРМ. Задачей полицейских ООН было докладывать о фактах контрабанды оружия, наркотиков и различных товаров, нелегальной миграции. Выполнению данных задач способствовали мобильность полицейских патрулей, их постоянные контакты с населением, обусловленные спецификой работы и условиями проживания. Вывод миссии ООН с территории БЮРМ, свернутой по инициативе Китая (февраль 1999 г.), не привел к разрешению имеющегося конфликта, а способствовал большему углублению противоречий. Несмотря на присутствие расквартированных сил НАТО в 2004 г. на территории БЮРМ, прилегающей к Албании и Косово (Тетово, Куманово), вновь активизировалась деятельность незаконных формирований, приведшая к этническим столкновениям.

Превентивный потенциал ГП ООН по мониторингу соблюдения законности и обеспечения прав человека на предконфликтной стадии заслуживает особого внимания.

Это связано с тем, что в условиях назревающего конфликта местные полицейские силы широко вовлечены в борьбу с незаконными формированиями, антитеррористические и контрпартизанские операции. Часто они являются основными ударными подразделениями, как это было, например, в Сербской Краине в 1992–1995 гг. и в Косово в 1998–1999 гг. В таких операциях имеется реальная опасность нарушений прав человека и законов, которые могут привести к серьезным осложнениям политической обстановки и послужить причиной активизации конфликта или поводом для интервенции.

Поэтому в ходе превентивных миротворческих операций в зонах конфликтов целесообразно проводить мониторинг деятельности национальных полицейских сил с помощью полиции ООН.

Нельзя не учитывать возможность использования ГП ООН при прогнозировании этнических конфликтов.

Специфика деятельности позволяет полиции ООН отслеживать чрезвычайно важные процессы, протекающие в предконфликтном обществе, такие как динамика соотношения этнических групп в целом по стране и в местах компактного проживания национальных меньшинств, демографические тенденции и миграционные потоки этнических групп, динамика, структура и локализация преступлений на этнической почве. Комплексный анализ данной информации может выявить косвенные показатели ожидаемого обострения и подготовить рекомендации о мерах по предотвращению активной стадии конфликта.

При выполнении миротворческих и миростроительных задач на постконфликтной стадии возникает необходимость в обеспечении общественной безопасности, что является бесспорной прерогативой полицейских сил.

Это обусловлено тем, что разделенное конфликтом общество подвергается атакам преступных элементов и организованной преступности, приводящим к массовым нарушениям прав человека и жертвам среди мирного населения. В условиях «вакуума власти» деятельность криминальных элементов подрывает процесс установления согласия в обществе, а организованная преступность и коррупция тормозят, а иногда и останавливают процесс восстановления экономики, увеличивая социальную напряженность.

При отсутствии местной полиции их функции могут быть переданы полностью или частично силам полиции ООН,

наделенным правоприменительным мандатом, как это было в Косово и Тиморе-Лешти. Опыт Миссии ООН в Косово (МООНК) показал, что именно полицейские методы наиболее востребованы после активной фазы конфликта ввиду большей эффективности и минимального применения силы по сравнению с использованием вооруженных сил, так как полиция ООН обладает подготовленным персоналом и средствами для установления и поддержания режима общественной безопасности.

При проведении *миссий по содействию в выполнении всеобъемлющих мирных соглашений* полицейские ООН участвуют в восстановлении порядка и реформировании сектора безопасности, регистрации избирателей и наблюдении за проведением выборов и референдумов, репатриации и обмене беженцами, реформировании правоохранительных органов и предоставлении технической помощи в целях их развития в соответствии с демократическими принципами работы полиции.

При этом полицейский компонент может играть важную роль в установлении доверия местного населения к миротворцам ООН. В ходе многокомпонентных миссий ООН основную работу по организации взаимодействия с местными общинами, как правило, осуществляют сотрудники политического и информационного департаментов. Но при этом, решая задачи построения демократических полицейских сил, полицейские ООН активно работают с населением при проведении специальных программ, направленных на решение проблем местных общин (*community policing*).

Такие программы нацелены на пропаганду и обеспечение основных принципов демократического функционирования полиции, предусматривающих неукоснительное соблюдение законов для обеспечения защиты населения,

беспристрастность полицейских сил, их подотчетность парламентским, финансовым и демократическим институтам общества. В современных операциях сотрудники полиции ООН участвуют в проведении «дней открытых дверей», посещении школ совместно с местными полицейскими, организации общественных советов и групп по взаимодействию полиции и местной общины, спортивных и культурных мероприятий. В этих целях в структуре полиции ООН введены должности координаторов программ и офицеров по взаимодействию с местными общинами, которые планируют взаимодействие между гражданской полицией и населением, оказывают помочь местным муниципалитетам.

В ходе Миссии ООН в Судане существенный положительный эффект и общественный резонанс имела инициатива полиции ООН по созданию Комитетов по взаимодействию полиции и местной общины (*Police Community Relations Committee*) в округах г. Джуба (Южный Судан).

К работе в данных комитетах привлекались главы местного самоуправления, представители партий, лидеры женских и молодежных организаций, старейшины и сотрудники полиции правительства Судана. На заседаниях Комитетов обсуждались криминогенная ситуация и полицейско-гражданские мероприятия по поддержанию правопорядка, а также проводилось информирование населения о результатах совместных акций по профилактике преступлений, комплектовании местной полиции представителями этнических меньшинств и женщинами.

Проведенный анализ практики использования полиции ООН позволяет сделать вывод о том, что ее потенциал широко используется ООН для обеспечения безопасности, соблюдения прав и свобод граждан во время многокомпонентных миротворческих операций, что привело к расширению решаемых задач и изменению доктрины использования ГП ООН.

Принципы функционирования и критерии эффективности деятельности гражданской полиции ООН

Однако деятельность ООН и ее миротворческих миссий по реформированию сектора безопасности, предупреждению и пресечению массовых нарушений прав и свобод человека, создающих угрозу миру и международной безопасности, требует дальнейшего совершенствования.

В качестве негативных примеров можно привести отказ от беспристрастности и достаточно очевидные проявления симпатий руководства МООНК албанской стороне, значительно затруднившие выполнение Резолюции СБ ООН № 1244 (1999 г.) и вызвавшие трудности с комплектованием текущих многофункциональных миссий полицейским персоналом, а также факты нарушения законности, дисциплины и стандартов полицейской работы.

Поэтому для повышения роли гражданской полиции в миротворчестве ООН ее деятельность должна строиться в строгом соответствии со следующими основополагающими принципами:

- законности, предусматривающей строгое и точное соблюдение норм международного гуманитарного права всеми международными полицейскими, действие в соответствии с утвержденным мандатом;
- гуманности, предполагающей уважение и защиту людей не зависимо от пола, расы, национальности, а также лиц из состава вооруженных формирований, сложивших оружие;
- профессионализма, беспристрастности и нейтралитета гражданских полицейских ООН;
- признания легитимности власти местного правительства при активном взаимодействии с местными институтами власти и сторонами конфликта;
- конкретности мандата, позволяющего сторонам конфликта полностью осознать цели и задачи миротворче-

ских сил и их полицейской составляющей;

- постоянного анализа дестабилизирующих факторов и прогнозирования обострения криминогенной обстановки и вспышек насилия;
- своевременности реагирования на инциденты и адекватности принимаемых мер возникшей угрозе;
- права выбора любых незапрещенных нормами международного гуманитарного права и нормативными документами ООН способов выполнения поставленной задачи при минимальном применении силы в размерах, необходимых для поддержания общественного порядка;

– открытости деятельности ГП ООН.

При рассмотрении вопросов эффективности миротворческих операций в качестве главных критериев, как правило, выделяют выполнение или невыполнение в полном объеме мандата миротворческой миссии ООН и эффективность расходования финансовых средств.

Анализ миротворческого опыта ООН позволяет уточнить критерии эффективности участия ГП ООН, которые можно разделить на общие и частные.

Общими критериями эффективности являются:

- своевременность развертывания полицейского компонента миротворческой миссии ООН;
- соответствие мандата полицейского компонента военно-политической обстановке в зоне конфликта, строгая дифференциация задач в зависимости от фаз урегулирования конфликта;
- решимость (лидерство, морально-психологическая устойчивость полицейских) и готовность полицейского компонента выполнить мандат (наличие нормативно-правовых оснований деятель-

ности ГП, подготовленных кадров и должного ресурсного обеспечения);

– системность (единоначалие, четкая структура, система управления, отчетности и контроля), организационное построение (соответствие структуры полицейского компонента поставленным задачам и административно-территориальному делению района операции; соотношение персонала, дислоцированного в штабах и полевых станциях) и мобильность (способность адаптироваться к изменению мандата, зоны ответственности, численности персонала);

– гуманитарная ориентация (степень взаимодействия с подразделениями Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международным Комитетом Красного Креста, международными неправительственными организациями).

Частные критерии могут быть определены и классифицированы в зависимости от этапа урегулирования конфликта и задач полицейского компонента.

При развертывании миссий ООН для предотвращения конфликтов или поддержания мира критериями эффективности деятельности полиции ООН могут служить:

- соблюдение прав человека местной полицией;
- степень участия местной полиции в военных действиях;
- этнический состав полиции, включая представительство этнических групп на руководящих постах;
- состояние, динамика и локализация преступлений экстремистского и этнического характера;
- тенденции этнической и нелегальной миграции;
- степень содействия международных полицейских в урегулировании конфликта мирными средствами в ходе встреч и переговоров.

На стадии постконфликтного миростроительства в качестве критериев эффективности деятельности ГП ООН можно рассматривать:

- степень демилитаризации местной полиции;
- соответствие задач и структуры местной полиции демократическим требованиям функционирования правоохранительных органов;
- равное представительство этнических групп и пропорциональное гендерное представительство;
- соответствие программ подготовки международным стандартам;
- результаты обучения местной полиции в части соблюдения прав человека;
- оснащенность местной полиции;
- степень доверия в отношениях «общество-полиция».

Приведенные критерии позволяют более детально оценивать эффективность деятельности ГП ООН в зависимости от различных этапов и задач миротворческой миссии, так как на выполнение мандата ООН в полном объеме иногда уходят десятилетия.

В целом, компонент гражданской полиции в значительной степени способствует выполнению мандатов миротворческих операций и является неотъемлемой частью современных многокомпонентных миссий ООН, способной решать широкий спектр задач как на стадии предотвращения конфликта, так и в постконфликтном миростроительстве.

При этом с позиций финансовой эффективности, профessionализма и оперативности именно ГП ООН должна играть ведущую роль в координации и реализации относительно новых для миротворчества ООН задач в сфере реформирования сектора безопасности (*security sector reform*) в части создания и укрепления стабильных судебных институтов, эффективных и открытых правоохранительных органов, обеспечения

верховенства права в деятельности полиции и пенитенциарной системы.

Содержание компонента ГП ООН намного дешевле, чем содержание аналогичного по численности компонента гражданских служащих ООН из-за незначительного количества в штате полиции контрактных должностей ООН (как правило, комиссар полиции, заместитель комиссара, координатор по планированию, координатор по реформированию и реструктуризации местной полиции) и отсутствия дополнительных выплат полицейским за службу в опасных условиях (*hazard payment*). Универсальность подготовки, условия дислокации и прохождения службы полицейскими ООН позволяют уйти от неоправданной узкой специализации и обеспечить широкую взаимозаменяемость в работе.

Однако необходимо помнить, что компонент гражданской полиции ООН является частью миротворческой миссии, представляющей собой сложную комплексную систему. Поэтому приоритетные направления полицейской работы зависят от общих целей, определяемых политическим руководством миссии в лице Специального представителя Генерального секретаря ООН и его заместителя, курирующего полицейский департамент.

Как показывает практика, руководящие посты полицейской составляющей современных многокомпонентных операций распределяются с учетом геополитических особенностей региона проведения операции, политических интересов государств-членов ООН и

стран, представляющих полицейский персонал. Поэтому фактор лидерства может иметь значение при определении принципов полицейской работы, последовательности реализации задач, что может оказать влияние и на конечные результаты.

Несмотря на то, что Миссия ООН по стабилизации на Гаити (МООНСГ) формально является франкововорящей, ряд ключевых должностей в руководстве миссии и ее полицейского компонента занимают представители США и Канады. Поэтому в Главном штабе полиции ООН постепенно сложилась ситуация, при которой основным рабочим языком является английский, а французский становится языком полицейских станций. При этом количество представителей ГП ООН, владеющих только одним языком, постоянно увеличивается, а некоторые контингенты, например, китайский, нигерийский, непальский, шри-ланкийский, комплектуются только англоворящими сотрудниками. Данное положение требует дополнительных затрат на перевод служебной документации, снижает оперативность управления, эффективность системы отчета и контроля.

Поэтому для повышения эффективности миротворческой деятельности ООН постоянно совершенствует организационную структуру, систему управления и отбора кадров гражданской полиции как важного элемента динамичной системы современного миротворчества. Более активное использование полицейского компонента миротворческих миссий позволяет ООН адекватно соответствовать вызовам современной международной обстановки, в которой преобладают внутригосударственные конфликты.

Примечания

¹ Gowan R., Johnstone I. New Challenges for Peacekeeping: Protection, Peacebuilding and the “War on Terror” // Working Paper Series. – NY: International Peace Academy, 2007. // URL: <http://www.ipacademy.org>. P. 5.

² Резолюции СБ ООН №1704 (2006) от 25 августа 2006 г. и №1706 (2006) от 31 августа 2006 г. // Сайт ООН // URL: <http://www.un.org>.

³ Monthly Summary of Contributions (Police, Military Experts on Mission and Troops) // URL: <http://www.un.org>.

«Дипломат из страшной сказки»

Александр Берков

День рождения близнецов – Николая и Всеволода Софинских отмечали широко: дети, внуки, невестки, золовки; их наследники – словом, целый клан. Мне посчастливилось долго, почти на протяжении всей послевоенной жизни дружить с братьями. Дольше с Всеволодом – он и прожил больше и по роду занятий был ближе (юрист, тогда как Николай был историком), но оба должны занять место в благодарной памяти потомков. Сын Всеволода написал книгу «Папа глазами сына», но до издания она не дошла. А сейчас и вовсе откладывается: автор назначен послом в Перу. Так что не рассчитывая на нее, стоит поделиться тем, что осталось в душе.

Николай был заместителем министра высшего и среднего специального образования. Окончил артиллерийское училище и воевал «по профессии». А в мирное время основное внимание уделял развитию сотрудничества с зарубежными странами в области образования.

В двухтомнике «Современная политическая история» отмечается, что при нем стал более интенсивным обмен преподавателями, аспирантами и студентами. По его инициативе в 1972 г. был образован Институт русского языка им. Пушкина, в котором проходили учебу и усовершенствование иностранные преподаватели русского языка, был основан журнал «Русский язык за границей». Тесно общаясь с ним последние годы, убежден, что при правильном лечении он не ушел бы в лучший мир в 1986 г.

Всеволод окончил то же артиллерийское училище, и вместе с братом они составляли «экипаж машины боевой». Били фашистов на Курской дуге и других стратегических направлениях, что отражалось в названиях соединений. Пишу с известной долей зависти, так как моя дивизия стала 23 гвардейской Дновской по имени освобожденного ею города Дно в Ленинградской области. Хуже можно вообразить разве что «крыжопольская» или «кемьская».

А после войны мы оба входили в состав правления Российской ассоциа-

БЕРКОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, член правления Российской ассоциации содействия ООН.

Ключевые слова: Всеволод Софинский, встреча по правам человека (Оттава).

ции содействия ООН, работали в Международном отделе ЦК КПСС. Позднее, как писал главный редактор журнала «Международная жизнь» Борис Пядышев, «он блестяще вел отдел печати МИД СССР, где я работал его заместителем».

Б.Софинский был послом в ряде стран, возглавлял делегации на международных встречах и конференциях по правам человека, по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Опубликовал немало материалов по вопросам международных отношений, внешней политики, страноведения. Перевел несколько книг английских ученых. Помнится, Всеволод особенно охотно выступал в «Московском журнале международного права», случалось – вместе с В.Д.Зорькиным. Убежденно и увлеченно разрабатывал «международное право прав человека», детально описанное в трудах В.А.Карташкина, который подробно рассматривает различные точки зрения относительно существования двух отраслей права: международного гуманитарного права (МГП) и международного права прав человека (МППЧ).

Мне доводилось встречать Всеволода как бы в двух различных ипостасях. Причем в определенных ситуациях напористость, известный максимализм, готовность идти до конца были на пользу делу и ему самому. В других мешали. На Оттавской встрече по правам человека в рамках Хельсинкского процесса по инициативе американцев состоялась встреча наших делегаций. Американцы пришли с женами и каждый говорил несколько минут. У нас же Всеволод никому не дал открыть рот: говорил один за всех в качестве главы делегации. Правда, всегда по делу.

Не может кануть в Лету такое знаковое событие, показывающее наше и наших партнеров отношение к пробле-

ме. Это отразилось и в позициях, и в самом составе делегаций. «Я и моя делегация», – говорил представитель Монако, указывая на дочь (больше в делегации не было никого). А глава большой канадской делегации – «хозяева» встречи – всячески добивался общения и публичности: во время войны он попал в плен и был освобожден нашими солдатами. Но у нас была строгая директива, исключающая такую возможность. Этот факт говорит о нашем отношении к правам человека в то время: мы признавали только массовые, а не индивидуальные нарушения, к тому же только социально-экономические.

Осталась за кадром и уникальная процедура встречи, например, остановка часов. Это оказалось не журналистской фантазией, а реальностью: человек в рабочей робе поднимался на стремянку и зажимал стрелки. Тем самым продлевалось председательство прежней делегации, что давало определенные привилегии.

Всеволод на встрече был великолепен: находчив и саркастичен – особенно в полемике со своим визави главой делегации США Шифтером. Он стремился все брать на себя: не только высступления, но и все приглашения, что требовало не только интеллектуального, но и физического напряжения. Оттавскую встречу взялся проанализировать один из могикан – С.С.Зотов, но он неожиданно уехал послом в Словакию и «руки не дошли». А жаль! Там было много поучительного.

Так, заместитель главы нашей делегации был руководитель группы консультантов КГБ генерал-лейтенант С.А.Кондратшев – одаренный человек, всегда готовый давать интервью на английском, французском и немецком языках. Естественно, со своих позиций, расходившихся с нашими.

Вообще делегация состояла из людей с разными взглядами. Нам с Всево-

лодом пришлось резко полемизировать с ним по вопросу – включать ли в рекомендации полное исключение из уголовного кодекса смертной казни, которая была в нем прописана в качестве временной меры. Всеволод высказал блестящую формулу: нет ничего более постоянного, чем временные меры.

Насколько остро стоял вопрос, можно судить по словам С.А.Кондрашева, что ему следовало бы по своему каналу обратиться к председателю КГБ, но связан просьбой академика Арбатова всячески мне помогать. Мой друг со школьных лет Г.А.Арбатов обратился к нему с этой просьбой, не сказав мне ни слова.

У Всеволода в МИД не было такого прикрытия.

Но мне пришлось в Оттаве не только заниматься политической полемикой, но и выступить в новой для себя роли: парикмахера. Видимо, престиж превыше всего и одновременно с делегацией в Канаде появился лимузин для С.А.Кондрашева вместе со старшим лейтенантом – водителем.

Совкомандированные всегда стремились сэкономить на всем, а Кондрашев приобрел машинку для стрижки любимого барбоса и все захотели опробовать ее на себе. Когда все уже благоухали, мне стало досадно, что старлей один оставался заросшим и усадил его в кресло. Боже! Как это оказалось трудно.

Сначала получилось ниже с одной стороны, потом с другой. Я долго поправлял, но в конце концов постриг наголо. Вот уж истинно, не в свои сани не садись...

Всеволод один не поддался соблазну. Он знал себе цену. Тем более, что ему случалось побывать даже в сказке. Будучи послом в Новой Зеландии, он по совместительству был и нашим представителем в Западном Самоа и в Королевстве Тонга.

У нас всегда были откровенные отношения. Мне не нравилось, когда он с пафосом нараспив и, подняв палец, повестовал о посольской пенсии за «особые заслуги». Когда однажды он меня «достал», я не выдержал: «В чем особые? Из Новой Зеландии попросили, из Бурунди Москва сама отзовала, когда крокодил утащил жену повара».

Я был неправ. Ведь суть не в этом. А в том, что он многие годы закрывал амбразуру в Страсбурге, когда это было намного труднее, чем сегодня. Сказывалось откровенное идеологическое противоборство времен «холодной войны». Вот как он сам объяснял положение дел в журнале «Живая память», издаваемом Советом ветеранов журналистики.

24 января 1979 г. был приглашен к министру иностранных дел Новой Зеландии, который вручил ему ноту. В ней говорилось, что «в связи с вовлечением советского посла в процесс финансирования промосковской новозеландской партии он объявляется персоной нон грата».

Надо быть начисто лишенным слуха, чтобы не услышать в этом скрежет колесницы холодной войны и отзвуки афганских событий.

Уникальный и незаменимый человек, Софинский В.Н. очень много сделал для нашей страны, особенно ее внешней политики и культуры. Он мог бы еще долго выполнять дипломатический и гражданский долг, если бы не случилось несчастье: поскользнулся и сломал ногу у самых дверей поликлиники, куда шел лечить зубы. Так внезапно возникла ситуация полной безнадежности и бесперспективности. Есть нечем. Нога не срастается. Жена дежурила сама, а на время отсутствия установила пост медбратьев. Но «от судеб защиты нет». Поняв это, он решительно отвернулся от жизни. Как князь Андрей.

Мнение российских юристов-международников о решении ЕСПЧ по делу «В.М.Кононов против Латвии»*

По инициативе заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, профессора А.Х.Абашидзе в формате круглого стола с участием заведующих кафедрами международного права МГУ им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Всероссийской академии внешней торговли, Дипломатической академии МИД России, Казанского государственного университета, МГИМО(У) МИД России, Московской государственной юридической академии им. О.Е.Кутафина, Российской правовой академии Минюста России, Университета МВД России, Южного федерального университета и других было подготовлено консолидированное мнение в отношении Постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «В.М.Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г.

Документ был принят на заседании круглого стола с участием руководителей вышеперечисленных кафедр, который состоялся на базе кафедры международного права РУДН 28 января 2011 г.

Понятие военных преступлений по состоянию на 1944 год

Согласно аргументации Большой палаты ЕСПЧ, по состоянию на начало Второй мировой войны в международном гуманитарном праве (МГП)

сформировалось понятие военных преступлений и поэтому В.М.Кононов должен был осознавать преступность своих действий и возможность привле-

* Итоговый материал круглого стола представил заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор А.Х.Абашидзе. E-mail: aslanabashidze@rambler.ru

Ключевые слова: Устав Нюрнбергского международного военного трибунала, военные преступления, мирное население, комбатанты, принципы международного права, международное гуманитарное право.

чения к уголовной ответственности за них.

В целях обоснования такого положения дел Суд предпринял масштабное исследование источников МГП.

Однако выводы Большой палаты представляются противоречащими этим источникам.

МГП того периода действительно запрещало широкий круг методов ведения войны и квалифицировало некоторые из возможных нарушений в качестве преступлений. Однако индивидуальной уголовной ответственности за такие преступления международное право на тот момент не предусматривало.

Из исследования, предпринятого Судом, недвусмысленно вытекает, что к 1944 г. не существовало ни одного

действующего международного договора и не состоялось ни одного международного судебного процесса, который свидетельствовал бы о возможности уголовной ответственности отдельных лиц за военные преступления.

Нарушения законов и обычаяев войны могли влечь лишь традиционные для международного права формы ответственности государства перед другим государством: компенсация и т.п.

Виновные же в военных преступлениях могли подлежать уголовной ответственности только по законодательству отдельных государств. В международном праве идея об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления впервые была реализована в Нюрнбергском трибунале.

Применение Устава Нюрнбергского трибунала к военнослужащим антигитлеровской коалиции

Большая палата строит свою аргументацию на том, что во время Второй мировой войны МГП применялось одинаковым образом ко всем противоборствующим сторонам.

Из этой посылки Суд делает вывод о том, что деяния, признанные преступными Уставом и приговором Нюрнбергского трибунала применительно к представителям стран «Оси», являются преступными и подлежат уголовному наказанию и в случае их совершения представителями антигитлеровской коалиции.

Между тем, юрисдикция Нюрнбергского трибунала охватывала исключительно военных преступников стран «Оси».

С самого момента создания Трибунала началась дискуссия относительно того, не означает ли его Устав признания обратной силы уголовному закону. По этому вопросу обвинительное заключение, выступления обвинителей, текст приговора, последующая между-

народная и национальная судебная практика, а также доктрина международного права выработали следующую аргументацию.

Преступления, в которых обвинялись нацисты, безусловно, являлись нарушением норм международного гуманитарного права. Их характер и масштаб, без сомнения, давал основания считать их не просто противоправными, но преступными. В частности, эти деяния являлись преступлениями по национальному законодательству всех цивилизованных государств. Они совершались в рамках одного большого преступного проекта – развязанной Германией агрессивной войны. Все эти элементы были совершенно очевидны для нацистских преступников.

По этим причинам, если и можно говорить об обратной силе закона, то это касается лишь вопросов создания механизма привлечения виновных к ответственности и применения конкретных уголовных санкций. С учетом тя-

жести содеянного нацистами это небольшое отступление от принципа запрета обратной силы закона оправданно.

Обоснованность применения к нацистским преступникам особого подхода, который был бы неправомерен в отношении прочих лиц и государств, была в полной мере признана мировым сообществом.

Так, например, Устав ООН в ст. 107 предусматривает, что его положения «не лишают юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны ... в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав». Европейская конвенция о правах человека (п. 2 ст. 7) и Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 2 ст. 15), говоря о запрете обратной силы уголовного закона, указывают, что эти положения «не препятствуют преданию суду и наказанию любого лица за любое действие или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права».

В практике ЕСПЧ последовательно признается (со ссылкой на материалы подготовки текста ЕКПЧ), что это положение направлено на то, чтобы исключить из-под действия п. 1 ст. 7 «законы, которые были приняты в совершенно исключительных обстоятельствах после окончания Второй мировой войны в целях наказания за военные преступления, акты предательства и пособничества врагу» (решение

Европейской комиссии по правам человека (ЕКПЧ) по делу «Х против Бельгии» 1957 г.; цитируется в п.186 решения Большой палаты по делу Кононова).

Тем самым косвенно признается, что эти законы (то есть в первую очередь Устав Нюрнбергского трибунала), во-первых, несли в себе элемент обратной силы и, во-вторых, применялись только к преступникам стран «Оси».

Это мнение является господствующим и в доктрине международного права. Подтверждается оно и практикой государств: случаев, когда непосредственно на основании международно-правовых актов (а не национальных уголовных кодексов) к ответственности за военные преступления привлекались бы военнослужащие антигитлеровской коалиции, не известно.

Таким образом, можно констатировать, что в 1945 г. союзниками был сделан осознанный юридический, политический и нравственный выбор: привлечь к уголовной ответственности на основании частично ретроактивного применения уголовного закона только военных преступников стран «Оси» и не распространять этот закон на антигитлеровскую коалицию.

Это решение суда *ad hoc*, созданного для конкретной ситуации, впоследствии было признано правильным всем мировым сообществом.

Решение Большой палаты ЕСПЧ (п. 207) в корне противоречит этой правовой, политической и моральной установке, которую никто всерьез не подвергал сомнению на протяжении 65 лет.

Обратная сила уголовного закона

В отсутствие четких норм о военных преступлениях в международном гуманитарном праве периода Второй мировой войны латвийские суды, ква-

лифицируя деяния Кононова, ссылались непосредственно на Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г., а также на

Конвенцию о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г.

Возможность ретроактивного применения этих конвенций суды обосновывают законодательством Латвии, принятым в 1993 г.

Правовой статус убитых латышей

В латвийских судах и в ЕСПЧ стороны заняли противоположные позиции по вопросу о статусе лиц, убитых в ходе операции в Малых Батах.

Согласно латвийской стороне, их следует квалифицировать как гражданских лиц.

Защита Кононова и российская сторона утверждали, что они являлись комбатантами, так как сотрудничали с нацистами и, в частности, ранее предательски передали в их руки группу партизан под руководством майора Чугунова.

Большая палата фактически уклонилась от четкой квалификации статуса этих лиц. В своем решении она исходит из якобы наиболее выгодной для Кононова квалификации – латыши являлись либо комбатантами, либо «гражданскими лицами, принявшими участие в боевых действиях».

Этот подход заслуживает критики по нескольким основаниям:

Во-первых, вызывает удивление сам факт того, что Суд, сначала посчитав необходимым изучить вопрос о статусе убитых, в результате воздержался от точного ответа на него.

Здесь напрашивается вывод либо о признании Судом собственной некомпетентности в этом вопросе, либо о том, что ответ на него до сих пор не ясен.

В обоих случаях возникает вопрос, на каком тогда правовом и моральном основании Суд столь смело высказыва-

ется. Совершенно очевидно, что налицо нарушение основополагающего принципа современного уголовного права – запрета придания обратной силы уголовному закону, ухудшающему положение обвиняемого. Весьскую аргументацию по этому поводу приводит палата ЕСПЧ, рассматривавшая дело по первой инстанции.

ется по прочим вопросам МГП, дает четкую квалификацию в весьма спорных ситуациях, причем трактует неоднозначные моменты исключительно в пользу латвийской стороны, а не Кононова, как это следовало бы делать на основании современных принципов уголовного права, перечисленных в Статуте МУС 1998 г.?

Во-вторых, Суд, говоря о «гражданских лицах, принявших участие в боевых действиях», фактически изобрел новую категорию, до сих пор в международном гуманитарном праве не фигурировавшую. При этом Суд никак не объясняет, каким образом он приходит к существованию этой новой категории, а также не говорит четко об особенностях ее правового статуса.

По сути, речь идет о том, чтобы признать участие латышей в боевых действиях, но сохранить за ними все правовые гарантии, которыми пользуется гражданское население.

Между тем, согласно МГП все лица в ходе вооруженного конфликта за незначительными исключениями относятся либо к комбатантам, либо к гражданскому населению. И те и другие должны соблюдать обязанности, вытекающие из их статуса. В частности, гражданские лица, чтобы пользоваться соответствующими правовыми гарантиями, обязаны не участвовать в боевых действиях. При этом понятие участия в боевых действиях трактуется достаточно широко: сюда относится, в

частности, снабжение войск продовольствием, осуществление функций связи и т.д. Если гражданские лица занимаются такой деятельностью, они не только теряют право на защиту, но и рассматриваются как лица, перешедшие на сторону врага.

Ни одна из сторон в ходе разбирательства в ЕСПЧ не оспаривала, что убитые латыши передали в руки нацистов группу Чугунова. С учетом изложенной выше позиции предание их смерти находилось в полном соответствии с правом и практикой тех времен.

Рассмотрим теперь версию о том, что убитых латышей следует считать комбатантами.

В пользу этого варианта говорит признание латвийскими судами и ЕСПЧ того факта, что эти лица имели оружие, выданное немцами, а по крайней мере некоторые из них состояли в созданных немцами отрядах самообороны. В этой связи есть все основания считать, что предательство отряда Чугунова вытекало из обязанностей рассматриваемых лиц перед нацистами. Иными словами, эти люди были готовы сдать немцам всех партизан,

которые оказались бы в их деревне. В этом заключалось их постоянное боевое дежурство, и тот факт, что, как неоднократно подчеркивает ЕСПЧ, в момент инцидента с В.М.Кононовым жители деревни «готовились к празднованию Троицы», никак этому не противоречит. Таким образом, нападение отряда Кононова не произошло в отрыве от выполнения данными лицами своих боевых обязанностей и, следовательно, было правомерным.

При этом в нарушение норм МГП эти лица не носили оружие открыто, не имели отличительных знаков и т.д. В этой ситуации, даже по современному МГП, они не имели бы права на статус военнопленных. По сути, здесь речь шла бы о вероломстве в виде симулирования статуса гражданских лиц (что и проявилось в эпизоде с предательством отряда Чугунова).

Из изложенного можно сделать вывод прямо противоположный тому, к которому пришел Суд: независимо от признания убитых жителей Малых Бат гражданскими лицами или комбатантами нападение на них и предание их смерти не расходилось с нормами МГП того времени.

Внезапность нападения как военное преступление

Международное гуманитарное право прямо допускает вооруженное нападение на комбатантов, за исключением случаев, когда те выведены из строя (сдались в плен, ранены и не оказывают сопротивления и т.п.).

Большая палата ЕСПЧ строит свою аргументацию на том, что в момент нападения отряда Кононова пострадавшие от него лица не имели непосредственно при себе оружия и жили мирной жизнью.

Между тем, как показано выше, есть все основания считать, что, несмотря на это, латыши продолжали

выполнять свои воинские обязанности (были готовы донести немцам на партизан, что повлекло бы их неминуемую гибель).

Логика Суда выглядит здесь несостоятельной.

Если следовать ей, то придется заключить, что комбатантов противника можно атаковать, только убедившись в том, что они находятся в состоянии ведения боевых действий (не спят, не отдыхают, не принимают пищу и т.п.). Иными словами, любое внезапное нападение или атака с применением дальнобойных средств, когда атакующий

не может физически видеть противника, автоматически приравнивается к военному преступлению. Такой подход видится абсурдным.

Сомнительность выводов Суда тем более очевидна применительно к партизанской войне.

Подавляющее большинство партизанских операций основаны на внезапности и иных формах военной хитрости. По логике Большой палаты,

партизанская война представляет собой сплошную череду военных преступлений. И это при том, что, как указала палата Суда при рассмотрении дела по первой инстанции, «фактически данная операция едва ли отличалась от тех, которые проводились вооруженными силами союзников и местными отрядами Сопротивления во многих европейских странах, оккупированных нацистской Германией».

Преступный характер операции в Малых Батах

Суммируя вышесказанное, можно заключить:

- в 1944 г. международное право запрещало определенные методы ведения войны, но не содержало норм, предусматривавших индивидуальную уголовную ответственность за военные преступления;

- в отсутствие таких норм привлечение Кононова к ответственности означает приздание уголовному закону обратной силы;

- при этом на деле убитые латыши являлись законной военной целью; показательно, что убиты были именно те

лица, которые подозревались в предательстве отряда Чугунова, в то время как все остальные жители деревни (включая детей убитых) и их постройки остались невредимыми;

- по этой причине операция в Малых Батах не только не была преступной, но вовсе не нарушила действовавшее международное право (в отношении возможных правонарушений эксцессов, таких как сожжение заживо беременной женщины, сами латвийские суды прекратили уголовное преследование сняли обвинения с в отношении Кононова за отсутствием доказательств).

Осознание В.М.Кононовым преступности своих деяний

Большая палата значительное внимание уделяет тому, что В.М.Кононов, как «профессиональный партизан», должен был знать о правовом регулировании партизанской деятельности, осознавать риски предстоящей операции и, в конечном счете, понимать, что она была преступной и могла привлечь уголовную ответственность.

Эта аргументация представляется несостоятельной не только потому, что операция в Малых Батах не являлась преступной, но и по ряду других причин.

Так, едва ли корректно приравнивать боевую деятельность партизан к профессиональной деятельности, требу-

ющей знаний о ее правовом регулировании. Общеизвестно, что партизаны (как и подавляющее большинство прочих военнослужащих в ходе войны) проходили лишь незначительную специальную подготовку, а в гражданской жизни владели иными профессиями. Война была для них вынужденным времененным занятием. Наконец, следует принимать во внимание и возраст В.М.Кононова в 1944 г. – 19 лет. Применение к нему правил об осознании профессиональных рисков — по меньшей мере, натяжка.

Кроме того, как установлено судами, отряд Кононова действовал во исполнение приказа (основанного, как им было сказано, на решении парти-

занского военного трибунала), и целью его было приведение в исполнение решения в отношении конкретно определенных жителей Малых Бат.

Ни ЕСПЧ, ни латвийские суды не приводят оснований, по которым Кононов должен был бы сомневаться в справедливости и законности этого приказа.

Наконец, пожалуй, наиболее очевидным свидетельством отсутствия возможности для Кононова предвидеть уголовные последствия операции является сама история данного судебного разбирательства.

Дело Кононова рассматривалось латвийскими судами в шести различных инстанциях и Европейским Судом в двух инстанциях.

Неприменение сроков давности

Большая палата ЕСПЧ обосновывает неприменение к операции в Малых Батах сроков давности привлечения к уголовной ответственности тем, что в 1944 г. в международном праве таких сроков давности не существовало.

Этот аргумент поистине удивителен. В условиях, когда само наличие понятия военных преступлений, подлежащих индивидуальной уголовной ответственности, на тот момент, по меньшей мере, спорно, предполагать наличие четких норм о сроках давности просто абсурдно.

Между тем, уже тогда в национальных правовых системах примене-

По сути, на каждом этапе квалификация действий Кононова менялась.

Разбирательство вызвало нешуточные споры в общественности, в том числе среди юристов-международников. Иными словами, если даже сегодня, когда международное гуманитарное право сделало значительные шаги вперед, среди специалистов нет единства мнений относительно законности операции в Малых Батах, как можно требовать четкого осознания преступности этой операции от 19-летнего партизана, не знакомого с правовыми нюансами и тем более не способного предвидеть политические и правовые изменения, которые произойдут в течение последовавших 50 лет?

Правовой статус Латвии в 1944 году

ние сроков давности к преступлениям стало общепризнанной практикой.

Большая палата исходит из того, что сроки давности – исключение из правила.

Представляется, что на деле ситуация обратная: сроки давности – правило, а их неприменение – исключение. Это исключение было, в частности, сделано в отношении военных преступлений и преступлений против человечности в соответствующей Конвенции 1968 г. Придавать этой Конвенции обратную силу значит противоречить основополагающим принципам современного уголовного правосудия.

В 1944 г. Латвия являлась частью СССР. В ней действовали законы СССР.

К чести Суда, он не оспаривает принадлежность территории Латвии в 1944 г. к Советскому Союзу и не высказываетя относительно правомерности ее вхождения в СССР в 1940 г.

Из этого, однако, вытекает важный вывод, которого Суд не делает.

Если Малые Баты находились на территории СССР, то и жители деревни должны рассматриваться как граждане СССР. Соответственно, в инциденте с отрядом Кононова советские граждане пострадали от советских же партизан на советской территории.

Между тем, международное гуманитарное право, говоря о гражданском населении, регулирует (и уж тем более

в тот период регулировало) только взаимоотношения между войсками одной стороны и гражданским населением другой стороны.

Отношения между военнослужащими и гражданскими лицами одной и той же стороны конфликта из этой схемы выпадают.

Методологические изъяны в аргументации Суда

Следует отметить и еще одно обстоятельство: на протяжении всего текста решения Большая палата постоянно меняет стандарты доказывания, из нескольких возможных вариантов регулярно выбирает тот, который более удобен в данном конкретном контексте, искажает содержание международных документов и доктринальных источников.

Так, анализируя международные документы, которые якобы свидетельствуют о наличии в международном праве на 1944 г. устоявшегося понимания военных преступлений и индивидуальной уголовной ответственности за них, Суд смешивает воедино конвенции и рекомендательные документы, вступившие и не вступившие в силу договоры, упоминает о проектах, не получивших развития и т.д.

Обосновывая применимость к Кононову Устава Нюрнбергского трибунала, Суд приводит примеры из судебной практики, которые сплошь касаются привлечения к ответственности государством либо своих собственных военнослужащих, либо нацистов. Объяснения, почему это дает право Латвии привлекать к ответственности советского партизана Кононова, Суд не предоставляет.

Суд весьма вольно трактует произведения авторитетных юристов-международников.

Так, например, среди обоснований наличия в МГП возможности индиви-

дуальной уголовной ответственности за военные преступления Большая палата приводит мнение Л.Оппенгейма и Х.Лаутерпахта. На поверку же оказывается, что в своей книге эти классики международного права прямо указывали: военные преступления являются источником ответственности государств и их органов (но не отдельных лиц).

Другой пример: Большая палата, говоря о связи операции Кононова с вооруженным конфликтом (в обоснование применимости к ней МГП), ссылается на одно из произведений другого классического автора М.Ляхса. На деле же, говоря о необходимости такой связи, Ляхс прямо указывал, что военное преступление должно совершаться против комбатантов или граждан государства-противника. Суд же полностью обходит этот второй вопрос. Этот список примеров можно продолжать.

Следует упомянуть и о том, что Большая палата упоминает как об установленных фактах некоторые эпизоды, исключенные из окончательного приговора Кононову Верховным судом Латвии.

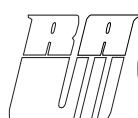
По сути, латвийское правосудие не смогло доказать личного участия Кононова в каком-либо эпизоде и признало его виновным как командира операции, которая была преступной сама по себе. Это означает, что вменять Кононову возможные элементы превышения полномочий отдельными членами его отряда нельзя. Большая же

палата фактически исходит из того, что Кононов несет ответственность за каждый эпизод операции.

В целом же – и это главное – Большая палата в своей аргументации постоянно трактует спорные элементы не в пользу Кононова. И это в ситуации, когда все выводы Суда основаны не на четком прочтении тех или иных текстов, а на их анализе в сложной взаимосвязи и заключениях по принципу

«таким образом, можно сделать вывод...».

Фактически Суд сам признает, что находится в такой правовой сфере, где четкие нормы отсутствуют. В таком положении было бы естественно опереться на принцип уголовного права, согласно которому любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Суд же поступил прямо противоположным образом.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или представляется на диске в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присыпаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (ученого подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Обозреватель–Observer № 2, 2010

Forecasting of an energy policy

V.Artyushkin

Procedure of an economic and political situation connected with current situation at the world oil market forecasting is offered in the article. The procedure contains compact mathematical model of a cycling economic processes. The model allows to split the dynamics of a current situation and compare caused economic and political factors in side. The statistical interrelation of political and economic processes and cyclic pattern are offered as a basis for a scenery method of an energy policy forecasting.

Key words: The energy policy, current situation at the world oil market, modeling, economic forecasting, political forecasting.

About the author: ARTYUSHKIN Victor – Senior Fellow, Center for Global Problems of the Institute for International Studies, MGIMO University.

Necessitas publica major est quam privata

S.Daniluk

The author challenges the modern concept of human rights and freedoms.

It is stated that the western-minded doctrine of natural rights, which has been formalised in the Universal Declaration of Human Rights and other international legislation pursuant thereto, leaves out a wide diversity of centuries-old religious and moral, cultural and intellectual values and traditions of nations exterior to the occidental civilization.

The present-day West is involved in a hazardous absolutisation of several rights and freedoms that are contrary to Christian ethics and the depravity is often justified by human rights.

Therefore the modern human rights doctrine needs to be developed in the light of universally shared intercivilization values.

Key words: Christian religious values, Universally recognized principles and standards of international law, Liberal concept of human rights and freedoms, Intercivilization values.

About the author: DANILUK Stanislav Evgenievich – judge of the Constitutional Court of the Republik of Belfrus.

Deadlocks in the water-capacions products trade

M.Lemeshev, A.Maximov, B.Maslov

In the third part an assessment of the Water strategy for RF up to 2020 is made in connection with acute problems of the Russian water sector, world experience and tendencies in water economy activities. Defective role for Russia of private export-

oriented water and energy-capacious raw materials is shown. To ground this, an example of water economy servicing the private aluminium branch is given.

Key words: Water strategy for RF up to 2020, competitiveness of water sector, United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), water servicing export raw materials, water productivity in industry, basin approach, “governance” and “management” of water.

About the authors: LEMESHEV Mikhail Yakovlevich – Professor, the Chair of the State Economy Regulation, Moscow State University of Management, Doctor of Economic Science, full member of the Russian Academy for Natural Sciences.

MAXIMOV Alexei Alexeevich – Water engineer, economist (international economic relations); Honored Meteorologist of the RF.

MASLOV Boris Stepanovich – Professor, Doctor of Technical Science, full member of the Russian Academy for Agricultural Science, Honored Scientist and Technician of the RF.

The notions of threat and challenge to national security

A.Michaylenko, S.Gruzgov

A new approach to notions of threat and challenge to national security is proposed, and on this basis the authors examine the main threats and challenges connected with Russia's accession to the World Trade Organization.

Key words: national security, national interests, threat and challenge, Russia's accession to the World Trade Organization.

About the authors: MICHAYLENKO Alexander – Doctor of politology, professor. Gruzgov Sergey – Post-graduate student.

The «Sustainable development's» myths: the «Global getting warmer» or the global «creeping revolution»?

V.Pavlenko

The next to last part of the article deals with the problems of the collective security and the conflict's governance. The author shows, that the theoretical basis and methodology of those problem's examination were elaborated in ninetieths and early two thousandths in some of UN reports and other documents. The practical part of this problem is examining by the author with the help of the The UN Peacebuilding Commission's (PBC) basic documents. So the causes of its appearing are investigating in the article, as well as the Comission's connection with the Global governance's political branch forming. The author pays the special opinion to PBC's goals, problems and perspectives. Also he shows the «Sustainable development» conception's role in this process.

Key words: Global governance, «Sustainable development» conception, collective security, preventive diplomacy, conflict's governance, UN, UN documents and reports, The UN Peacebuilding Commission, «The New World Order».

About the author: PAVLENKO Vladimir Borisovich – D-r of the political Sciences.

The UN civilian police: actual aspects of peacekeeping.

S.Tishkov

The article studies the main areas of international civilian police responsibilities in conflict resolution, peacekeeping and peacebuilding. Main criteria of civilian police effectiveness in UN multidimensional peacekeeping missions specified based on the peacekeeping experience.

Key words: UNO, peacekeeping, peacebuilding, civilian police.

About the author: TISHKOV Sergey – Police colonel, participant of UN Missions in Kosovo and Sudan, Candidate of Political Sciences.

Diplomat from a terrible tale

A.Berkov

Remembrance of a close friend about outstanding diplomat and scientist, who tragically died, about his war and peaceful days.

Key words: Human rights, sovereignty, internal jurisdiction, international law of human rights.

About the author: BERKOV Aleksandr Aleksandrovich – United Nations Association of Russia.

The published material of the round table was presented by professor A.Abashidze

The present joint opinion of international law department heads of the leading national universities express the estimation and critical assessment regarding the provisions of the ECHR Grand Chamber Ruling in the case «V.M. Kononov vs. Latvia» which, according to their opinion, run counter to the principles of the Nuremberg Military Tribunal Charter and the decisions of the Tribunal subsequently recognized by the UN General Assembly as core principles of the modern international law.

Key words: Nuremberg Military Tribunal Charter, war crimes, civil population, rebels, international law principles, international humanitarian law.

About the author: ABASHIDZE Aslan – professor PFUR and MGIMO (University), Doctor of Law, member of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights.

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
маркетинг, реализация, реклама
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 14.02.2011. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 190.